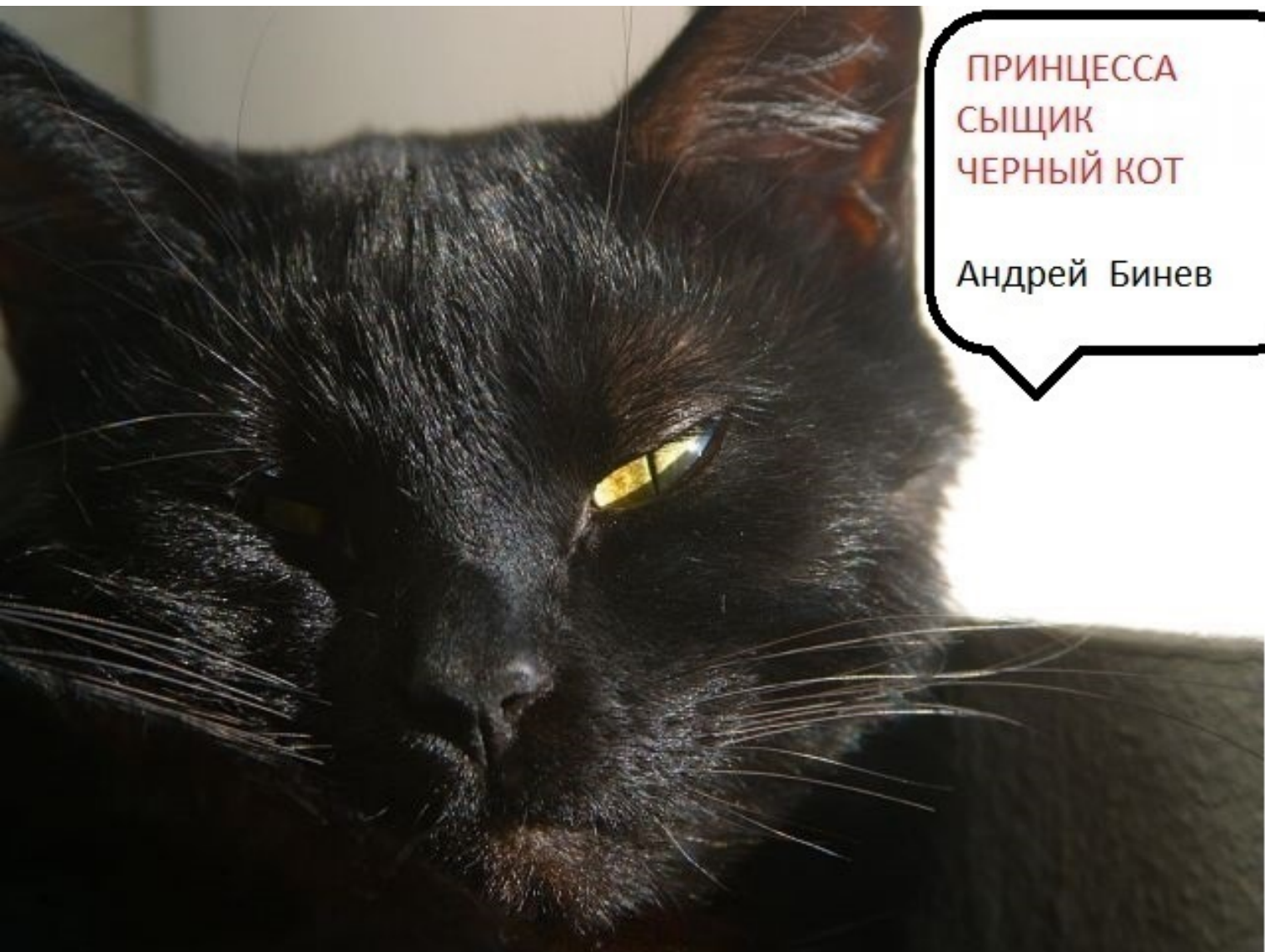

ПРИНЦЕССА
СЫЩИК
ЧЕРНЫЙ КОТ

Андрей Бинев

Тихо в веках бьется бесконечное время, словно сердце в груди Вселенной, и чья-то неясная речь звучит роковым предостережением. И вьется неясной дымкой путаная и противоречивая древняя легенда...

ОДНО ОКО, ДА ВИДИТ ДАЛЁКО...

Андрей Бинев

Принцесса, сыщик и черный кот

«Автор»

Бинев А.

Принцесса, сыщик и черный кот / А. Бинев — «Автор»,

«Эта странная история начинается в седой древности, именно туда уходят ее корни... Горькие слезы, кровь и страдания выпали на долю людей, лишь коснувшихся тех забытых далеких событий. Англичане говорят: «Не будите спящую собаку», но всегда найдется кто-то, решивший, что это не мудрость, нажитая человеческим опытом, а всего лишь пустая фраза. Есть у тех же англичан и другая пословица про братьев наших меньших – «у кошек, мол, девять жизней». И к этому многие относятся так, будто ничто не скрыто за набором нескольких, казалось бы, абсурдных слов. Но тихо в веках бьется бесконечное время, словно сердце в груди Вселенной, и чья-то неясная речь звучит роковым предостережением. И вьется дымкой путаная и противоречивая древняя легенда...»

© Бинев А.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	39
Глава 10	46
Глава 11	52
Глава 12	70
Глава 13	72
Глава 14	74
Глава 15	83
Глава 16	86
Глава 17	88
Глава 18	91
Глава 19	94
Глава 20	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Андрей Бинев

Принцесса, сыщик и черный кот

*Дмитрию Иванову и Виталию Кабакову,
моим литературным крестным ангелам.*

*Одно око, да видит далёко.
Русская народная пословица*

Часть первая

Кошки

Пролог

Эта странная история начинается в седой древности, именно туда уходят ее корни... Горькие слезы, кровь и страдания выпали на долю людей, лишь коснувшихся тех забытых далеких событий. Англичане говорят: «Не будите спящую собаку», но всегда найдется кто-то, решивший, что это не мудрость, нажитая человеческим опытом, а всего лишь пустая фраза.

Есть у тех же англичан и другая пословица про братьев наших меньших – «у кошек, мол, девять жизней». И к этому многие относятся так, будто ничто не скрыто за набором нескольких, казалось бы, абсурдных слов.

Но тихо в веках бьется бесконечное время, словно сердце в груди Вселенной, и чья-то неясная речь звучит роковым предостережением. И вьется дымкой путаная и противоречивая древняя легенда...

* * *

«В сизой дымке жаркого утра, в горячем мареве зарождающейся новой жизни, темнела вершина лесистой горы. Ни облачка на небе в этот ранний час, ни даже самого малого ветерка над морем, ровным, точно бескрайнее изумрудное стекло.

Паруса бессильно повисли.

Пустыми глазницами смотрит на близкий берег деревянное чудовище, вбитое в нос судна и грозно нависшее над спокойной водой. Горгона Медуза ли это? А быть может, Сирена из Сицилии, до поры до времени упрятавшая свои хищные птичьи когти под скрипучую, пересохшую палубу? Или же это злобная Гарпия, безжалостная богиня вихря?

Время и люди разрушили идолов, и ныне никто уже не сможет сказать, кем они были в действительности, эти колдовские создания: исчадиями ада, посланцами ужаса или же богами надежды путников и моряков. Вода, соль и ветра уравнивали их, одинаково полировали лбы, носы, подбородки, глазницы – делали похожими на состарившихся близнецов.

В каюте под капитанским мостиком уже давно не спит императрица. Среди ночи она пробудилась, замороженная удивительным сном. Будто пришла к ней Дева Пречистая, овеяла благоуханием белого покрывала и тихо, проникновенно зашептала на ухо:

„Вернись, Елена, в Иерусалим, откуда держишь путь свой в Великий Рим к своим дворцам и подданным, поднимись на Голгофу вслед за Сыном Его, вскопай Святую землю ногтями своими и подними Святой Крест Животворящий, на котором в муках распят был Сын

Его. Раздели на части Крест тот и привези одну часть его на остров, что называл Геродот „Лесистым“, где заблудшие души тысячи лет трудами своими изыскивают из глубин медь, которую зовут римляне купрумом. Увидь высокую гору, овеянную ветрами с моря, с плоской каменистой вершиной, изгони гадов с нее и поставь во славу Святого Креста Животворящего мужской монастырь, и оставь в нем на вечное хранение ту часть, что привезешь с собой со Святой Земли.

Но прежде чем поднимешь Крест Святой и пойдешь обратно с ним на остров, прозванный Геродотом „Лесистым“, наполни трюмы кошками и котами Египетскими, большими и малыми, окраса разного, нрава жестокого, и выпусти их первыми на берег Острова. Пусть стелятся они полчищами несметными к той Горе и пожирают гадов, пусть изгоняют нечисть адову. И только после этого поднимись, Елена, на Гору и схорони там то, что везешь с собой из Святой Земли, с горы Голгофы. И будет имя твое и сына твоего императора Константина свято во веки веков, и да святится Остров „Лесистый“, и да прорастут на нем зерна Истины, Иисусом Христом посеянные и Кровью Его орошенные. И да поднимутся здесь храмы и церкви Святые числом не меньше пяти, и монастырь на той горе пусть вечно манит морских путников к себе, и да назовут гору на языке эллинов „Ставровуни“, что значит „Гора Святого Креста“. Аминь!”

Императрица поднялась на сухую, горячую от многодневного зноя, палубу и подошла к самому носу судна, уперев левую руку в шершавое тело вбитого в него чудовища. Тут она и узрела в утреннем мареве вершину горы. Елена вздрогнула и прижала руки к груди. В ушах ее с необычайной силой вновь зазвучал голос из беспокойного сна:

„Увидь высокую гору, овеянную ветрами с моря, с плоской каменистой вершиной...”

– Что это? – вскрикнула императрица.

– Остров „Лесистый“. Другие зовут его Купрумусом, а Эллины – Кипром, Ваше императорское Величество, – услышала она за спиной хриплый голос кормчего, кривоногого бородастого фракийца, сына дикого племени.

Императрица резко повернулась к нему, и фракиец, отпрянул при виде лица императрицы, просветленного неожиданным восторгом.

Глаза Елены пылали.

– Как ты сказал, фракиец? – прошептала императрица.

– „Лесистый“... Кипр. Лесистым его назвал великий Геродот. Я десятки раз проходил мимо него и дважды бросал здесь якорь, госпожа моя. Он запечатлен на всех картах.

Императрица вновь повернулась к острову и вытянула вперед руку, указывая на него.

– Что это за гора, фракиец?

– Мне не известно это, госпожа. Мы не ходим туда, мы мореплаватели, а не солдаты. Но рассказывают, что ходить туда небезопасно...

– Почему? Говори, почему!

– Змеи. Там полно гадов! Человеку нет места на той горе.

Императрица вновь задумчиво посмотрела на остров и, не глядя на кормчего, твердо произнесла:

– Поворачиваем назад, к Синайской земле. Мы возвращаемся!

– Как вы сказали, госпожа моя? – ошарашенный фракиец.

– Назад, кормчий! Я видела сон, ко мне явилась Пречистая Дева. Идем назад!

Елена вернулась в свою темную дуинную каюту.

– Да святится имя Твое, Господи! – прошептала Елена и истово перекрестилась, глядя на древнюю икону, под которой мерцал коптящий огонек.

Рассказывают, будто попутный ветер наполнил паруса, и очень скоро судно, которому теперь не требовались усилия гребцов, причалило к берегам Святой Земли.

Еще говорят, что Елена, мать императора Константина, собрала землекопов, облачилась в рубище и под палящим солнцем поднялась с ними на Голгофу. Они вгрызлись заступами и лопатами в ссохшуюся землю, в серые, обветренные камни.

„Здесь дух Его крови!“ – шептала коленопреклоненная Елена.

И на десятый день свершилось. Под заступом безвестного землекопа, а кто-то говорит, что и под обломанными ногтями самой Елены, показалось почерневшее за три столетия дерево.

Императрица опустилась на землю и, рыдая, выцарапывала из сухой земли Святой Крест, на котором в муках был распят Иисус из Назарета.

А еще рассказывают, что римская императрица, тяжко искупавшая вину своих предшественников, воздвигла храм над тем святым местом, куда принесли когда-то тело Его, вскоре воскресшее.

Потом плотники отделили ей от Святого Креста малую часть и погрузили на судно.

Тут Елена и вспомнила о гадах на горе, и велела, заполнить трюм „кошками и котами Египетскими, большими и малыми, окраса разного, нрава жестокого“. И только после этого подняли якорь и взяли путь на Остров. Попутный ветер бойко гнал судно и надувал паруса так, что кормчему, диковатому фракийцу, не нужно было искать в открытом море невидимый человеческому глазу путь – ветер был его компасом и рулем.

Тихим ранним утром подошел корабль к песчаному берегу, над которым нависала огромная гора, кишащая злобными гадами, союзниками Врага Человеческого.

И выпустили с корабля оголодавших в пути животных. И кинулись кошки, злобно рыча, на гору, и завязался долгий, кровавый бой Света с Тьмой. Страшно шипя, змеи отступили от горы и уползли в древние, заброшенные шахты, из которых когда-то добывалась медь. Там и шипят злобно по сей день.

А кошки и коты Египетские потянулись узкой лентой через южную оконечность Острова на широкий мыс Акротир, и зажили там своим племенем в оливковой роще.

Но, помня свой долг перед ними, освободителями Ставровуни, горы Святого Креста, императрица воздвигла им дом – женский монастырь и призвала им в защитники святого Николая.

Тогда же началось строительство другого монастыря на плоской вершине горы, возвышавшейся над островом более чем на шестьсот метров. И там, за высокими стенами, в Храме Святого Креста Животворного по сей день хранится то, что привезла со Святой Земли Елена, мать императора Константина.

И весь христианский мир доныне помнит Святую Елену и сына ее Святого Константина, что первый принял в Великой Римской империи новую веру, как „дозволенную“, хоть сам вошел под ее святое лоно лишь перед смертью своей. Восточная Римская Империя с центром в основанном им на древних камнях Византии великом граде Константинополе есть вечный памятник ему, как на острове Кипр святым памятником его матери Елене является монастырь Ставровуни.

А потомки тех котов и кошек живут по сей день на берегу соленого озера, в чаще оливковой рощи, в монастыре Святого Николая. И если Ставровуни виден издали морским путешественникам, то дом кошек недостижим для глаз приезжих. Там хранится великая тайна Острова, под неусыпным оком четырех посвященных старых монахинь и сотен кошек и котов, возглавляемых несколькими умнейшими особями невероятной величины и жестокого нрава. Это тайный орден, несущий свою службу в веках. Лишь роятся над ними осы с жаалами, похожими на копыта, да палит их солнце и сушит шкуры соленый ветер».

Глава 1

Козмас

Роман, среднего роста, лет около сорока, светловолосый, крепкий телом, голубоглазый и белокожий, слушал этот рассказ поздним летним вечером, сидя в маленькой таверне на берегу моря. «Клефтико», тушенная много часов на медленном огне баранина, уже давно остыла в глиняном горшке. Худой, высохший грек-киприот, местный полицейский майор, довольный произведенным эффектом, улыбался.

– Вот так, русский! А вы всё говорите – у вас, мол, там Третий Рим. Зато здесь – Второй! – он сильно постучал пальцем по столу. Роман слушал его английскую речь, окрашенную колоритом местного звучания, и тоже улыбнулся.

– Спасибо, Козмас. Это интересно. Хорошо бы еще увидеть монастырь.

– Вот же он! – воскликнул Козмас и показал на гору, над которой возвышались древние стены.

– Я о другом...

– О монастыре кошек?

– Пусть так... Хорошее название.

– Я туда не поеду. И тебе не советую!

– Почему? Что-нибудь не так?

– Так. Все так! Но там нечего делать людям. И потом... ты не найдешь его. Там английская военная база. Въезд закрыт.

– Монастырь на ее территории?

– И да, и нет. Формально – да, но фактически...

– Что «фактически»?

– Они убрали посты ближе к берегу, к Ледис-майл, к старому пляжу, но... сам понимаешь, все же авиационная база. На ней ночевали их боевые машины перед бомбежками. Это – тайна!

Он поднял кверху палец и огляделся вокруг себя, не слышит ли кто. Посмотрел на полного, усатого старика, собиравшего посуду с соседних столиков. Тот вздохнул и покачал головой. Полицейский нахмурился.

– Какими бомбежками, Козмас?

– Какими, какими! Какими надо! – и перешел на шепот:

– Когда Ирак утюжили! И в первую, и во вторую войну, и вот... недавно.

– А причем здесь кошки?

– Ни при чем. Кошки здесь ни при чем.

Он поднялся, взял со стола фуражку и надел ее на коротко подстриженную, черноволосую голову.

– Я поехал, Роми. Пора. Ночью я в патруле на дороге к Пиле. Обязательное дежурство раз в месяц, черт бы их всех подрал! Если будет время и желание, заскакивай. Там работают ирландские военные полицейские – неплохие парни, только пьяницы, как вы.

– Может, поэтому и неплохие, а? – засмеялся Роман и отхлебнул вина из глиняной кружки.

– Может быть! Тогда мы, киприоты, какие? Мы ведь так не пьем...

– Вы трезвые! – строго сказал Роман.

Козмас кивнул и, ворча себе под нос «трезвые... трезвые...», пошел к машине. Он сел за руль, завел двигатель и что-то сказал в переговорник радиостанции. Ему, шипя и хрипя, ответили. Козмас вспыхнул, взмахнул рукой и, провожаемый улыбкой Романа, выехал на шоссе. Колеса, подняв тучи пыли, зашелестели на мелких острых камешках.

Глава 2

Костас

– Он все наврал, этот чертов Козмас! – услышал Роман за спиной скрипучий голос.

Русский повернулся и с удивлением уставился на седоусого мужчину, протирающего уже пустые деревянные столы.

– Почему вы не едите? – мрачно спросил старик.

– Я сыт.

– Я готовлю клефтико на этом самом месте уже почти двадцать лет. Всю ночь оно тушится, тушится... Наша баранина не пахнет, как ваша. Хотите, я подогрею, или подам что-нибудь другое?

– Нет, благодарю вас. А почему вы сказали, что он все наврал?

– Все было не так.

– Что, не было Елены, не было кошек?

– Почему! Были – и кошки, и Елена. Но только к ней не являлась Пречистая Дева... – он поднял кверху глаза и перекрестился. – К ней снизошел Ангел. Было очень ветрено и необычайно холодно даже для ранней весны...

– Я вас не понимаю.

– А что тут не понять... Хотя мой английский... Но ведь вы не говорите на настоящих языках, на греческом, например! Вы что-то бормочете на своем, на русском, и на этом чертовом английском... Вот возьмите, например, это блюдо... – он указал толстым кривым пальцем с обожженным ногтем на холодное, застывшее белым жиром варево, которое все еще стояло перед Романом.

– И что же?

– Знаете, что означает это слово – «клефтико»?

– Что-то напоминает, но что? Не знаю, сэр.

– Какой я вам «сэр». Зовите меня Костасом. Так меня называли родители.

– Хорошо, пусть Костас. Тогда я тоже не «сэр». Просто Роман.

Он привстал, протянул старику руку. Рука Романа словно попала в каменный жернов, который сжал ее со всех сторон так, что больно хрустнули кости.

Старик отпустил ладонь Романа и посмотрел ему в глаза, ища извинения.

– Ничего, ничего! Ну и ручища у вас! – вскрикнул Роман.

– И у отца такая же была, и у деда. А у вас легкая рука. Вы заняты чистым делом, сэр.

– Роман. Меня зовут Роман. А дело мое не очень чистое. Я – полицейский. Здесь по делам.

– Ищите русских бандитов?

– Нет. Не ищу. Уже нет...

– Они уехали? – в голосе старика угадывалась несмелая надежда.

– Они уже не бандиты, дорогой Костас. У них теперь... как бы сказать... легкое дело.

– Деньги считают?

– Именно.

– У нас таких полно своих, тихих.

– Вот как? А Козмас говорил, это не так.

– Козмас наглый лжец, как я погляжу! Да Бог с ним. Одно слово – полицейский!

Роман засмеялся.

– Извините, сэр! Я не вас имел в виду.

– Ничего! Так что там насчет «клефтико»?

– А вот теперь я вам скажу, – вдруг улыбнулся старик и присел за стол напротив Романа. Он склонил набок свою крупную, сидящую голову, сразу став похожим на старого лукавого ежа – короткой стрижкой и смеющимися остренькими карими глазками. – Клефтико, сэр... извините, Роман... Клефтико – значит – ворованное. Потому что происходит от слова «клеп-тико». У нас, на Кипре, язык немного отличается от того, что на материке. Понимаете? На материке говорят «пэ», а у нас «эф». Значит «клефтико»! Ясно?

– Да-да! Вот откуда мне это знакомо – клептомания. Есть такое понятие... И у нас.

– Оно у всех есть, где живут люди. Все воруют.

– Значит, и это блюдо украдено?

– Ни в коем случае! – Костас всплеснул руками и бросил тяжелые ладони на доски стола. Посуда подпрыгнула, словно испуганная неожиданным гневом хозяина. – Это просто такое название. Хотите послушать?

– Валяйте.

– Очень давно здесь были турки. Они не едят свинину – мусульмане. А мы едим. Из-за них, проклятых...

– Что вы этим хотите сказать?

– Когда они пришли сюда, на остров, то стали отнимать у нас баранов, овец, и позволяли есть только свинину. Она неплохая, это верно! Но баранина – куда лучше!

– И что же?

– По ночам наши самые смелые парни воровали у них баранов, закалывали и, разрубив на мелкие куски, прятали в печь, в глиняные горшки, до утра. Они держали их там на медленном огне, чтобы не сжечь. Потом ели и надсмехались над турками, а тем оставалось только пересчитывать баранов, многих из которых ждала та же печальная участь.

Роман рассмеялся и с любопытством заглянул в свой остывший горшочек.

– Разогреть? – спросил старик, и его глаза блеснули, наверное, тем же бесовским огнем, который мерцал когда-то в глазах смелых воров, выбирающих в турецком овечьем стаде свою жертву.

– Разогрейте.

– Лучше я подам вам новую порцию. За мой счет, сэр, за счет заведения.

Старик ушел, а Роман посмотрел на темнеющее небо и вдруг что-то вспомнил. Он крикнул вслед старику, скрывшемуся в каменном сарайчике, из трубы которого поднимался легкий серый дымок:

– Вино! Захватите вино, Костас!

Костас выглянул из-за грубой дубовой двери:

– Хотите «командари», за мой счет?

– За ваш хочу... хотя это вино напоминает портвейн, а он не очень-то подходит к мясу!

– За чужой счет, мистер Роман, все подходит! – проворчал старик. Он опять исчез за дверью, но через минуту вышел с горячей миской «клефтико», пузатой бутылкой вина и двумя стаканами.

– Я выпью с вами? Не возражаете? Сегодня больше уже никого не будет. К Костасу не ездят по вечерам. Здесь нет музыки, нет девчонок. Только «клефтико», «сувлаки» и вино.

– Сувлаки?

– Мясо. Жареное мясо. Кусочками. Мы его так называем. Так можно я выпью с вами?

– Конечно, Костас! Я так рад! Просто даже не знал, чем занять этот вечер!

– Вы мне льстите, наверное! Из меня никудышный собеседник! Только разве что выпить!

Хотите потом продолжим «зиванией» моего изготовления?

– О, я знаю! Меня уже угощали. Ваша самогонка...

– Что?

– У нас это называется самогонкой. Вы делаете ее из винограда, а мы из чего попало! – Роман засмеялся.

– Из чего попало?

– Именно. Можно даже из табуретки гнать!

– Вы шутите, сэр?

– С этим не шутят, сэр!

Оба рассмеялись и отпили по большому глотку «командари». Роман причмокнул и довольно повел головой.

– Знатное вино, тяжелое немного, сладкое.

– Иониты нас научили. Оставили свои виноградники... все оставили. И уехали на Мальту. Мальтийский орден, слышали? «Командария» – значит комендатура. У них здесь кругом эти комендатуры были, а при них виноградники.

– Так кто же это блюдо «ворованным» назвал – греки или турки?

– Кто его знает? Назвали, и все! Ешьте клефтико, а то остынет. Так, как я, его никто на острове не умеет готовить. Клянусь Зевсом!

У Романа вдруг проснулся аппетит, он, обжигаясь, стал вылавливать из горшочка разваренные куски баранины и отправлять их себе в рот. Старик поощрительно улыбался и качал головой. Роман засмутился, опустил вилку.

– Что вы, что вы, мистер Роман! Это честь для меня! Вы ешьте, а я вам расскажу, как все было на самом деле.

* * *

«...Было ветрено и необычно холодно даже для ранней весны в этих краях. Шел 327-й год нашей беспокойной эры. Нос корабля не был украшен деревянной статуей, потому что в эти времена моряки уже не доверяли рассказам об античных богах, обожествленных чудовищах и глупых берегах.

Паруса были порваны и бессильно бились о мачты под косым дождем. Второй день бушевал шторм, соленой до горечи водой заливало палубу, с борта уже смыло пятерых.

На носу то ныряющего в ледяную глубину, то взмывающего в свинцовое небо корабля, стоял, вцепившись в канаты, старый кормчий. Вовсе не фракиец, а самый что ни на есть грек из Пелопоннеса.

– Не хватает только рифов! Они тут, у этого проклятого острова! Темно, как в преисподней! – ворчал он, глядя в темноту, разрезаемую лишь вспышками ослепительно ярких молний. Двое матросов на мостике вслепую крутили штурвал, молясь всем богам, имена которых приходили им на ум. Кормчий даже не смотрел в их сторону, зная, что любой труд теперь бесполезен, и содержит в себе не меньше смертельного коварства, чем полная бездеятельность.

Вдруг кто-то властно взял его за плечо. Кормчий обернулся и встретился взглядом с высоким римлянином, от которого за все месяцы совместного плавания на Святую землю и обратно, к римскому сапогу, не слышал и двух связных слов. Римлянин кутался в темно-лиловый плащ, на ногах – сандалии, на боку – короткий меч. Жесткие черные волосы с серебряной проседью на висках сочилились водой.

– Кормчий! Императрица велела сказать тебе, что Господь услышал ее молитвы и позволил пристать к берегу Лесистого немедленно.

– Императрица не ведает, что корабль разобьется о камни! Здесь некуда приставать! Надо уходить в море! И потом, где остров? Я не вижу его!

– *Смотри внимательно, грек! Елена обещала Господу нашему Иисусу Христу, что если он позволит пристать к острову, она воздвигнет здесь монастырь и пять церквей во славу Его!*

Кормчий злобно посмотрел на римлянина, но тот взялся за рукоять короткого меча и угрожающе навис над кормчим. Кто знает, не слетела ли бы в следующее мгновение голова грека с плеч, если бы не закричали, перебивая друг друга, матросы, что стояли за штурвалом:

– *Земля! Земля! Вон гора! Смотрите широкая лагуна!*

И кормчий, и римлянин взгляделись в холодную ночь. Внезапно сверкнула молния, и прямо перед носом ихуны стали видны огромная гора с плоской вершиной, и широкий залив с песчаным берегом.

– *Мы спасены, во имя Господа нашего, мы спасены!* – выдохнул грек. Он обернулся к римлянину, но того уже не было рядом.

Римлянин, пригнувшись, вошел в каюту, и склонил голову перед молящейся на коленях Еленой, матерью императора Константина.

– *Говори, – велела Елена.*

– *Земля. И гора. Мы спасены!*

Елена перекрестилась.

– *Слава Тебе, Господи! Да будет так, как Ты желаешь! Вернусь обратно в Палестину, найду Крест Твой Святой, Животворящий, на Голгофе! Привезу его часть сюда, воздвигну один мужской, другой женский монастыри, и еще пять храмов поставлю во славу Твою и Матери Твоей! Во славу Твоих апостолов и любимых чад Твоих! Да хранятся здесь, на этом острове, что Геродот называл Лесистым, осколки Креста, на котором распято тело Твое, и повезу другие дальше, в далекие земли, во Фракию, в Грецию, дабы святость Твоя повсюду была принята и почтена! Клянусь тебе жизнью своей и жизнью сына моего, императора Константина!*

Очень скоро днище корабля мягко ткнулось в прибрежный песок, и он замер, слегка наклонившись. Шторм неожиданно унялся. Над головой моряков и вышедшей на палубу неожиданно Елены раскрылось безоблачное ночное небо, усыпанное мириадами звезд и освещенное острым полумесяцем.

– *Досточтимая Елена, – тихо сказал кормчий, – я знаю эти места. Вон там устье реки...*

Он показал рукой куда-то вглубь залива.

– *Там можно укрыться от шторма, если он вздумает вернуться. Но к горе нельзя ходить!*

– *Почему?*

– *Гады! Там полно коварных гадов! Их тысячи тысяч! Они там свиваются в смертельные клубки!*

– *Я дала обет, кормчий, самому Господу! Я изведу гадов, этих врагов человеческих! И поставлю монастырь, и будет та гора под сенью Святого Креста! Я так сказала! Так Господь велел!»*

* * *

– И что же дальше было? – нетерпеливо спросил Роман. Далеко внизу, под скалой, на которой стояла таверна, шелестело о прибрежный песок море.

– Вот здесь они и причалили! – Костас ткнул пальцем куда-то вниз. – Прямо под моей таверной! Тогда ее не было, потому что не было меня. Но берег был.

– А кошки?

– Слушайте дальше. Елена вернулась в Палестину, успев лишь пополнить трюмы корабля запасами пресной воды и вяленого мяса. Она действительно нашла Крест, его распилили на несколько частей, и одну из них она привезла сюда, на Кипр. С тех пор две части здесь и хранятся. Одна в Ставровуни, а вторая – дальше, в горах, в другом монастыре. Но главная – здесь на Крестовой горе, Ставровуни.

– А как же змеи, то есть гады?

– Не знаю. Врут все. Может, и не было никаких змей, мистер Роман! Зато было кое-что другое...

– Что?

– Будете еще вино?

– Давайте! Только немного, а то уже шумит в башке!

– Чего ж его пить, сэр, если в голове не шумит! Для того и пьют, чтобы шумело. Так вам подать?

– Наливай, наливай, старик, да Расскажи, что там еще стряслось?

Старик ушел, шаркая ногами, но вскоре вернулся с кувшином вина, красного, сухого, немного терпкого. Плеснул себе и Роману. Потом задумчиво произнес:

– Легенды все это! Никто не может ничего доказать.

– Мы называют версиями, ученые – гипотезами...

– А у нас легендами и сказками... Ну, слушай...

* * *

«...Корабль второй раз за год подходил к заливу, но на этот раз была ясная, теплая ночь, легкий бриз гнал судно к острову, дорожку освещала полная луна. В каюте спала императрица, ожидавшая конца пути. За дверью дремал, сидя на полу и прислонившись к стене, римлянин, ее верный, молчаливый страж.

Елена видела чудесный сон. Будто пришел к ней Ангел, самого Господа посланец, и шепнул на ухо: „В трюме твоего корабля, помимо осколков Святого Креста, лежит еще один, целый, невредимый. На этом кресте был распят разбойник Диас, рядом с Христом, и был он прощен Иисусом. Проснись и пошли в трюм своего римлянина, пусть он убедится, а потом скажет тебе. Засни после опять, успокоенная, и слушай чутким ухом мои слова“.

Императрица открыла глаза, осмотрелась, у иконы необычайно ярко светил огонек. Она приподнялась на локтях и позвала стража. Римлянин, пригнувшись под притолокой двери, быстро вошел.

– Иди в трюм и Расскажи, что увидишь там, – распорядилась императрица.

Римлянин кивнул и исчез, осторожно прикрыв за собой дверь.

Елена сидела без движения на постели, смотрела на стену перед собой, которая привычно покачивалась в такт волнам. Она терпеливо ждала. Вскоре услышала звук шагов, скрип лестницы, и дверь распахнулась. Лицо римлянина было разгорячено румянцем, всегда спокойные глаза возбужденно горели.

– Что там? – спросила Елена.

– Ваше Императорское Величество, Ваше Величество! Там...

– Говори!

– Там... там...

– Крест! Там целехонький крест, не правда ли?

– Верно. Он лежит на боку. Но это невозможно! Я сам загружал трюм и много раз проверял все! Ключи от замка были у меня! Только у меня!

Елена улыбнулась:

– Не кори себя! Иди отдыхать! Это крест разбойника Диаса, которому простил прегрешения Господь наш, Иисус. Оставь меня теперь.

Римлянин, ничего не понимая, вышел, сел на пол и достал из ножжен меч. Он не спал до утра, он ожидал теперь чего угодно, только не добра!

Зато спокойно спала императрица и видела новый сон. Тот же Ангел, посланник Божий, плыл в сиянии перед ее взором и тихо вещал:

„Убедилась ли ты, Елена, в словах моих? Вижу, убедилась! Слушай дальше: крест разбойника Диаса укажет тебе, где ты воздвигнешь монастырь и, сделав это, крест превратится в Кота. Кот убьет гадов и уйдет на побережье, а ты там поставишь другой монастырь, но женский, и будут там жить с той поры коты и кошки, а служить им будут четыре монахини. Четыре, потому что у креста четыре конечности. Аминь!“»

* * *

– А утром, когда императрица проснулась и все высыпали на палубу, под яркое, теплое солнце, крест разбойника Диаса исчез неведомым образом, столь же неведомым, как и попал в трюм. Замки остались нетронутыми, ни одной щели, ни одного лаза. Но как только все посмотрели на гору, то увидели, что на плоской ее вершине воздвигнут Диасов крест, указуя на то место, где должен стоять монастырь. Вот так появился Ставровуни, где по сей день и хранятся главные фрагменты Святого Креста. Их можно увидеть, если ты мужчина...

– А крест Диаса, бандита этого? Где он теперь?

– Рассказывают, что он превратился в большого черного кота, одноглазого и клыкастого, каким, говорят, был сам Диас. Кот тот извел всех гадов и ушел на берег, в Акротире. Там с тех пор действительно есть монастырь святого Николая, женский, и в нем живут четыре монахини, мрачные старухи. И еще там полно котов. Но я там ни разу не был. И не пойду...

– Почему?

– Не пойду, и все! Мне своих забот хватает! А там человеку нечего делать! Не чисто все это!

– Что ж тут нечистого?

– Кошки эти, да коты...

– Глупости все это. На поверку окажется выдумками. Вот увидите! Четыре сумасшедшие старухи чешут за ушами у десятка кошек. Вот как получится! Бьюсь об заклад.

– Не скажите, мистер Роман! Их там не десяток, и за ухом у них чесать вряд ли кто захочет. Это уж я точно знаю.

– Откуда? Сами же говорите, не были там.

Старик засопел, поднялся и, не глядя в глаза Роману, стал убирать со стола.

– Нет, погодите, Костас! – сказал Роман. – Ведь вы мне не все сказали.

Старик молчал, глядя на море и не выпуская из рук пустого горшочка из-под «клефтико» и ополовиненного кувшина.

– Что вы туда смотрите, Костас? – засмеялся Роман. – Солнце давно уже село. Ничего же не видно! И почему вы молчите, черт побери?

Старик сел на скрипучий деревянный стул, поставил на стол горшочек и кувшин.

– А вы хорошо говорите по-английски, мистер Роман. Слишком хорошо для русского полицейского...

– В этом нет ничего странного. Я когда-то изучал язык всерьез. Думал заниматься филологией. Даже перевел на русский пару толстых и умных книг. Но время все изменило... Пришлось заняться довольно неожиданным для себя делом. Разве у вас такого не бывает?

– У меня нет. Мой прадед, мой дед, отец и два старших брата делали «клефтико» в этой таверне. Теперь их нет в живых, но есть я...

– А дети, ваши дети?

– Дочь. Вышла замуж, уехала с мужем в Англию. Он инженер по каким-то машинам на железной дороге. У нас ведь нет железной дороги, ему здесь нечего делать. Раньше, правда, была, очень давно, еще при моем деде и немного при отце.

– Что с ней случилось?

– Да она ведь коротенькая была, всего-то несколько миль. Были даже паровозы. Пар от них оседал вокруг колеи, поэтому там росла самая сочная трава на всем острове, и пастухи гоняли туда овец. Поезда не могли ездить, дорогу закрыли...

Роман громко рассмеялся.

– Забавно, это очень забавно!

– Еще бы! Знаете, какой вопрос задают на экзаменах на водительскую лицензию?

– Какой?

– Какого единственного знака нет на Кипре? И все отвечают – «железнодорожного переезда».

Старик тоже засмеялся, дыша со свистом, и похлопал Романа по коленке.

– И все-таки, Костас, чего-то вы мне так и не сказали.

– Про переезд? – старик сощурился и покрутил белый ус. В глазах его плясали хитрые, горячие искорки. Роман пригляделся – это зрачки отражали свет от фонаря над головой.

– Нет. С переездом все ясно. Я бы сдал экзамен на вашу лицензию, точно! А вот с монастырем кошек? Ведь вы были там?

– Не хотелось бы на ночь глядя вспоминать, мистер Роман.

Он отчаянно махнул рукой.

– Не ходите туда! Я действительно там был, много, очень много лет назад, еще совсем молодым и глупым. И я видел... Отец и старшие братья говорили мне – не ходи, не ходи, а я пошел...

– Что вы видели, сэр?

– Я видел Диаса, – выпалил старик.

– Какого еще Диаса?

– Это я не верно сказал. Не то, что самого Диаса, а его крест, ставший котом... похожим на него самого, на разбойника Диаса... Черного, одноглазого, с клыком в алой пасти. Чудовище, да и только! Кровь стынет в жилах, клянусь Зевсом! Огромный котище, как... как... баран! Он говорил...

– Что вы несете! Кот размером с барана, да еще говорящий! Чушь какая-то! Нонсенс!

– Ну, вот видите, сэр, вы мне не верите. Мне никто не хочет поверить! Поэтому я умолкаю.

– Как туда проехать, старик?

– Не скажу... не помню. Я еле унес тогда ноги. И вам не советую туда ходить, мистер Роман!

– Послушайте, я должен знать, я хочу это видеть своими глазами...

Но старик поднялся и быстро, пошел к сараю, из трубы которого теперь летели в ночь искры. Костас щелкнул выключателем, и внутри, за небольшим пыльным окошком, вспыхнул желтоватый свет. Старик обернулся к Роману и крикнул:

– Уезжайте отдыхать, мистер Роман. Пора закрываться.

– А как же счет, Костас?

– Какой еще счет, никакого счета! Все было за счет заведения, сэр!

Он вошел в сарай и захлопнул за собой дверь. Роман поднялся, потянулся и взглянул в сторону моря – очень далеко, на невидимой в темноте мачте, раскачивался желтый фонарь.

«На том корабле, на котором сюда возвращалась святая Елена, наверное, горел такой же фонарь, и далекий предок Костаса, быть может, тоже смотрел на него в ночи. А в трюме в это

время видела вещие сны императрица...» – подумал Роман, идя к машине, которая стояла на обочине дороги, прямо на повороте к таверне.

Глава 3

Козмас

Роман выехал на шоссе и, как всегда, перепутал полосы движения: две недели пребывания на острове, усвоившем более чем за 130 лет подданства британской короне левосторонний вектор, оказались явно недостаточными даже для опытного русского автомобилиста. Неожиданно из-за поворота прямо на него вылетели две яркие, слепящие фары. Первой мыслью Романа было: «Идиот! По встречной едешь!» Второй: «Идиот-то я! Потому что это я несусь по встречной!» Он успел съехать влево, сопровождаемый возмущенным ревом клаксона встречного такси. Притормозив, вытер лоб ладонью.

«Да уж! – размышлял он. – Старик-то прав, черт возьми! Не на ночь глядя черных котов поминать!»

Не доезжая до поворота на Лимассол, он вдруг вспомнил о полицейском офицере Козмаса, который отправился пару часов назад к ирландскому военному полицейскому посту в Пиле, и развернул машину к столице, к Никосии, откуда тянулась вдоль границы узкая тропа к Пиле. Его «Ниссан» проглатывал освещенную фарами ленту дороги, словно голодный зверь. Иногда на перекрестках скоростного шоссе праздничными гирляндами подмигивали разноцветные отражатели, влитые в асфальт. Шоссе уходило вправо от основной трассы, на проселочный путь, крадущийся вдоль «зеленой» границы острова. Роман притормозил и съехал на него, стараясь унять раскачивающуюся из стороны в сторону машину.

«Граница – не граница! – размышлял Роман, поглядывая на дорогу и неспешно объезжая рытвины и глубокие сухие ямы. – Почему „зеленая“? Никем не признается: ни турецкой, ни греческой стороной. Так, разрежала остров почти напополам, отсекла посередине, с обеих сторон, узкую ленту земли, по которой катаются на своих белых джипах только „голубые каски“, и все тут! Ни тебе демаркации, ни пограничных столбов! Только колючая проволока, ограничивающая ничейную полосу! Нужны воздух, пыль и „голубые каски“, чтобы враги не дотянулись до глотки друг друга?»

Роман вспомнил, как в одной горной деревеньке на «греческой» стороне он обратил внимание на старые нежилые дома, на дверях и притолоках которых кто-то старательно выводил черной краской дату за датой, раз в год.

– Что это? – спросил Роман.

– Турки, – коротко ответил Козмас. Потом выяснилось, что это его деревня, он тут родился и вырос.

– Как так турки? Что они здесь делают?

– Ничего! Они здесь не бывают.

– А даты?

– Вот послушай, друг... Мой старший брат играл в футбольной команде здесь, в этих местах. Знаешь, бывают такие школьные команды: мальчишки мяч гоняют... Деревня на деревню. Мы тогда здесь жили. Так вот, с ним вместе мусульмане, то есть турки играли, и греки, и даже один русский был, из эмигрантов. В одной команде играли, понимаешь! Мы тогда все тут жили. Учились в одной школе, играли в одной команде, а по вечерам крутили головы девчонкам. Понимаешь? А однажды ночью сюда пришли какие-то люди. Собрали всех на площади и велели туркам грузиться в машины, в огромные такие, с тентами.

– Зачем?

– Тогда никто не знал, зачем. Турок собрали и увезли. Я был еще совсем ребенком, в пятый класс ходил. Мы все стояли вот на этой дороге, – полицейский огляделся, будто вспоминая место. – Я стоял вон там, около столба. Мы махали им руками, а мой отец, он тогда уже

был болен, кричал, что будет приглядывать за их домами, за цветами. Думал, они вернутся через пару недель.

– Не вернулись?

– Нет, как видишь. До сих пор не вернулись. Но чтобы за ними сохранилось имущество, дом, двор, сад, раз в год нужно отмечаться здесь. Вроде как у всего этого есть хозяин. Иначе никто не сможет вернуться. Некуда будет. Продадут все с молотка. Таков закон.

– И что же?

– Люди ночью, скрываясь друг от друга, выходят из своих домов и пишут на дверях уехавших даты с разницей в год. Сначала, первые четыре года, пока был жив, это делал только мой отец. Ему не мешали, но и не помогали. Он приходил под утро усталый и хмурый. Потом он слег, пошли мой брат и я. Еще сестра, ее муж. Потом другие...

Роман приблизился к надписям и взгляделся в них.

– Вот эта.... Это отец, а это уже брат. Понимаешь? – услышал он за спиной.

– Абсурд! Полный абсурд.

– Для тебя – да. Ты русский, чужой. Для нас – нет. Мы здесь все вместе были. Их кое-кто еще ждет назад. Первая девочка, которую я заметил в жизни, была турчанка. Не помню уже, как ее звали. Жива ли?

Глава 4

Рой

Роман ехал в ночи, боясь потерять дорогу. Кое-где вдоль колючей проволоки могли остаться старые мины. Фары выхватили из темноты серую стену стадиона, давно не знавшего ни азарта игры, ни горечи поражений, ни счастья побед. Стадион умер в ту ночь, когда в греческие селения приехали тентованные грузовики, такие же, как и те, что ждали своих заспанных пассажиров на той, другой теперь половине. Они встретились, эти грузовики, на узкой дороге и поехали в разные стороны, увозя в прошлое все, что казалось нерушимым. Стадион попал в закрытую зону. За ним начиналось Пиле, пограничное селение со специальным проходом для «голубых касок» и постоянным постом ирландской военной полиции.

Роман въехал городок и остановился на центральной площади. Сверху над ней нависала сторожевая будка с солдатом и голубым ооновским флагом, с другой стороны над площадью, словно скворечник на вековом дубе, примостился полицейский командный пункт. К узкой двери тянулась винтовая лестница. В глубине площади светились окна таверны. Было тихо, только где-то на турецкой территории, за Пиле, лаяла собака.

«Исламские собаки брешут так же, как и христианские! – подумал Роман и усмехнулся невольной двусмысленности этой фразы. – И исламские коты орут так же как христианские! Может быть, потому, что у них души не бессмертные, и ничто не в состоянии заставить их придерживаться конфессиональных регламентов? Что же тогда те египетские исчадия, которых Елена привезла на Кипр? Живут себе в христианском монастыре, под сенью Николая Чудотворца! Они что же, христианские коты? Метят своими христианскими железами святую территорию и ни-ни туда исламским сородичам. Порвут!

Люди сами как коты, разве что с бессмертными душами! Тоже метят территории, а в случае чего, порвут любого чужака на куски! В крайнем случае, подгонят серые машины с тентами, погрузят в них перепуганных насмерть жителей и выкинут вон с помеченных земель! Для котов место есть, а для людей – нет! Бессмертные души!»

Роман вышел из машины, погасив фары. Глаза привыкли к темноте, стали различать серые тени, и под командным пунктом, около винтовой лестницы, ведущей наверх, в комнату дежурного офицера, он разглядел машину Козмаса.

Роман тихо свистнул, вытянув губы. Окошко командного пункта распахнулось, выглянула бритая голова.

– Что надо? – спросила голова недовольно. – Здесь военный объект! Вы кто?

– У вас так много вопросов, сэр! Я теряюсь, – засмеялся Роман. – Позвольте ответить только одной фразой.

– Говорите, черт вас побери!

– Мне нужен один кипрский офицер. Майор по имени Козмас. Простите, сэр, не могу произнести его фамилию. Произнесите вы, если сможете. Я боюсь сломать язык!

Голова исчезла, потом вдруг опять выглянула и мрачно произнесла:

– Он и сам теперь этого не может. Напился моего виски и дрыхнет тут на диване. Никогда не знал, что среди киприотов бывают алкоголики!

– Он не алкоголик, сэр! Совсем даже нет! Просто устал, и потом ваш виски... Его не всякий вынесет! Вам ведь его таскают с турецкой стороны, не так ли? А там эта штука что надо! Не то, что местная!

– Это верно, сэр! Не местная бурда! Настоящий ирландский виски здесь стоит о-го-го сколько! Если бы я его покупал, ни за что бы не дал даже понюхать этому пьянице! А с турецкой стороны носят дешевую контрабанду!

Голова вдруг замолчала. Роман ухмыльнулся.

– Не бойтесь, сэр, я не доносчик! Я тоже полицейский, но не отсюда. Я из России.

– Ах, вот оно что! Козмас говорил о вас. Кажется... Роман? Верно ведь? У меня хорошая память!

– Хорошая!

– Мое имя Рой. Поднимайтесь сюда, коллега. С русскими можно пить сколько влезет.

Роман буквально влетел по винтовой лестнице в уже распахнутую дверь полицейского командного пункта. Это была небольшая комната, освещенная тусклой желтоватой лампочкой под низким потолком, с длинным письменным столом, тремя старыми телефонами на нем, серой, нечитаемой картой местности на стене и жестким диваном в углу, на котором возлежал и тихо похрапывал Козмас. Пахло казармой: мужским потом, перегаром, несвежей одеждой и оружейной смазкой.

На столе стояла початая бутылка «Скотча» и два стакана.

– Говорят, в мире существуют только два полюса пьянства – Ирландия и Россия, остальное, сэр, экватор, – говоря это, ирландец, лысый, невысокий, полный майор, лет за сорок, достал откуда-то из глубин письменного стола еще один стакан и щедро плеснул в него виски. Лицо у майора было крупное, с густыми бровями, толстыми сухими губами, глаза под надбровными дугами светились желтыми острыми огоньками.

Роман пожал плечами, нерешительно взглянул в окно, на жаркую, влажную ночь, в которой остался его автомобиль, и отчаянно махнул рукой. И выпил залпом! Рой удивленно поднял брови и плеснул еще «скотча».

– Сэр, – сказал он серьезно, – на вашем полюсе явно холоднее. Вы бьете все рекорды. Как вы это делаете?

– Боимся обидеть хозяев, Рой. И не хочется ударить в грязь лицом.

– Но это прямой путь, чтобы в самом буквальном смысле сделать это, сэр. Я имею в виду «в грязь лицом».

– Вот этого мы тоже боимся!

Оба рассмеялись и отпили по глотку.

– Зачем вам Козмас? От скуки?

– И да, и нет. Вы слышали что-нибудь о монастыре кошек на Акротири?

– О да! Там наша база. Но в монастыре мы не бываем! Такая вонь! Представляете, сотни этих чудовищ там жрут и гадят! Иногда орут так, что часовой на вышке принимает иной раз их вопли за бабий скандал. Вы когда-нибудь слышали, как ночью скандалит баба, если муж явился домой навеселе, да еще если от него несет не только скотчем, но чьими-то духами?

– Я не женат, сэр.

– И не женитесь! Ни в коем случае! Не приведи Господи! – Рой поднял кверху глаза, словно ожидая поддержки откуда-то сверху, и отпил еще глоток виски, – Это вам говорит опытный человек, да еще майор военной полиции! И кошек не заводите! Это тоже мерзкие существа!

Роман сел на подоконник со стаканом в руке. Первая порция уже жужжала в голове, будто огромная темная муха.

– Вам досталось, Рой, и от баб, и от кошек?

– В основном, от баб! Орать ночью на весь квартал, если от тебя немного воняет скотчем и дешевыми духами! Ну вот, скажите, вы бы стали орать?

– Я? – удивился Роман.

– Ну, не вы, то есть вы, если бы были женщиной!

– Не знаю. Мне трудно себе это представить. А вы бы стали?

– Еще как! Я бы этому ублюдку яйца открутил!

– Ну, вот видите...

– Так это я, а то она! Зачем так орать? Открути, и все!

– Тогда бы вы орали.

– И то верно! Но это было бы скорее похоже на рев быка, а не на визг проклятых кошек. Подумаешь, запах духов! Чего придумала, орать! Слушайте, а на кой дьявол вам эти чертовы кошки?

– Любопытно. Просто взглянуть...

– Зря вы это, сэр. Они, говорят, очень агрессивны. Их там, в самом деле, сотни, если не тысячи. Один наш лейтенант как-то спьяну забрел туда, вернулся весь в укусах и кровавых шрамах. Они набросились на него, кусали как дикие! Чуть до глотки не добрались!

– Почему же их там терпят?

– А кто его знает! Греки настаивают. Говорят, не ходите туда, и все. Это, мол, святое место. Мистика какая-то. Выпьете еще?

Роман кивнул и поставил стакан.

– И я выпью! – послышалось с дивана. – Почему ирландцы и русские думают, что вправе хлестать виски на нашей территории без нас! Это политика, господа!

Роман и Рой повернули головы на звук – на диване, повернувшись на бок в их сторону и опираясь на локоть, лежал очнувшийся Козмас.

– Дайте мой стакан, черт вас побери, копы проклятые! – сказал он.

Рой тяжело вздохнул, покачал головой, подал ему стакан и буквально капнул в него виски, потом подумал и капнул еще.

– Рой, ты свинья! Ты на мне экономишь эту чертову бурду! Разве я так угощал тебя зеваний?

– Сравнил! – воскликнул Рой. – Одно дело ваша безродная зевания и другое дело – Скотч!

– Это контрабанда, мерзавец! А зеванию мы варим здесь, все по закону!

– Хорошо, хорошо! На тебе еще, только заткнись! – Рой подлил виски в стакан и отошел к окну, к Роману.

– Видал? Мы им тут помогаем! Стоим враскоряку между ними и турками, а они нам: «контрабанда...!» Ну что ты будешь делать!

Козмас отхлебнул из своего стакана, сморщился и сел на диване, покачиваясь.

– Послушай, русский, ты ирландцам не верь! Они думают, что помогают нам, а на самом деле, это мы им. Ну, кому они были бы нужны, грязные пьяницы, если бы мы не дали им работу?

– Заткнись! – зарычал Рой.

– Конечно, заткнусь! Ты ведь сильнее меня, Рой! Но только истина, она не заткнется, летает себе где хочет, и все! Ты ею дышишь и даже не замечаешь, что она здесь! Как воздух!

– Хватит вам, ребята! – подал голос Роман. – Надоело! Не вам решать, кто кому нужен и зачем! Лучше скажи, Козмас, как мне добраться до монастыря?

– До какого?

– Там, где кошки.

– Тебе что, старик голову заморочил?

– Скорее, ты. Старик говорил, что ты все врешь, – Роман бил наверняка. Козмасу было не устоять против такого аргумента.

– Старик – старый дурак! Он ничего не знает. Небось, сказал тебе, что кошки тут ни при чем?

– Так и сказал.

– А тогда откуда они взялись, эти чудовища? То-то же!

Козмас осушил стакана, встряхнул его над дощатым полом и, взглянув на Роя с укором, перевел взгляд на Романа:

– Я скажу тебе, как найти этот чертов монастырь, прости Господи!

Он перекрестился, посмотрев на потолок, как минуту назад это сделал ирландец.

– Скажу, – продолжил он. – Но ты не будешь требовать, чтобы я поехал с тобой.

– Конечно! Зачем ты мне нужен?

– Вот именно, Козмас никому не нужен: ни русским, ни ирландцам. Эй, ирландец, грязный полицейский, налей другому грязному полицейскому капельку своей контрабандной бурды! Я хочу выпить за нас, за трех полицейских майоров, которых родили три разные матери. Они говорили на трех разных языках, а мы болтаем на одном, на чертовом английском!

Рой усмехнулся и подошел к нему, взяв бутылку со стола.

– Я же говорил, есть два полюса, а остальное – экватор! – он искоса, приглашая разделить его мысль, взглянул на Романа. Тот согласно кивнул.

– Кто экватор? – возмутился Козмас.

– Пей и спи! Это ведь твое дежурство! – потребовал Рой.

Козмас кивнул, посмотрел в свой стакан и вдруг повалился на бок. Рой едва успел перехватить его руку и не дал расплескаться контрабандному напитку.

– Черт! Совсем окосел! С ним такое впервые! – рассердился Рой. – Слушайте, как вас там... Роман, возьмите ключ вон там, на гвозде, слева от окна. Внизу, под лестницей, есть комната. Ложитесь спать. Там уютно и, к тому же, работает кондиционер. Завтра поговорим о вашем монастыре. Если этот опять заартачится, я сам вам расскажу, как его найти. Это ведь не так просто! А сейчас идите... идите спать!

Роман кивнул, снял с гвоздя длинный стальной ключ и вышел на лестницу.

– Осторожней, не свалитесь! Лестница крутая! Ее местные делали! Напились нашего виски и делали! – крикнул ему вслед Рой.

Роман посмотрел в темноту и подумал, что зря сюда приехал, на этот пост. Нужно было добаться до гостиницы, а утром разыскать Козмаса.

Глава 5

Козмас

Утром майора на посту уже не было, не было и Козмаса. В скворечнике над винтовой лестницей сидел капитан-заика, яркий блондин с красным, обожженным местным солнцем лицом.

– У меня т-так всегда, с-сэр, – будто оправдывался он, – чуть солнышко т-тронет – я как фонарь в публичном д-доме. Потом все с-сходит, и никакого загара. И опять горю, черт возьми! Меня даже х-хотели вернуть обратно в Ирландию. Еле отбился, честное слово!

– Вы уж извините, капитан...

– Да что вы, с-сэр! Рой просил вам передать вот э-это.

Капитан протянул Роману листок, на котором был начертан какой-то план.

Роман кивнул, улыбнулся вежливо и стал спускаться по винтовой лестнице, рассматривая рисунок. Что здесь написано? Да вот же – «аллея ионитов». Ее еще дорогой тамплиеров зовут. Апельсиновая плантация, роща. Так, ясно!

Он подошел к машине, споткнулся о большой камень, выросший в сухую землю. Положил листок на горячий от солнечного пекла капот.

Так, а это что? Дорога к крепости ионитов, то есть к древней комендатуре. Там еще старые давяльные станки стоят. Надо развернуться, ехать к базе. Это, должно быть, дома. А это? Ресторан. Скорее, харчевня. Так, это тоже ясно. Съезд с дороги на грунтовую. Ну, съехали... Дальше. Ферма. Что за ферма такая? А вот, написано – кошачья ферма, ветеринарная лечебница. Дальше. Вдоль соленого озера, к Ледиз-майл, к дикому пляжу. А это что? Должно быть, охранная вышка. Ну, да, это уже территория базы. Поворот вправо между оливковыми деревьями, опять съезд, а вот и монастырь.

Дальше было написано печатными буквами, чтобы, видимо, не допустить другого толкования:

«Дорогой сэр! Это дорога к чертовому монастырю. Я обещал Вам его показать, обещание выполнил. Хотя вы вряд ли найдете съезд к нему сквозь заросли олив. В таком случае вернитесь на ферму, найдите там двух старух – мрачную англичанку и безумную русскую барыню. Между прочим, они, кажется, чуть ли не родственницы по какой-то аристократической кривой. Старые дамы посвятили остаток своих дней выхаживанию монастырских котов. Те там рвут друг друга на куски, а эти зашивают. Посмотрите на клетки с вонючим зверьем и уезжайте оттуда. А если допечет, расспросите старух, как добраться до монастыря. А лучше всего не ездите туда! И пьяница Козмас тоже так думает. Он все-таки допил мой виски и среди ночи укатил. Надеюсь, он еще живой! А без него что мне здесь делать, на этом проклятом острове, без него? Сопьюсь, если он не будет брать на себя хотя бы часть этого труда.

А в монастырь не ездите, честное слово! Там нет ничего хорошего!

Рой, майор военной полиции»

Роман сложил лист вчетверо и сунул его в карман брюк.

Ни в этот, ни в последующие дни Роман в карту Роя не заглядывал. Случились давно ожидаемые события, ради которых он сюда и был прислан: двое затерявшихся в мировой сутолоке воров, наконец, появились на острове. В тот же день, когда Роман проснулся в маленькой комнатке с кондиционером под винтовой лестницей, Козмас разыскал его и, дыша свежим перегаром, заявил:

– Мой шеф просил тебя приехать. Твои соотечественники объявились в нашем оффшорном раю.

– И за это мы тоже любим ваш рай, дорогой друг! – улыбнулся Роман. – И за это тоже...

– Его не мы придумали. Англичане.

– Но вам от этого неплохо, не так ли?

– И вам тоже. И вообще, что в этом плохого? Бандитский притон можно соорудить где угодно! Даже в вашем Кремле.

– Спору нет.

– Впервые вижу русского, который не спорит.

– Забавное наблюдение. Черт побери, Козмас, а, пожалуй, устами греко-кипрского полупьяного копа иной раз глаголет истина! Мы действительно великие спорщики – спорим с историей, с прошлым, с будущим, со всем удивленным человечеством! Так и есть!

– Вот видишь, русский, мы тоже кое-что умеем! У нас огромный исторический опыт. Что бы ни случилось на земном шарике, всегда отзывалось у нас. Мы это явление умирляли, изучали и строили его безопасную модель у себя, на нашем клочке земли.

Роман с изумлением посмотрел на Козмаса. Между тем они уже подошли к двухэтажному зданию колониального типа, над которым отсвечивали буквы: «Полиция».

– Что ты имеешь в виду?

– Все! Я имею в виду все! Каменный век, например, без нас тоже не обошелся. Мы, в отличие от вас, дикарей, сохранили его следы. Помнишь «термитники» на шоссе между Лимасолом и Ларнакой? Древнейшее поселение. Такого нет нигде. Мертвых хоронили под порогом этих «термитников», и сами там жили, на глиняных полах.

– Зачем?

– Не знаю, но думаю, чтобы мертвые не уносили слишком далеко их тайны.

Полицейские вошли в полутемную, с одним пыльным оконцем, комнату. Там стоял испарянный стол с новеньким телефоном, а также три венских стула и длинная, протертая задами посетителей дубовая скамья. Роман сел на нее, поерзал. Козмас закурил и, расставив ноги, встал в центре комнаты, задумчиво глядя в пыльное оконце.

– Думаешь, на кой черт нам сдалась греческая, а потом и римская античность? – спросил он.

– Как-то не задумывался. Не отделял вас от этого.

– А зря не отделял! Ответ ведь лежит на поверхности, только его не принято здесь произносить вслух.

– А ты произнеси.

Козмас с недоверием посмотрел на Романа и уселся верхом на скрипучий стул. Положил локти на витую спинку и качнулся пару раз.

– Кровосмешение.

– Что?

– Остров маленький. Предки дотрахались друг с другом до того, что уже не всегда могли различить свой пол. Ты видел статую Афродиты, слепленную с той, что родилась из нашей пены?

– И что?

– Это же не баба, черт возьми! Но и не парень! Гермафродит, чудо-юдо! Такими тогдашних островитян и нашли похотливые древние греки, а следом за ними и римляне. Обожествили для начала, а потом давай накачивать своей спермой, кровь обновлять!

– Ты диссидент, Козмас?

– Допустим.

– Твое счастье, у вас ссылать некуда!

– Оно и несчастье! Остров. Куда ни пойдешь, везде море! То ли дело у вас! Сибирь, вечная мерзлота, льды, океаны, леса... Разнообразие все же!

– Да, не соскучишься! – хмыкнул Роман.

– Но мы не горюем, дорогой друг! Берем от вас, иностранцев, все, что вы сюда тащите, а потом...

Он сделал энергичное движение ногой, словно ударил кого-то невидимого.

– Что потом?

– Под зад! Катитесь, мол, к своему разнообразию. Свои тайны мы не держим на берегу, они зарыты в горах, вам не достать. Кто только ни пытался – и греки с римлянами, и арабы, и семиты, и египтяне, и генуэзцы, и венецианцы со своими придуманными ревнивыми маврами, и турки, и даже англичане. Теперь вот вы!

– Мы?

– Ну и вы тоже. Денежки везете, мразь всякую... Думаешь, прилипает?

– Думаю, да.

– Ошибаешься. Ничего к нам не прилипает. Даже помогает с древним кровосмешением бороться, – он мрачно усмехнулся, – Мы обновляемся, а вы уходите к себе и там подыхаете. Ты знаешь, в каком году здесь появился первый посланник Христа?

Роман пожал плечами, потом неопределенно пошевелил пальцами руки в воздухе.

– На десятый год после распятия. Слышал о Лазаре? Ну, о том, которого Иисус поднял из мертвых?

Роман кивнул.

– Он здесь первым епископом был. А Павел, а Петр, а Варнава! Все наследили. Только нагнись и подними камень, на который ступали их сандалии. Всё живо, всё дышит... Наша кровь всегда новая.

Роман улыбнулся, отвалился спиной к стене.

– У тебя план Роя в кармане?

Роман вновь кивнул.

– Это хорошо. Если не испугаешься, посмотришь. Одна из наших тайн. Только она еще не закончена. Будет продолжение. Иначе какого черта сюда приволокли этих чудовищ!

– Загадки, загадки! Давай лучше о деле – где сейчас мои соотечественники?

– Где им положено, в гранд-отеле. Что вы с ними собираетесь делать?

– Ничего. Констатировать факт, что они прибыли на ваш остров обновлять вашу кровь.

– У вас они пускают кровь, а у нас обновляют. Видишь, мистер Роман, мы и здесь в выигрыше.

Козмас засмеялся и поднялся, разминая ноги.

– Ну, ладно, пошли к начальству. Оно тоже жаждет обновить нам кровь, – Он озорно подмигнул черным глазом и рассмеялся: – Боюсь только, на этот раз опять случится кровосмешение! Полицейский полицейского – это отвратительно! Слушай, от меня так несет! Надеюсь, хотя бы это остановит командира.

Глава 6

Сид

В воскресенье Роман встал поздно, когда зной уже придавил остров, а море устало поблескивало в прямых солнечных лучах. Он подошел к окну, распахнул его и задохнулся раскаленным влажным воздухом, неожиданно, исподтишка, тяжело ударившим в лицо, как коварный уличный боец.

Завтрак в его отеле-апартаментах, рядом с трехэтажным супермаркетом, был неизменен и скучен: турецкий кофе, который здесь упрямо, из шовинистических соображений, именовали греческим (при этом нещадно портили его поистине не греческий, а турецкий, вкус), французский круассан, обсыпанный корицей и сахаром, стакан жидкого апельсинового сока и утренняя сигарета.

– Сид! – окликнул Роман портье, который по совместительству был владельцем отеля, барменом, старым ворчуном и отставным военным поваром родом из Ливерпуля.

– Да, мистер Роман! – отозвался высокий, сутулый, жилистый мужчина лет за шестьдесят.

– Сид! Почему у вас, черт побери, нет воображения? Я живу здесь уже больше месяца, исправно плачу, не так ли? А вы каждое утро кормите меня этой бурдой, нескромно именуемой кофе, вчерашними булками и разбавленным соком. Я готов платить вам дополнительно за что-нибудь более существенное, или хотя бы разнообразное.

– Это невозможно, сэр. У нас нет кухни. Я могу лишь заварить кофе, каким бы он ни был, купить в супермаркете булочки и сок. Я не разбавляю его, это за меня делают местные. Можете отказаться от завтраков, но денег я вам не верну. Таковы были изначальные условия.

– Да Бог с вами, старый скряга! А верно ли, что вы были поваром на военной базе на Акротири?

– Был.

– Вас, должно быть, выгнали за то, что вы морили голодом личный состав?

– Вы шпион, мистер Роман?

– Почему вы так думаете, Сид?

– Потому что следующий вопрос будет таким: а скольких вы, Сид, заморили голодом и сколько осталось в живых? Таким образом, вы подсчитаете количество военнослужащих на базе и сможете доложить об этом в свое чертово КГБ. Не так ли?

– Вы шутите, Сид?

– А вы? Вы первый начали.

Роман рассмеялся, закурил сигарету и брезгливо отодвинул от себя остывший кофе в плохо вымытой чашке.

– Никогда не думал, что ливерпульские военные повара в отставке обладают такой реакцией, как вы, Сид!

– Еще бы! Попробуйте выдать старую курицу за несмышленного цыпленка, а древнего борова, сдохшего от старости и скуки, за жизнелюбивого поросенка! И подать это уйме вечно голодных мужиков! Тут без реакции никак не обойдешься. Ведь верно?

– Верно. Почему вы не вернулись в Ливерпуль?

– А чего я там не видел? Мое место здесь. Слава Богу, скопил кое-какую мелочь, купил отельчик и вот травлю теперь вас этой бурдой. Разве это не удача?

– Это вклад, Сид, вклад в борьбу с большевистской опасностью. Вам положен орден.

– Вы опять шутите, сэр?

– Кто его знает, Сид? Может быть, может быть... Послушайте, вы действительно служили на той базе?

– Верно, сэр. Но больше не скажу ни слова!

– Бросьте. Я не о базе. Просто там, на территории, в неохраняемой зоне, стоит женский монастырь Николая Чудотворца. Ну, тот, в котором живут кошки...

Сид вышел из-за стойки.

– Есть такое дело.

– Вы были там?

– Один раз, сэр. Заглянул.

– И что же?

– КГБ интересуется и этим объектом?

– Я не из КГБ, и потом... у нас больше нет КГБ... вроде бы.

– Зачем же вам эта мерзость?

– Вы сказали «мерзость»? Что вы имеете в виду? КГБ?

– Нет, сэр. Это вы так подумали, не отпирайтесь. А я даже не о котах, хотя и видеть их не могу! В той жизни, если верить индусам, я был собакой, наверное. Но я не о них, и не о вашем КГБ. Там, у самого входа в монастырь, на главной площади, водятся жуткие осы, со стрелами в заднице. Один укус и ты на больничной койке. Два укуса, и на тебе можно отрабатывать тотализатор – сдохнешь или нет. Три укуса – и тотализатор – только выкинутые деньги! Сто процентов – ты покойник. Паралич, отек легких и все такое.

– Я слышал, что они и в городе иной раз появляются?

– Еще бы! Но в Лимассоле они редкость. Так, залетит какая-нибудь шальная тварь. Главное, не трогать ее. Пусть себе полетает, понюхает воздух и свалит к чертовой матери! А там у них гнездо, в этом монастыре. Представляете, сэр, сотни этих тварей на пяточке земли!

– Вы бежали оттуда, Сид? Вы, воин Ее Величества?

– Я не воин, а повар. Что бы без меня делали истинные воины? Их бы, голодных и худых, бессильных доходяг, одолели бы красные.

Роман опять рассмеялся и поднялся, кинув на стол матерчатую салфетку.

– Если вам надоест здесь, скажите мне, Сид. В красной армии есть для вас очень доходная должность.

– Интересно знать, какая?

– Комиссар. Политработник, как у нас говорят, в КГБ.

– Почему вы думаете, что я подхожу?

– Вы с такой убежденностью несете всякую чушь, в которую сами не верите.

– Может быть, и так, сэр, но насчет ос я не шутил. Имейте это в виду, если вы такой любитель вонючих кошек.

– Вы думаете, я решил туда поехать?

– Конечно, решили. Иначе зачем вам интересоваться этим дьявольским местечком? Не так ли?

Сид смотрел косо, пряча за прищуром своих влажных, вечно хмельных глаз, неизбывное ливерпульское лукавство. Роман кивнул и вышел из гостиницы под обжигающие лучи средиземноморского светила.

В каких-то полусотне метров от отеля, за лентой шоссе, блестело море. Роман посмотрел на стоянку за фасадом отеля: на буром сухом щебне, кроме его «Нисана», плавился под солнцем старый красный «Митсубиси», неизменный автомобиль Сиды. Сид говорил, что этот старый паршивец ему дорог как память о службе. Он купил его в последний год, прежде чем расстаться с солдатской столовой. Тогда эта машина была хоть и не новой, да и не Сид был ее первым владельцем, но все же еще выглядела хоть куда: не хуже кур, выдаваемых за цыплят. «Пусть тянет, пока может! – говорил Сид. – Как я! Пока могу, тяну!»

«Скряга, старый очаровательный скряга! – улыбнулся Роман, глядя на ржавый корпус японского автомобиля. – И эта ржавая развалина ему подстать!»

Глава 7

Сара и Елизавета

Дробя широкими колесами щебень, Роман выехал со стоянки и, пропустив поток машин, сорвавшийся с линии ближайшего светофора, поехал вдоль моря по шоссе, в сторону загородной «аллеи ионитов» или, как ее называли некоторые, «дороги тамплиеров», по обе стороны которой цвели цитрусовые плантации. Деревья переплетались высоко в небе, пряча под собой, словно в тоннеле, прохладный сумрак серого асфальта.

На сиденье рядом валялся порядком измятый листок – карта майора ирландской военной полиции Роя.

Круглая площадь, к которой примыкал древний порт, заканчивалась несколькими узкими улочками, одна из которых тянулась к выезду из города. Вдоль залитого солнцем и машинным маслом, пегого от пыли шоссе, мостились механические и автомобильные мастерские, мизерные фабрички вулканизации авторезины, дешевые прилавки, предлагающие невесть какому покупателю ширпотреб, кичливые гипсовые памятники, мангалы и глиняные печи размером с садовую тачку. Впрочем, были и садовые тачки, и лопаты, и грабли, и напоминающие спящих питонов зеленые и серые круги огородных шлангов.

Шоссе было длинным и скучным. Роман всегда пытался проскочить его побыстрее, потому что здесь до тоскливой пустоты затиралась в его воображении цветистая легенда острова. Это все равно, как наткнуться в романтическом дворце принадлежащем прекрасной чете суверенов, на отхожее место.

Наконец, «Нисан» вырвался из города, проскочил большой перекресток с ресторанчиком на взлете холма и нырнул в густую тень «аллеи ионитов». В конце дороги были их земли, их виноградники и одинокая башня древней крепости. Роман бывал там несколько раз и однажды на открытой площадке верхнего этажа прочел выбитую на каменной кладке чьей-то настырной рукой надпись: «1933 – ADOLPH N.».

«Неужели? – удивился Роман. – До этих ли мест было тогда, в 33-м, без пяти минут канцлеру Германии? Кто знает? Может быть, он приезжал сюда, чтобы заручиться поддержкой вечности на вершине сторожевой башни ионитов, попрощаться навеки с человеческой цивилизацией и оставить на камне этот примитивный след своего дьявольского присутствия? Впрочем, его уж нет, а след остался. Чей след? Какой ADOLPH N. в 33-м прилипал к вечности в этих местах?».

Пропустив вперед два пыльных «Хаммера» с выглядывающими из узких бойниц этих железных монстров любопытными лицами под легкими летными пилотками, Роман вырулил на шоссе влево, и через пару километров увидел по обе стороны дороги торчащие из земли плетеные стальные конструкции, напомнившие ему недавно виденный американский фантастический боевик о покорении некой планеты.

«Под этими железками, говорят, целый город, – сказал ему как-то Костас, – но это – тайна! Это – глаза и уши НАТО в Средиземноморье».

Роман поежился. «Ничего себе, подумал он, военные врылись в землю, чтобы планировать будущее человечества! Представляю, как смешно Богу! Для Него нет ничего забавнее, чем когда человек рассказывает Ему о своих планах. Где я это слышал?»

В пыльном мареве показались ворота базы. Роман остановился на площади перед ними и заметил справа от дороги ресторанчик, смонтированный из легких конструкций, над которым поднимался серый дымок. После охлажденного кондиционером чрева автомобиля ему почудилось, что он очутился в обжигающей волосы, кожу и даже глотку парилке русской бани. За столиком под тентом, сидели два низших чина военно-воздушного флота Ее Величества и,

обливаясь потом, тянули из кружек холодное местное пиво, водянистую светло-желтую жидкость.

– Джентльмены! – обратился к ним Роман. – Здесь где-то есть поворот к солончаковому озеру, и еще там кошачья ферма. Не знаете, где это?

Военные осмотрели его с головы до ног. Один из них неопределенно пожал плечами и отвернулся. Второй смутился, ему стало стыдно за неприветливого сослуживца.

– Это где-то здесь, сэр, – он указал рукой на другую сторону шоссе. – Вон, видите спуск? Надо ехать туда. Осторожней, дорога отвратительная, камни и пыль. Не свалитесь в солончак!

Роман кивнул, вежливо улыбнулся и сел в машину. Он быстро пересек шоссе и нырнул куда-то вниз, на обочину дороги. Только когда автомобиль был уже близок к тому, чтобы принять вертикальное положение и зарыться носом в глубокий овраг, Роман разглядел под колесами подъем из крутого спуска. Колеса подняли тучи серой пыли, корма машины задралась кверху и лишь метров через десять автомобиль, наконец, принял устойчивое горизонтальное положение. Роман облегченно вздохнул и нервно покрутил головой.

– Ничего себе начало! – сказал он сам себе вслух.

Перед ним в обрамлении редкого унылого кустарника и пегих колючек лежало сухое, без единой капли воды, озеро, напоминающее ландшафт из той же фантастической голливудской истории. Белые неровные окружности соли расползались по бурым морщинам оголившегося дна. Мелкая сетка пересохшей серой земли покрывала огромное пространство. Здесь не было жизни ни в каком ее проявлении, не было будущего и настоящего. Прошлые же надежды прятались под сухой коркой смерти, как под пергаментным панцирем мумии. Тоскливое одиночество свило себе здесь на века знойное гнездо. Все говорило о том, что любые попытки живой природы потеснить бесплодную пустоту обречены: сухая, жесткая масса солончака способна поглотить любое усилие.

Роман пустил машину по пыльной грунтовой дороге вдоль мертвого озера. С правой стороны, наконец, стали появляться редкие оливковые рощицы. Неожиданно сразу за посадкой открылось странное поселение: небольшой белый домик, за которым угадывались несколько сараев и ряды разновеликих клеток.

Роман остановился и снова вышел из автомобиля. Несмело вытянув шею, заглянул за фасад белого дома. Прямо на него смотрела невысокая полная немолодая женщина в наглухо закрытой серой одежде, в спущенном на плечи белом платке. Лицо ее было румяно, словно она только что отошла от жаркой печи.

– Добрый день, мэм! – крикнул Роман по-английски. Пожилая дама кивнула, на ее лице появилась привычная вежливая улыбка.

– Мэм, я ищу монастырь Святого Николая. Говорят, он где-то здесь, поблизости. Вы не покажете, куда ехать?

Женщина отрицательно покачала головой и повернулась к Роману спиной. Еще мгновение, и она исчезла в тени деревьев за фасадом дома. Растерянный, Роман хотел было вернуться к машине, как вдруг услышал громкий крик, похожий на детский. Он обернулся. Крик повторился, и какой-то низкий и угрожающий звук вторил ему. Роман сделал несколько шагов за дом и теперь уже ясно разглядел несколько рядов больших и малых клеток, за решетками которых неясно мелькали тела каких-то таинственных существ. Роман подошел ближе, и только тогда увидел с десятков крупных кошек, томящихся в клетках. Запах диких животных, мускусный, острый, ударил в нос.

– Мы лечим их, сэр! – услышал он за спиной. – Это бродячие животные.

От домика к нему шла высокая сухопарая пожилая дама в свободном бежевом платье, с ядовито зелеными резиновыми перчатками на сухих руках, в небольшом кокетливом кепи поверх аккуратно уложенных седых волос. У нее был длинный острый нос и маленькие внимательные глазки. Следом за ней шла давешняя женщина с румяным лицом поварихи.

– Да, мэм. Мое имя – Роман. Роман Нестеров. Я здесь из любопытства всего лишь. Ищу монастырь... Эти кошки, случайно, не оттуда?

– Эти – нет. А вон те, – старуха вытянула руку в зеленой перчатке, приглашая Романа заглянуть за первый ряд клеток, – те оттуда. Сегодня их мало. Но, похоже, придется отловить не меньше двух дюжин. Там свирепствует какая-то болезнь. Мы еще даже не диагностировали ее.

Роман оглянулся: действительно, за первым рядом клеток, во втором и третьем угадывалось еще несколько дурно пахнущих существ.

– Да, запах! – сказал Роман. – Здесь такой запах...

Пожилая дама вдруг широко улыбнулась, разогнав контрастные морщины вокруг уголков рта и глаз. Неожиданно блеснул ряд ровных и острых зубов, будто она украла их у какого-то молодого существа.

«Не у юных ли кошек?» – мысленно усмехнулся Роман.

– Запах тут ни при чем, сэр! Вы думаете, им нравится наш с вами запах? Просто они терпеливее и тактичнее нас, мистер Роман. Вы русский?

– Неужели мое произношение меня выдает? Мне говорили, что оно безупречно! – смутился Роман.

– О, нет! Вам правильно говорили. Но, как это у вас... «рыбак рыбака видит издалека». Вот эта дама русская, – старуха кивнула головой себе за спину. Полная женщина заглянула Роману в глаза и утвердительно кивнула. – Она мне так и сказала: Сара, к нам пожаловал мой соотечественник.

Роман пожал плечами.

– Как вы угадали? – по-русски спросил он полную даму.

– Не знаю. Ваша мимика, движения, некоторая скованность... Это неизбежно.

– Никогда бы не подумал!

– Меня зовут Елизавета Ростоцкая. А это – мисс Сара Малроу. Так чего вы хотите?

– Один местный мне говорил, что здесь работают две достойные дамы, одна из которых русская аристократка. Это так? Мне просто любопытно.

– Ну, вот видите, я так и думала! Мы, русские, очень своеобразны. Нас интересует сначала национальность, потом социальный статус, потом возраст, и лишь потом пол, – она засмеялась. – Впрочем, это историческая данность. Без этого когда-то немка не стала бы русской царицей.

– Извините, сэр, – сказала Сара по-английски, – вы тут поболтайте, а мне пора продолжить свое дело: смешиваю еду и толченное лекарство для наших пациентов. Они ужасно хитры и нипочем не станут есть, если я сделаю что-нибудь не так.

– Да, да, конечно. Мне, собственно, тоже пора. Я ведь только остановился спросить дорогу.

Англичанка с достоинством кивнула и, повернувшись спиной к Роману, удалилась, шурша подолом платья. Елизавета слегка наклонила набок голову и откровенно разглядывала Романа.

– Так о чем вы спрашивали, уважаемый? – вымолвила она наконец. – Смелее, прошу вас. Редко удастся поболтать с соотечественниками. Признаться, я давно уже не могу попасть в резонанс, когда общаюсь с русскими. Вы... мы стали другими...

– Возможно. И все же ведь мне правильно рассказали о вас?

– Почти. Сара Малроу служила при дворце Ее Величества почти тридцать лет, потом попросилась на пенсию. И вот она здесь. Но я и еще одна молодая дама, леди Каролина, о ней вам ведь ничего не говорили... – ее глаза настороженно и, как показалось Роману, лукаво блеснули, – Мы действительно с ней дальние родственницы по той самой линии. К тому же, мы все девицы... если угодно. Не смущайтесь, это я всего лишь из-за комплекса старой девы упомянула...

– Почему вы заняты кошками, Елизавета? – смутился вдруг Роман и несколько неуклюже поспешил изменить тему разговора.

– Потому что в монастыре, кроме нас и еще четырех старых монахинь-гречанок, этими бедными созданиями некому заняться. А они ведь очень умны, эти дикие звери. Вам известна их история?

– Вы о Ставровуни? О том, что их привезла императрица Елена, и они изгнали с горы змей? Об этом?

– Эта история имеет множество интерпретаций. И все крутятся вокруг того, что вы только что сказали. Но я склонна верить в это.

– Вот как? Почему? Вам сами кошки подтвердили?

– Вы напрасно иронизируете, молодой человек. Именно кошки. Это особое племя. Впрочем, ведь вы спрашивали туда дорогу?

– Да-да. Я для этого и остановился.

В этот момент из-за фасада дома, дробя мелкий острый камень широкими колесами, выехала полугрузовая «Тойота», в кузове которой в беспорядке лежали наполненные чем-то картонные коробки.

– А вот и леди Каролина! – воскликнула Ростоцкая. – Она ездила в Лимассол за едой и лекарствами. Вижу, удачно. Hello, леди Каролина!

Глава 8

Каролина

Ростоцкая заулыбалась и приветливо замахала рукой. Из кабины «Тойоты» бодро выпорхнула худенькая невысокая женщина с каштановыми волосами. Ее бедра обтягивали узкие зеленые бриджи, высокая, полная грудь бесстыдно топорщилась сосками под черной майкой. На запыленных ногах были кожаные светло-бежевые сандалии.

– А вот и наша третья «старуха», о которой стыдливо умолчал ваш местный информатор! – громко сказала Ростоцкая и рассмеялась. – А вы, небось, думали, что мы здесь все одногодки? Впрочем, старые девы всегда одногодки...

Роман смущенно кивнул. Леди Каролине было не больше, чем ему, во всяком случае, еще далеко до сорока. У нее были изумрудные близко посаженные глаза, маленький аккуратный носик, контрастно очерченные бледные губы и втянутые щеки. На лоб нависала каштановая челка. Каролина являла собой абсолютный, в представлении Романа, англосаксонский тип.

Она улыбнулась, обнажив ряд некрупных ровных зубов, и протянула Роману узкую ладонь. Роман смутился почему-то, слегка покраснел и с небольшим опозданием пожал руку, которая оказалась неожиданно крепкой.

– Каролина, дорогая, это мистер Роман. Он мой соотечественник. Разыскивает монастырь. Ты покажешь ему дорогу?

– Конечно. Только... ты же знаешь, я туда ни разу даже не заглядывала.

– Почему? – удивился Роман.

– Я боюсь, – Каролина сказала это так убедительно, что Роман вздрогнул.

– Бойтесь?

– Еще бы! Мы там не бываем. То есть я и Лиза. Туда ездит за пациентами только Сара.

– Но как же... – Роман посмотрел на клетки. – Вы же с ними здесь возитесь.

– Не только с ними, мистер Роман! Мы содержим кошачью ферму. У нас есть на этот счет разрешение местного правительства и красного креста. А туда мы не ходим.

– Это странно.

– Странно? – Каролина словно обиделась. – Здесь они в клетках и просто наши пациенты. А там... там они хозяева. Это дикие звери! У них своя иерархия, свои повадки, привычки...

– Но там же живут четыре монахини, насколько мне известно, – Роман от удивления приподнял брови. – Им что же, тоже страшно?

– Не знаю. Но это их обет. Вот что я думаю...

– Так вы меня не проводите туда?

– Почему же? Провожу, если вам так хочется. Но внутрь не пойду. Кстати, найти съезд с дороги не так легко. Но я постараюсь.

Елизавета Ростоцкая махнула рукой.

– Поезжайте. Я сама разгружу машину. А то там Сара одна, на кухне... Опять будет ворчать.

– Вы так близки? – неожиданно для себя вдруг спросил Роман.

Каролина поджала губы.

– Вам, должно быть, наплели всякие глупые сказки про нас. Не верьте никому! Мы просто коллеги... и подруги. У нас общая цель – помочь этим беспризорникам. Какая разница, кем мы были там...

Она кивнула головой куда-то в направлении соленого озера.

– Там? – удивился Роман.

– Ну, не там, а там! – Каролина завертела головой и теперь показала куда-то в направлении бегущей к морю, вдоль озера, дороги.

– Простите меня, – опомнился Роман, – пожалуйста. Это не мое дело.

Каролина тряхнула головой и бодро пошла к шоссе, где стояла машина Романа.

– А вы здорово говорите по-английски! – сказала она примирительно, когда колеса автомобиля вновь дробно застучали по щебню дороги. Вокруг вздымались тучи удушливой, горячей пыли. – И у вас здесь хорошо. Кондиционер...

– На Кипре без него невозможно.

– Возможно. Так же, как и без прошлого.

– Интересная мысль! – ответил Роман, объезжая глубокую сухую яму. Он бросил на Каролину любопытный взгляд.

– А я говорю по-русски...

Роман удивленно приподнял бровь.

– Вас удивляет? Почему же русский может говорить на моем языке, а я не могу на русском? – она усмехнулась, потом добавила, будто оправдываясь: – У нас это было даже модно. Учила в своей альма-матер. Это было трудно. Ваши падежи, склонения... Но я все усвоила, представьте. И неплохо. Акцент есть, но ошибок допускаю иной раз даже меньше, чем русские в своем языке. Не верите? Я люблю вашу поэзию. Например, Блока.

– Вот как! Что именно? – Роман сказал это уже по-русски.

– «Скифы». Там отражена ваша суть, – она вдруг продекламировала с ласкающим слух акцентом, но, тем не менее, на удивление чисто:

«Милльоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!
Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!»

Дорога тем временем сужалась. Между пыльным шоссе и солончаковым озером появилась густая посадка сухих деревьев, справа потянулись заросли орешника, а затем и оливковые стволы.

– Здесь, на острове, у многих приезжих нет прошлого, – после короткого молчания продолжила Каролина уже по-английски. – Его забывают и начинают все сначала. Знаете, сколько русских девушек ищет здесь счастье?

– Догадываюсь. Видел даже. И даже кое с кем знаком уже.

– Только не говорите пошлостей, прошу вас!

– Я и не собирался. Что вы!

Каролина помолчала, потом сказала:

– Им плохо там, откуда они приезжают. Ведь так? Одиночество, все стянуто в узкое пространство единственной дороги. В России ведь плохие дороги?

– Не хуже этой! – засмеялся Роман. – У каждого свои.

– У них, у ваших девочек, всегда одна и та же! Я знаю. Поэтому они здесь.

– Откуда вам это известно?

– Я очень любознательна. Хотите, опять перейдем на русский?

– Вы им очень неплохо владеете.

– Еще бы! – сказала она вновь по-русски. – Я все-таки закончила славянскую филологию. Я уже говорила, у нас неплохо учат. Но у меня, наверное, сильный акцент, да?

– Просто очаровательный! Никогда не слышал ничего приятнее. А Ростоцкая мне сказала, что редко говорит по-русски.

– Вы, наверное, ее не поняли. Мы разговариваем с ней, но она говорит не о языке, а о вашем национальном менталитете. Тут я ей не в состоянии помочь.

– Вы, в самом деле, родственницы?

– Какой вы любопытный, однако! Ну, хорошо, в некотором смысле, родственницы. Она баронесса. И герцогиня. И графиня... и ваша княгиня, и еще что-то там финляндское, польское, французское и английское.

– А вы?

– Я ее английская ветвь. Но это неважно. Я, кажется, уже сказала вам, здесь на острове многие забывают свое прошлое, и все начинают сначала. Боже, как темно!

Каролина смотрела через пыльное стекло на дорогу, которая уже не была просто тенью от нависших крон деревьев. Переплетенные над головой узловатые ветки и густая, выгоревшая на солнце, листва почти не пропускала свет. Роман включил фары, почему-то опасаясь встречной машины, хотя на дороге не было ни одного следа протекторов. И тут действительно вспыхнул свет, словно кто-то включил в темном гулком зале мириады ослепляющих ламп – это машина выехала на раскаленную песчаную дюну, оставив позади себя мрачный тоннель. За дюной плескалось в удушливом зное тихое дремотное море. Вдоль береговой полосы тянулся дикий песчаный пляж, которые местные жители и англичане с военной базы называли «Ледиз Майл».

– Так звали лошадь! – тихо сказала Каролина, когда машина остановилась на вершине дюны, капотом к морю.

– Какую лошадь? Впрочем, я что-то слышал об этом, – задумчиво ответил Роман, широко обхватив руками рулевое колесо и любясь умиротворяющей водной гладью.

– Очень давно, когда никто еще не принимал всерьез летающие этажерки за боевое вооружение, а здесь стояли только сухопутные части, у командира базы была любимая лошадь, белая скаковая арабская аристократка. «Леди». Так ее называли. Каждый вечер командир проезжал верхом на ней вот эту береговую милю, туда и обратно. И лошади давно нет, и командира, конечно, тоже... А Ледиз Майл есть.

– Ледиз Майл... – Роман повернулся к англичанке и улыбнулся, – то есть, леди Каролина, а вот где наш монастырь? Получается, мы его проскочили. В зарослях справа должен быть разрыв.

В этот момент кто-то громко крикнул низким, с хрипотцой, мужским голосом:

– Что вам здесь надо, ребята? Здесь не место для любовных свиданий!

Голос доносился откуда-то сверху. Роман рывком открыл дверь и удивленно посмотрел вверх. Его ослепило солнце, спрятавшееся за конструкцией высокой сторожевой вышки, которую ни он, ни Каролина сначала не заметили. Роман зажмурился, прикрыл ладонью, как козырьком, глаза и с трудом разглядел свесившееся сверху темное на фоне яркого свечения тело солдата.

– Эй, там, на башне! – весело крикнул Роман. – Мы заблудились! Ищем монастырь...

– Монастырь? Это чертово кошатъе логово? Вам и впрямь нечего делать, ребята! Так уж и быть, займитесь любовью за дюнами и не морочьте мне голову!

Каролина вышла из машины. Она выпрямилась, гордо задрала кверху голову и со звонким металлом в голосе изрекла:

– Вы разговариваете с членом королевской фамилии! То есть со мной! Кто позволил вам эти гнусные намеки?

Наверху наступила тишина, которая бывает или при крайней растерянности или вследствие глубоких размышлений.

– Простите, леди! Я не узнал вас! – вымолвил, наконец, солдат, – Сюда иногда заезжают парочки, просто они едут со стороны пляжа, а не сухого озера. А вам ехать назад. Через двести метров, слева от дороги увидите ржавый столб с табличкой. Когда-то на ней было написано – «Св. Николай», сейчас уже не прочесть. Но сразу за этим столбом и будет съезд, через кустарник. Там короткая извилистая дорога и тут же монастырь. Остановить машину можно на опушке оливковой рощи, леди. Я простой часовой. Меня неизвестно для чего сюда поставили. Мозги плавятся на этом сатанинском солнце! Простите еще раз, леди!

Каролина с достоинством кивнула, поджала губы и села в машину. Роман с интересом посмотрел на нее, еще раз взглянул на смущенного солдата, ободряюще махнул ему рукой и тоже нырнул в салон. Он захлопнул свою дверь и произнес с улыбкой:

– Однако, досточтимая леди, не все и не всегда забывают свое прошлое и на этом острове, как я вижу! Вы здорово справились с этим солдатом. Bravo! Его оружие ничто в сравнении с вашим, всегда начищенным.

Каролина ответила возмущенным взглядом, но потом вдруг потупилась и виновато кивнула.

– Поехали. Мне некогда. Еще надо помочь девочкам.

– Саре и Лизе?

– Саре Малроу и Лизе Росточкой. Они девицы. Уверяю вас.

– Безродный солдат, как я вижу, заразил молодую аристократку простотой обращения и обескураживающей откровенностью?

– Послушайте, кто вы?

– Боже мой, я не сказал? А ведь следовало. Люди только двух профессий обязаны представляться сразу, чтобы не возникали недоразумения.

– Каких еще профессий?

– Врач и полицейский.

– Так вы врач?

– Это надо воспринимать как оскорбление, леди? Вы, как вежливый человек, предположили наиболее приличное, с вашей точки зрения. Но я вынужден вас огорчить, Каролина! Я полицейский. И мой юмор очень близок к солдатскому. Вам плохо?

– С чего вы взяли?

– Неожиданная бледность, дрожь губ, глаза даже потемнели. Они были изумрудными, а сейчас на меня словно смотрит дно глубокого водоема – не то темно-зеленые, не то даже черные. Вы встревожены?

– С чего бы это? Вы полицейский? В конце концов, какое мне до этого дела? Правда, я никогда не видела русских полицейских... только читала о ГУЛАГе у Солженицына. Это была моя первая русская книга.

– Я никогда не был в лагерях. ГУЛАГ – это Главное Управление ЛагереЙ. Просто сокращение. Так что удивить мне вас нечем. Извините.

– Какая глупость! Хорошо, что вы не врач.

– Почему?

– Русский врач – это очень просто, в этом нет ничего любопытного. Русский полицейский – это хорошо с познавательной точки зрения. Поехали, черт возьми! Разворачивайтесь, через двести метров спуск к монастырю. Имейте в виду, господин сыщик, туда вы пойдете один. Без меня!

Роман резко развернул машину и форсировал двигатель до истеричного рева. Колеса бешено закрутились на месте, роя под собой темные, сухие ямы, наконец, оттолкнулись и потащили автомобиль по пыльной дороге в обратном направлении.

На этот раз Роман ехал медленно, при ярко включенных фарах, не отрывая глаз от густого кустарника слева от пыльной дороги. Машина ныряла в рытвины, дробила колесами песок и

мелкие камешки. Столбик со стершейся, подернутой кирпичной табличкой, увидели одновременно и Роман, и Каролина.

– Вот! Вот!

Они переглянулись и засмеялись в голос.

– Я совсем не просила думать о том же, о чем думаю я! – с шутливым вызовом сказала Каролина.

– Это случайность, Ваше сиятельство! Или Высочество? Больше не повторится.

– Прекратите эти глупости! Иначе я буду называть вас – «офицер».

– И будете не далеки от истины. Тем более что у нас «офицер» – это несколько больше, чем у вас. Это значит – принадлежность к командному составу. Это – избранность.

– А у нас?

– Просто облеченное полномочиями скучное должностное лицо. И все!

– По-моему, у нас это правильное.

– У вас все правильное. Наверное, потому что вы долговечнее.

– Вот как?

– Именно. Ваши трансформации всегда эволюционны. Во всяком случае, между вашими революциями проходит достаточно времени, чтобы они стали всего лишь историческим артефактом. У нас же всегда еще живы участники этих катаклизмов, с той или другой стороны. Времени на эволюцию не остается. Опять случается новая революция. Так сказать, некое Начало, с большой буквы. Эпохи противоречат друг другу и друг друга исключают. Все всегда с нуля.

– Хорошо. Не буду называть вас «офицером». Назову философом. Так вот, философ, вы намерены нырнуть в разлом между этими мрачными кустами?

Роман кивнул и смело вбил капот машины в чуть видный просвет между сухими ветками, поросшими ровными зелеными листочками. Испуг неизвестности длился лишь мгновение. Жгучий солнечный свет брызнул в окна машины. За плотным строем кустов обнаружился неожиданно оливковый сад с песчаной тропкой, ведущей куда-то вглубь. Машина только-только умещалась на этой тропинке, задевая с досаждающим скрежетом колесами и бортами низкий, жесткий кустарник. Метров через тридцать тропка резко взяла влево и уперлась в небольшую, поросшую жухлой травой поляну на опушке старого оливкового сада. Только сейчас Роман и Каролина поняли, что за рядом колючек, справа от них, лежат древние развалины позднеантичного строительства: когда еще не испустили дух древние идола, а новые боги уже успели стать живой легендой. Пласты вздыбившейся пересохшей земли, серые гладкие камни, шлифованные человеком, и битый древний кирпич, отколовшийся от искусной когда-то кладки, как ничто иное в мире свидетельствовало о тлене истории, какой бы яркой, бурной и грозной она ни была, когда являла собой современность. И ни души, ни даже слабого движения, ни даже отдаленной памяти об этом!

– Вы говорите, что никогда здесь раньше не бывали? – неожиданно спросил Роман.

Каролина отрицательно покачала головой и с волнением слотнула слюну.

– Вы давно здесь, при кошках?

– Больше года. Почти полтора.

– И вас сюда не тянуло?

– Тянуло. Видите, я не особенно сопротивлялась вашей компании. Надеюсь, вы ничего другого не подумали?

– Боже упаси! Я всегда стараюсь быть реалистичным в собственных оценках.

– Посмотрите, что это за развалины?

– Похоже, то, что осталось от ворот. А вот и скрученная чугунная решетка. Ее уже много позже ставили.

Говоря это, Роман открыл дверь и вышел из машины. Тишиной и зноем встретила его затерянная в оливковом саду вечность.

– Вечность! – услышал он, повернул голову и увидел, что Каролина тоже стоит рядом с распахнутой дверцей со своей стороны.

– Что?

– Это вечность. Умершая вечность. Здесь ее похоронили.

– Абсурд. Вечность не умирает. Она – единственная реальность, умираем только мы. Мы боимся заметить вечность, а она не замечает нас, как песчинку в пустыне. Но пустыня как раз и состоит из таких песчинок. Видите, развалины? Это когда-то соорудили «песчинки». Вечность их перемолола, вернув в первичное состояние. И закопала в тишине. А потом покрыла зноем.

– Давайте уедем. Мне что-то не по себе!

– Вот еще! Сидите в машине. Вот ключи. Можете запереться и врубить кондиционер и приемник. Все веселей! А я пойду за ворота. Похоже, эта дорожка ведет к монастырю.

– Отлично! Катитесь куда пожелаете, а я остаюсь здесь. Будь я проклята, что поддалась вам!

– Вы не мне поддались, а себе. Ведь при вас сюда ездила только старая Сара, не так ли?

– И что из этого?

– Она не брала вас с собой. Почему-то не хотела. А вы трусили! И ее боялись, и себя.

– Себя?

– Конечно. Страхи неинтересны в одиночестве. Их не с кем делить.

– А Сара? Я бы могла делить их с ней!

– Нет. Сара не ведает страхов. Она сама немного страх. Разве не так?

Каролина пожала плечами.

– Ведь это она вас сюда привезла, на ферму?

– Она мне написала, в Лондон.

– Ну вот, видите! А когда вы приехали, она сказала, что вам нечего делать в этом монастыре. Не так ли?

– Почти. Что-то в этом роде.

– А Лиза? Елизавета? Она ведь тоже сюда не ходила? Почему?

– Не знаю. Может быть, из-за Сары.

– Сара ведь не знает, что вы со мной сюда поехали? Ведь так?

– Думаю, так.

– Это ваш с Елизаветой заговор. А я всего лишь транспорт в этом направлении. И вы смеете меня упрекать, что я взял вас собой? Это вы меня взяли с собой. Ну и сидите себе в машине. А я пойду за ворота.

– Вот еще! Не смейте мною командовать!

Роман хлопнул дверцей. Перед ним через пару шагов открылась длинная аллея, в конце которой виднелись приземистые монастырские строения. Он шел по аллее, поглядывая по сторонам: развалины уходили вглубь территории. В самом конце утоптанной дорожки угадывалась небольшая площадь, окруженная обветшалым монастырским зданием с невысоким церковным шпилем и крестом в ее левом крыле. Еще ближе, торцом к аллее стояло побеленное, с черными деревянными перекрытиями, одноэтажное строение. Его черепичная крыша ярко выделялась на фоне унылого, поблекшего архитектурного пейзажа.

Роман услышал за спиной торопливые шаги. Он обернулся: к нему, немного запыхавшись, почти бежала Каролина.

– Вот! – сказала она и протянула ему ключи от машины. – Я заперла ее.

– Зачем? Думаете, в оливковом саду сидит угонщик и ждет, когда сюда забредут растяпы?

– Глупости! Просто хотелось бы иметь здесь хоть какую-то страховку. Надо же будет на чем-то удирать.

Роман кивнул и сунул ключи в карман. Он повернулся в сторону строений.

– Значит, это и есть монастырь. Только вот где хваленые кошки?

– Вы что же, их не видели?

– Что вы хотите этим сказать?

– Да за нашими спинами, вдоль ограды и развалин! Их там, по крайней мере, десятка три! С котятами. Вы так спешили сюда, что не разглядели этих малышей, господин сыщик? Пожалуй, я буду звать вас офицером, но только не в вашем, а в нашем смысле, то есть – скучное должностное лицо!

Роман, вытянув шею, поглядел назад, в начало аллеи, по которой только что шел. Действительно, что-то лениво шевелилось в развалинах слева и справа от ворот. Он сделал несколько шагов и разглядел не очень крупных серых животных, свернувшихся клубками вдоль вросшей в землю кладки. Их и в самом деле было, на первый взгляд, не больше трех десятков. Некоторые из них поднимали кверху тупые мордочки и бесстрастно смотрели на Романа.

– И это все? – с возмущением спросил он. – Вся легенда? Нас надули!

– Пойдемте дальше. По-моему, это только начало. Как бы не оказалось предупреждением!

Глава 9

Кошки

Площадь представляла собой правильное полукружье с мертвым мраморным фонтаном в центре и уходящими в глубь строений, за монастырскую церковь с колокольной, аркой, колоннадой и открытыми верандами, окружавшими внутренний сад, очертания которого пока только угадывались.

Вдруг лицо Каролины покрылось испариной, побледнело, что было особенно заметно на фоне ее вьевшегося в кожу загара. Она молча вытянула вперед правую руку, и ее длинный указательный палец уперся куда-то в тень одноэтажного строения, покрытого черепичной крышей. Роман прищурился, сопротивляясь слепящему солнечному свету и пытаясь разглядеть то, что так испугало Каролину. Он даже сделал шаг в ту сторону, но остановился в изумлении: в землю была врыта небольшая деревянная кадка, с почерневшими краями и отломанным одним ушком. Кадка была наполнена темной, дурно пахнувшей водой. Одно лишь это было удивительно, потому что на таком безжалостном солнцепеке любая лужа испарилась бы очень быстро. Над ее спокойной поверхностью в однообразном танце роились десятки устрашающего вида ос. Из крепких задов у них торчали острые желтые стелы, тела были плотные, словно костяные.

– Не подходите! – неожиданно взвизгнула Каролина. – Это они!

– Кто они? – с лживой отвагой спросил Роман, хотя, конечно, сразу вспомнил рассказ об опасных осах, жало которых смертельно для человека.

– Пойдемте отсюда, я вас прошу! Роман! – крикнула Каролина. – Это плохо кончится!

– Нет, дорогая леди, раз уж мы здесь, осмотрим все. Подумаешь, осы! Пусть себе летают. У нас дома тоже есть осы. Меня в детстве они регулярно жалили. Вот, посмотрите – на шее, сзади, даже шрамик остался, – Роман отвернул рукой ворот рубашки и чуть пригнулся, приглашая Каролину осмотреть его кожу под затылком. Но Каролина только мрачно хмыкнула:

– Сравнили! Ваши осы! Да они просто летающие муравьи по сравнению с этими чудовищами! Один наш врач, с военной базы, умер в прошлом году. Ураганный оттек легких!

– Его ужалила такая тварь?

– Именно. За год до смерти.

Роман улыбнулся.

– Это не смешно! – вдруг обиделась Каролина.

Ее глаза блеснули гневом. Щеки даже немного порозовели. Она нервно провела рукой по волосам. Роман подумал, что за короткое время уже дважды видит гнев этой особы. Он чуть отступил от Каролины и сказал негромко:

– Извините, я не хотел. Просто, очень сомнительно, что смерть настигла беднягу через год.

– Это для вас сомнительно. А местные говорят, что он не первый. Такие же чудовища летают и на турецком берегу, в Анталии. Там тоже подобное случалось. Так что, лучше уйдем отсюда! Ну, пожалуйста!

Теперь ее лицо выражало мольбу. Роман опустил голову, вздохнул, готовый уже уступить, но вдруг поднял глаза и произнес негромко:

– Возвращайтесь к машине, леди. Ждите меня там. Я быстро... Только загляну за колоннаду, под арку, и вернусь. Прошу вас!

– Вы глупый человек, мистер Роман! Вы плохо соображаете. Хотя, вроде бы, коп!

– Копы, Ваше высочество, вообще не должны ничего соображать! Иначе станут хватать не тех, кого следует.

– Это ваши русские глупости.

– Неплохое место для политических диспутов, не правда ли?

Роман хмыкнул и пошел в сторону сухого фонтана. Каролина поколебалась немного и поспешила вслед за ним.

– Вы упрямый тип! А я иду у вас на поводу.

– Где повод? – спросил Роман, оглядываясь и разводя руками, словно хотел разглядеть что-то. – Не вижу!

– Не будьте шутом! Прекрасно все понимаете!

Они подошли к фонтану. Роман остановился и кивнул в его сторону.

– Смотрите! Здесь полно котов. Они лежат в фонтане! Этот открыл глаза! Ну и рожа!

Действительно в сухом фонтане лениво возлежало несколько крупных котов. Один из них, рыжий, толстый вдруг разомкнул веки и блеснул свежей зеленью глаз на Романа. Взгляд был неподвижным, внимательным, строгим. Роману показалось, что кот чересчур спокоен, даже самоуверен. Тот вдруг разинул пасть, обнажив небольшие острые клыки, и низко проурчал.

– Рыжими, совершенно рыжими бывают только коты! – сказала вдруг Каролина.

– А кошки?

– Не бывают! Это точно.

– А у нас во дворе, в Москве, были две рыжие кошки! Развратницы!

– У вас все не так! В природе такого не бывает.

– Это в вашей природе не бывает, а в нашей бывает.

– Вы упрямец!

Роман ничего не ответил и стал обходить фонтан, осторожно заглядывая внутрь.

– Смотрите, они все проснулись!

Кошки зашевелились, две из них поднялись, изогнули худые спины и вдруг решительно выпрыгнули из фонтана на землю. Оглядываясь, недобро урча и даже скалясь, они потрусили в сторону тенистой арки, за которой угадывался внутренний двор или сад.

– Докладывать пошли! – засмеялся Роман.

Но смех его прозвучал жутковато в мертвой тишине, залитой палящим солнцем монастырской площади.

– Кому? – неожиданно спросила Каролина.

– А Бог его знает кому.

Роман вновь опасливо заглянул в фонтан и встретился с немигающим, суровым взглядом рыжего кота.

– Пойдемте дальше, там аркада! За ней, по-моему, сад, – сказал, он, искоса взглянув на Каролину.

Он словно боялся спустить глаз с рыжего кота. Каролина пожала плечами и вдруг быстро зашагала к арке. Роман едва поспевал за ней.

– Куда это вы так припустили? – воскликнул он.

– Спасаясь от зноя. Там хотя бы тень. Неужели вы можете это выносить?

– Это не самое трудное в жизни.

Каролина бросила на него насмешливый взгляд.

– В чем дело? – чуть смущенно спросил он.

– Вы иногда немного смешны, мистер Роман. Уж не сердитесь.

– Чем это я смешон? – с обидой спросил Роман, зайдя под арку сразу следом за Каролиной.

– Мужчины, играющие в загадку, жалки и смешны. Знаете, в чем состоит истинная загадочность мужчин?

– Любопытно.

Каролина повернулась к нему лицом, слегка надула щеки и с шумом выдохнула воздух вверх, пытаясь освежить лицо своим же дыханием.

– В их тщетных попытках спрятать ее. То есть казаться распахнутыми, чистосердечными, что ли... Истинных своих загадок мужчины стесняются, потому что за ними, как правило, стоят или слабость или преступление. Бывает, что и профессия... Но это хотя бы понятно, во всяком случае, оправдывает их.

– Вы, как я погляжу неплохой психолог!

– Опыт! Опыт, мой друг! Так что не пытайтесь загадочно закатывать глаза. Это вам не поможет!

Роман усмехнулся: Каролина по-женски точно мстила ему за давешнюю жесткость. Он подумал, что недооценил ее. Впрочем, решил Роман, так же он недооценивал всех женщин, встречавшихся на его пути. От того и не ладилась его жизнь.

А еще он подумал, что она права насчет сомнительных загадочных пассов, которые он себе нередко позволял. Это действительно было похоже на пирожок «ни с чем»! Беспомощная попытка защитить свою пустоту.

– Хорошо! Хорошо! Вы меня раскусили. Я – примитив. Всегда это скрывал, но от исключительно наблюдательного человека такое не скроешь! Скажите, а сей опыт к вам приходит с годами или сам по себе?

– А вы, оказывается, злой! И к тому же, грубиян! Разве дамам напоминают о возрасте?

– Напоминают. Еще как! В качестве последнего аргумента. Ведь ваше, извините, подбрюшье не столь болезненно как наше. Но и оно у вас имеется! Это – возраст!

– Глупо с вашей стороны. Во-первых, это запрещенный прием. За него дисквалифицируют! Пожизненно! Во-вторых, он применен не вовремя: я молода, и мне нечего стесняться своего возраста.

– А вот тут вы не правы! Женщина всегда стесняется своего возраста, потому что всегда уверена, что чуточку опоздала получить то, что другие уже имеют!

– Теперь я знаю, что загадочного в вас, сэр!

– Вот как? И что же!

– Вы прикрываете свою застенчивость болтовней на сложные темы!

Роман с испугом подумал, что леди Каролина довольно скандальная штучка и способна втянуть его в оскорбительный для обоих тон.

– Назвать мужчину почти глупцом – это уж слишком! – Роман ощутил, как в нем закипает ярость.

Он был не прочь прекратить спор, свести его к шутке. Но последняя реплика Каролины сделала это почти невозможным, хотя он чувствовал, что его очень умело, очень по-женски хитро, разыгрывают. Он как глупая муха угодил на коварную липкую ленту.

– Все-таки вы исключительно самоуверенный тип! – настаивала Каролина, усмехаясь уголками рта. – Должно быть, вы и не подозревали за собой некоторой интеллектуальной нищеты? Не так ли? Между прочим, это один из признаков плебейства.

Роман осмотрелся растерянно, заметив краем глаз не то пять, не то шесть котов, вжавшихся в тень каменной кладки стены. Оттуда, из мрака, блестели желтые лучики их внимательных глаз.

– В своих интеллектуальных силах я вполне уверен. А что касается плебейства, то это все равно как упрекнуть слепого в том, что он не видит, или хромого, что хромает. Разве благородство вашего происхождения – ваша же заслуга? Весьма сомнительна доля участия в этом аристократа! Как чемодан, который принесли на вокзал, а могли и забыть в автобусе. Дело ведь не в чемодане, а в том, кто его нес.

– Я не о плебействе происхождения говорю! Среди аристократов тоже встречаются плебеи. Поверьте, я-то знаю. А бывают аристократы среди плебеев. Реже, правда, но случается.

Но я все же не о том! Плебейство, на мой взгляд – это не генеалогическая субстанция, а этическая. Она – антитеза благородству, то есть благородству духа. Понимаете? Не генеалогическому, а этическому, даже нравственному! Так что ваше происхождение тут ни причем! Что же касается интеллекта, то... хорошо, беру свои слова обратно! Я погорячилась. Но и вы хороши, сознайтесь! Почему вы заговорили о моем возрасте? Потому что я не замужем до сих пор? Ведь будь я замужем, вам бы и в голову не пришло сказать такое.

Роман смутился и виновато пожал плечами.

– Возможно, возможно. Хотя, какое мне до этого дело?

– Вот именно!

Каролина вдруг посмотрела за спину Роману и вытянула руку в сторону веранды за аркой.

– Смотрите, а там коты!

Роман проследил взглядом за ее рукой и покачал головой.

– Коты. И что же! Их немного! В любом «плебейском» дворе с его помойками и подвалами наберется больше.

– Я вижу, вы специалист! По помойкам.

– Ну, хватит! – Роман нахмурился, ощущая свою беспомощность перед этой иностранкой, оказавшейся неожиданно ехидной и въедливой. – Мы идем дальше или нет?

– Как вам будет угодно, – она продолжала игру, на этот раз кокетливо изображая смиренность. – Я всего лишь сопровождаю вас.

Роман тяжело вздохнул и, повернувшись к Каролине спиной, шагнул в тень веранды. Спиной он чувствовал, как она победно улыбается. Было ли это на самом деле, он так и не узнал, ибо то, что он увидел на ее лице спустя десяток секунд, никак не напоминало улыбку.

Они вошли под сень арки: вытянутого помещения с массивным, длинным полукружьем над головой. Арка начиналась с трех стершихся, гладких ступеней и заканчивалась глухой стеной, влево от которой тянулась под короткую аркаду открытая галерея, какие обычно приняты у католиков. Вдоль стен высились деревянные шкафы с глухими, почерневшими от времени дверками.

Галерея и веранда упирались в глухую кирпичную стену, справа от веранды вглубь территории тянулся освещенный нещадным солнцем ухоженный сад – с прополотыми орошаемыми грядками, оливковыми деревьями и даже небольшой цитрусовой рощицей.

Везде, куда дотягивался взгляд, присутствовали кошки. Они лежали, нежась в тени редких деревьев или кустарника, выползали под солнце, потягивались в его жарких лучах, лениво прижимались к каменной кладке ограды, разделяющей веранду и сад. Роман ощутил, как в нем растет брезгливость, за которой близко следует безотчетный страх.

Внезапно он заметил, что кошки приближаются к ним.

Он взглянул Каролину. Глаза ее отливали маслом, словно оливковые плоды. Губы сжались в прямые сухие полоски, подбородок дрожал, испарина блестела на лбу.

Роман протянул ей руку и почувствовал доверчивое ответное пожатие.

Огромное кошачье племя всех мастей, размеров и возрастов, грозно подтягивалось к их веранде, отрезая пути к отступлению. Звери не издавали ни звука, оттого их медленные, крадущиеся движения становились куда более устрашающими, чем если бы они с визгом и рычанием сразу кинулись на людей. Роману вдруг почудилось, что эти странные существа кем-то когда-то обучались особой тактике разгрома противника. Наверное, вот так же, много веков назад они вползли на змеиную гору и пожрали змей. Они и их предки знали, что от такой мощной, размеренной атаки нет спасения, что у противника не остается ни единого шанса выжить.

Неожиданно Роман и Каролина услышали за спиной голос, неестественный, как если бы говорил некий механизм, кукла. Слова звучали яростно, но были непонятны, как будто говоривший произносил их на некоем древнем языке.

Они обернулись и обнаружили, что стоят на небольшом клочке свободной каменной поверхности веранды, а вокруг них простирается живой разноцветный ковер, сотканный из шерсти, желтых глаз, острых когтей и клыков. Чудовища окружили их и теперь выгибали спины, тихо и злобно урча.

Роман повернулся в сторону голоса и понял, что тот доносится сверху, с древнего, темно бурого шкафа. Дверцы были плотно закрыты и даже, как показалось Роману, забиты проржавевшими от времени гвоздями. На плоской крыше шкафа, буквально в метре над их головами, выгнувшись всем своим худым черным телом, стоял огромных размеров кот. Один глаз его был прикрыт, перечеркнутый глубоким шрамом, зато второй светился ненавистью. Алая пасть зверя была широко разинута, и оттуда торчал всего один, чудовищных размеров желтый клык.

– Это говорит он! – прошептала Каролина.

– Кто? – чуть слышно спросил Роман и сильнее сжал ее руку.

– Кот. Это чудовище... Он сейчас бросится на нас! Если он это сделает, мы пропали. Он – вожак! Они все смотрят на него!

Кот неожиданно мягко спрыгнул с крыши шкафа на каменный пол. Он задел когтями нескольких кошек, которые со страхом метнулись в сторону. Это было черное, необыкновенно крупное чудовище, тело которого было покрыто глубокими шрамами и болячками. Из-под нижней челюсти свисала белая редкая борода. То, что он был одноглазым, его худоба, редкая шерсть и множество шрамов, а также желтый клык в алой пасти, наводило на мысль, что душа этого зверя когда-то жила в теле разбойника, и теперь томила здесь, в монастыре, мучимая жаждой крови.

Неожиданно кот опять «заговорил». Он так же ясно, как и в первый раз, произнес несколько непонятных слов. Голос его оказался не столько кукольным, сколько скрипучим и высоким, будто звучал из простуженной глотки.

– Он говорит! – теперь уже воскликнул Роман. – Он говорит! Но я ничего не понимаю.

Зверь медленно стал обходить людей, стараясь держаться к ним боком, по-прежнему выгибая худую спину. Роман и Каролина не спускали с него глаз. Кот остановился, и теперь люди смогли разглядеть всю его свиту: рыжего кота из фонтана, пятнистое, бурое с черным, животное с обрубленным хвостом и устрашающей пастью, полной острых зубов, и еще двух крупных кошек, которые несколькими минутами раньше выпрыгнули из фонтана и потрусили на веранду.

– Вот кому они докладывать бегали! – попытался пошутить Роман.

– Надо убираться отсюда! – воскликнула Каролина.

– Но как? Мы окружены. Любое движение – и они бросятся со всех сторон!

– Я говорила вам! Я говорила...

– Да! Да! Вы были правы, черт побери! Но что сейчас делать?

– Вы же полицейский!

– Молчите! А то эти бандиты услышат, и тогда нам несдобровать! Это уж точно! – не оставлял Роман беспомощных попыток перевести происходящее в шутку.

Пятнистый кот, меньших размеров, чем одноглазый, вдруг прыгнул вперед, метаясь в ноги Каролины. Он оскалился и зарычал. Но когда его упругое тело уже вытянулось в струну, одноглазый пружинисто оттолкнулся от каменного пола всеми четырьмя лапами и нанес по летящему телу сокрушительные удары когтями и желтым клыком. Пятнистый рухнул вниз и с визгом, исполненным ненавистью и болью, кинулся в толпу кошек. Его кусали и рвали со всех сторон, а он, ускользая, отвечал острыми укусами. Наконец, он запрыгнул на невысокий парапет веранды и снова зарычал. Разномастная толпа кошек испуганно отшатнулась.

Одноглазый, не спуская с него глаз, приблизился к нему. В его поступи было столько непреклонной воли и отваги, что кошки посторонились, толкая друг друга. Пятнистый сначала грозно выгнул спину, а потом передумал биться и, высоко взвизгнув, прыгнул в сад. Одно-

глазый повернул голову в сторону людей. Единственное его око светилось какой-то холодной, жестокой мыслью.

Он опять заговорил на своем непонятном языке – теперь уже долго и негромко. Как только он закончил, ковер, сотканный из кошек и котов, стал расползаться, и образовался узкий коридор, протянувшийся от испуганных людей к свету арки, за которой была безлюдная монастырская площадь с сухим фонтаном и кадкой с осами.

– Идемте, – произнес Роман.

Многие из зверей стали запрыгивать на шкафы и парапет веранды.

– Они нас отпускают! – шепнула Каролина. – А этот смотрит все на нас своим единственным глазом! Боже, какой страшный, какой противный! Прямо зверь!

– Молчите, ваше высочество! А то он передумает, чего доброго!

Роман и Каролина медленно, но все же чуть убыстряя шаг, двинулись в сторону яркого солнечного пятна, проникающего с площади под арку. Роман оглянулся и увидел, как за ним и Каролиной вновь затягивается страшный разноцветный ковер, мерцающий сотнями живых желтых огоньков. Вдруг коты, словно по команде, разинули пасти и заорали на разные голоса. Какофония звуков сливалась в одну визгливую ноту, истерика закручивалась в высокий, устрашающий своим многоголосием и яростью вихрь. Из хора звериных голосов, из их рыка и визга ясно выделялся скрипучий тон одноглазого. Но теперь он не произносил слова на неведомом языке, а бешено орал, задирая вверх клыкастую морду. Он двинулся следом за людьми, шаг в шаг, а за ним поплелась его свита – рыжий кот, несколько крупных кошек и одна белая, пушистая кошечка с розовым носом.

Роман и Каролина почти бегом вышли под палящие солнечные лучи на площадь и испуганно осмотрелись. Фонтан был пуст, ни одного зверя не было видно на площади, только над кадкой по-прежнему кружились в своем страшном танце стрелоносные осы. Окна и дверь пристройки к храму были заперты, как и раньше.

Белая кошка обошла людей и встала перед ними, выгибая спину. Рыжий кот пристроился слева от Романа и громко заорал. За спиной людей стоял одноглазый, заходясь в хриплой истерике.

Роман и Каролина, не оглядываясь, пересекли площадь, почти вбежали на аллею, ведущую к выходу из монастыря, и кинулись к машине. Коты неотступно трусили следом. Одноглазый остановился лишь на середине аллеи, но белая кошка, еще какие-то две серые особи и рыжий кот упрямо преследовали людей до самого выхода. Роман замешкался с ключами, руки дрожали, ладони были потными, почему-то страшно ломило голову. Наконец, ему удалось вставить ключ в замковую щель и провернуть его. Оба впрыгнули в ее нагретую до нестерпимого жара машину. Роман завел двигатель, от волнения слишком глубоко выжал педаль акселератора, отчего машина взревела. В этот момент на капот запрыгнул рыжий. Он изогнулся всем телом и вновь истерично заорал, оскалив страшную зубастую пасть.

– Вон! Вон! – закричал Роман и дал длинный гудок. Но кот не уходил, он злобно скреб когтями по стеклу.

– Поехали, да поехали же! Чего вы ждете! – воскликнула Каролина.

Роман включил передачу и резко сдал назад. Машина налетела на сухие кусты, что-то хлопнуло под колесами, должно быть, крупный камень. Рыжий, наконец, спрыгнул с капота и, продолжая орать, рванул к старым воротам, ведущим на аллею монастыря. Роман оглянулся и увидел одноглазого, стоявшего в тени, под единственным сухим деревом, склонившимся над воротами. Он молчал, пасть его была чуть приоткрыта. Роман мог поклясться, что тварь ухмылялась.

– Он смеется! Смотрите, он смеется!

– Поехали! Быстрее!

Машина зашуршала разгоряченной резиной по песку дорожки и через мгновение выскочила на грунтовую дорогу, к соленому озеру.

Глава 10

Каролина

До самой фермы в машине стояла тишина, только слышалось похлопывание камешков под колесами и их звонкие удары о днище автомобиля. Роман включил кондиционер и вскоре в салоне стало прохладно.

Около фермы он остановил автомобиль, но двигатель не выключил.

Каролина открыла дверь, впуслав сноп горячего воздуха извне. Потом вдруг захлопнула ее.

- Где вы живете, Роман?
- В отеле, недалеко от Уолмарта, супермаркета.
- А я рядом с апартаментами «Гавайи». Это не очень далеко. Подвезете?
- Конечно. А вон и ваши подруги.

По дорожке от клеток к машине не спеша шла полная русская барыня и худая английская дама. Но Каролина лишь махнула им рукой, выдавила улыбку на лице и нервно сказала:

– Вперед! О чем вы думаете?

Роман кивнул и резко тронул машину с места. В зеркале заднего вида он разглядел две расплывающиеся фигуры женщин. Англичанка что-то крикнула и потрясла кулачком.

– Быстрее! – приказала Каролина. – Не останавливайтесь!

Когда они выехали на аллею ионитов, в тени крон, Роман, наконец, спросил:

- Вы кого-то боитесь?
- После этих чудовищ никого.

Она отвернулась к окну, потом повернула голову к Роману, и когда машина уже въехала на портовую площадь и закружилась по ней, ища выезда, сказала:

- Я не могу... я не смею больше... То есть сейчас!
- Вы о кошках в ваших клетках? Не можете их видеть?

Каролина кивнула. Они опять замолчали. Вдруг она дотронулась до руки Романа.

– Я голодна. Давайте перекусим где-нибудь.

Роман засмеялся:

- Что случилось? Я сказала что-нибудь неприличное?
- Нет. Я подумал о неприличном. Мне почему-то прежде всего захотелось в иное место.

А вам нет?

Каролина вновь кивнула и, немного покраснев, тоже рассмеялась.

– Я, собственно, на это и рассчитывала, когда сказала об обеде. Там ведь должен быть хотя бы относительно чистый туалет!

Роман развернул машину и вернулся к портовой площади.

- Вы куда?
- Тут в старом порту есть неплохой «поплавок», ресторанчик. Там всегда свежая рыба и разные морские гады. И вино отличное. Вы не против?

– Куда угодно, только не туда, откуда мы только что приехали! – Каролина показала пальцем на длинные военные антенны полуострова Акротир. За ними была ферма, а дальше «монастырь кошек». Роман засмеялся:

– Туда не поедем больше никогда... наверное.

Каролина с удивлением посмотрела на него, потом улыбнулась, и ее щеки покрылись румянцем.

- Вы странный полицейский!
- Почему?
- У вас заразительный смех. Наверное, когда вы в гневе, кое-кому несдобровать.

– Последнее время «несдобровать» относится все чаще к нам, полицейским.

– Вот как? Почему же?

– Потому что я представитель той власти, которая не вправе делать деньги. А когда власть не делает деньги, ее представителям приходится расплачиваться. Иногда жизнью. Разве вы этого не знали?

Каролина пожала плечами:

– Не знала... то есть не задумывалась. Впрочем, у нас тоже такое встречается... но, наверное, реже.

– Не уверен. Просто у вас чаще наказывают, когда ловят за руку.

– Кого?

– Власть. Она ведь у вас не одна.

– А у вас?

– А у нас она вся одним миром мазана.

– Это как?

– Такая пословица. То есть сама себя не судит.

– Почему же вы там служите? Бегите оттуда!

– Я больше ничего не умею делать. Только ждать и догонять. Это две составляющих нашей профессии – ждать и догонять.

– Как все это странно... И все же у вас заразительный смех.

– Почему вы ни разу не были в монастыре? – спросил вдруг Роман. – Почему ничего не знали об одноглазом? Полтора года жить поблизости, лечить этих созданий и ничего не знать об их доме!

– Я бы и теперь не узнала, если бы не вы. Мне говорила Сара что-то об этом, но и не пускала туда. Лиза сама не ездила. Меня держали в стороне от всего, да я и не каждый день приезжала на ферму.

– Но ведь вы хотели узнать! Ведь хотели?

Каролина молча кивнула и стала неотрывно смотреть в окно.

– Вы от чего-то или кого-то скрываетесь здесь на острове?

– От себя скорее.

Машина, шелестя нагретыми шинами, остановилась на пустой стоянке перед длинным зеленым забором, в центре которого зияла черная щель распахнутой двери. За забором был раскинут выгоревший, серый купол огромного шатра на деревянном каркасе.

– Что это?

– Ресторан. Не смотрите, что он выглядит непрезентабельно. На самом деле это довольно модное место. Сюда не попадешь в пятницу или в субботу. Полно народа! Видите этот шатер? Его раскинули французы во время какой-то автомобильной гонки и бросили здесь. Местные не растерялись, обнесли забором, прорубили дверь, и вот вам ресторан на палубе старого судна, да еще под французским шатром. Тихая бухточка, гостевой зал на палубе, остальное на берегу – кухня там и всякое такое... По-моему, замечательно. Пойдемте!

Они вышли из машины к щели в заборе, которая служила входом в ресторан.

– Вы не пожалеете. – Точно оправдываясь, сказал Роман. – Это очень неплохое место, поверьте! Здесь лучшее «мезе» во всем городе! Ну, разве что у Василиса...

– Мезе? Это набор закусок?

– Именно. Но у Василиса они пикантнее.

– Кто такой Василис?

– Владелец ресторана в старом городе, в даун-тауне. Он бывший юрист, учился, кроме всего прочего, в миланской школе музыки, великолепно поет. Его старый дядька завещал ему двухэтажное здание, доставшееся семье еще от англичан. Василис решил сделать из него национальный ресторан и петь там... Юридическую практику запустил. Каждый вечер поет на всех

вероятных и невероятных языках, под гитару и мандолину. Только по воскресеньям отдыхает. Вы и там не бывали?

Каролина отрицательно покачала головой. Они протиснулись в узкую дверь и оказались под шатром. Прямо перед ними, за перилами тихо плескалась в заливе вода. В нескольких десятках метров от берега, словно проржавевший, железный айсберг, недвижимо стояла заброшенная морская баржа. Каролина огляделась, морща носик.

– Это и есть ваш «поплавок»?

– Эта баржа? Нет, конечно, нет. Поплавков – вот этот самый ресторан, на палубе которого мы стоим. А там просто баржа, старая ржавая посуда.

Подошел щуплый темноокий официант.

– Послушай, парень, у вас нет гостей, – сказал негромко Роман, оглянувшись. – Что-то стряслось?

– Нет, сэр! Просто еще рано! Люди отдыхают. Сюда обычно приезжают к восьми вечера, не раньше. Но вы садитесь. Повар на месте. Хотите вон туда, к воде, у борта?

– Идет! Мезе и «командарию» в качестве аперитива. Мы голодны.

– Хотите посмотреть меню?

Каролина отрицательно покачала головой и вздохнула устало.

– Тащите любую рыбу, на гриле. К ней белое сухое вино, – распорядился Роман.

– Какое предпочитаете вино?

– На ваш выбор. Лучше деревенское, попроще! Слишком жарко для изысков. И воды, побольше ледяной воды! Слышите?

Официант кивнул, улыбнулся понимающе и исчез.

– Пойдемте, сядем вон туда?

Они подошли к перилам, к которым жались несколько накрытых оранжевыми скатертями столов. Сели по разные стороны одного из них. Внизу плескалось море. Здесь было не жарко, легкий ветерок играл со скатертями, задирая их, словно школьный шалун юбки девочкам.

Очень скоро на столе появились тарелочки с морскими блюдами и копченой рыбой. Роман разлил «командарию» из пузатой бутылки по рюмкам, любуясь насыщенным рубиновым цветом древнего портвейна.

– Тяжелый вкус! – поморщилась Каролина, отпив глоток. – «Командария» не женский напиток!

– Русские любят тяжелые вина, всякого рода портвейны, – рассмеялся Роман. – Дурят голову при малом, а значит, дешевом количестве.

– Менее чем за два часа общения я, кажется, узнала о вашей нации больше, чем о собственной! – улыбнулась Каролина.

– В самом деле? А хотите еще одну краску?

Каролина с удивлением кивнула.

– Это что, еще не все?

– Вон посмотрите на эту ржавую посудину, посаженную в бухту на вечную стоянку!

Роман повернулся в сторону моря и показал рукой на темный остов металла, торчавший из воды.

– Это памятник русской предприимчивости и кипрским низменным страстям! – Роман опорожнил рюмку и долил себе и Каролине из пузатой бутылки.

– Мне достаточно! Все же я англичанка!

– Не кокетничайте, аристократическая душа моя! – спиртное явно развязало Роману язык, он разомлел от тяжелого вина и жары, а, может быть, от удачно пережитого приключения в монастыре. – Портвейн изобрели вы, а если не вы, то, во всяком случае, ваши близкие соседи – португальцы.

– Можно еще поспорить, кто изобрел это пойло, плебейская моя душа!

– Не будем спорить, а лучше выпьем! Плебеи склонны к пьянству!

Каролина сделала еще один глоток и снова поморщилась:

– Вы меня спаиваете, сэр!

– Это – революция! Разложение классового противника. Вы не заметили?

– Лучше скажите, что вы имели в виду, когда говорили об этом памятнике русской предприимчивости и кипрским низменным страстям?

Роман оглянулся на чернеющий ржавыми углами остов баржи.

– Вам известно, что на земле Кипра закон запрещает игорный бизнес? Ни под каким видом нельзя! Ни-ни!

Роман поднял кверху палец и комично свел выгоревшие брови. Каролина кивнула.

– Так вот, некие русские парни, в основном, мои «клиенты», вчитались в текст закона и обнаружили неприметную на первый взгляд особенность: запрещено на *земле* Республики Кипр... И все! Кипрское право британского толка и во многом весьма куртуазно, то есть, я имею в виду, исключительно тонко и элегантно.

– Это наша гордость! Наш почерк.

– Все так! Гордость, почерк... Наши ребята это заметили. Поэтому купили самую дешевую баржу и поставили ее в пятидесяти метрах от берега, то есть от «земли Кипра». Вот здесь, где вы ее видите. На глазах у местных властей они месяц занимались ее покраской, ремонтом, подтянули к ней с берега электрические провода, подвесили их на штанги... Потом купили лодки, два десятка, сколотили небольшую пристань, ее отсюда не видать, она за молом, справа, и, наконец, вывесили везде объявления о том, что открывается казино «а-ля рус» рядом с рыбным ресторанчиком. Народ повалил толпой. Всем места на лодках не хватало, хотя стоила переправка как хорошее такси через весь остров туда и обратно. Жаждавшие впечатляющих побед за зеленым сукном оккупировали этот ресторан, опорожняли его винные подвалы и сожрали в нервном ожидании своего места на лодке и в казино всю рыбу. Ресторан за трое суток существования казино выполнил годовую норму. Бешеные прибыли! Народ трое суток, днем и ночью греб к барже и с радостью, накопленной за долгие годы, если не за века, оставлял там свои деньги. На третьи сутки туда прибыли власти и потребовали свернуть бизнес, угрожая судом и тюрьмой, но русские ребята, пользовавшиеся услугами местных адвокатов, между прочим, с оксфордским образованием, сунули им под нос их же закон, где говорилось, что это на земле Кипра нельзя открывать казино и играть на деньги, а вот о морских водах, в том числе, прибрежных, ничего не сказано. И что же вы думаете? Киприоты недолго терпели такое безобразие. Они доказали, что законы, сотворенные по английскому образцу, им не помеха для того, чтобы исполнять их кипрскими методами. Они ближе к нам в этом смысле, чем к вам, как вы ни старайтесь! Они по-нашему поступили, а не по-вашему! На третью ночь баржа запылала! Думаете, это русские спалили? Или кипрские полицейские и судьи? Дудки! Киприоты договорились с местными уголовными «отцами», которые, заплатив русским отступную, подпалили казино. Заметьте, ни одной жертвы, лица, как выражаются японцы, спасены, а памятник великому компромиссу теперь перед вами! И никто, понимаете, никто не возмущался, не потребовал сатисфакции, не пенял на то, что киприоты не готовы жить по законным нормам и тому подобное... И даже англичане смолчали! Хотя, между прочим, с ваших военных баз, с этой и с той, что ближе к северу, сюда приезжали взводами и ротами. Трое суток русского вертепа!

Каролина смотрела на баржу, чуть усмехаясь.

– Средневековые какое-то! Недалеко же мы ушли от хитроумных дикарей.

Официант, ловко лавируя между пустыми столиками, летел к ним с двумя огромными тарелками, с которых ветерком сдувало сладкий дымок пропеченной на гриле рыбы. Официант расставил тарелки на столе и мгновенно испарился. Через мгновение он вновь возник рядом со столиком и, виртуозно раскручивая в руке запотевшую бутылку белого сухого вина, хлопнул пробкой, затем вопросительно взглянул на Романа, и когда тот кивнул, плеснул ему прозрач-

ную желтоватую жидкость в рюмку. Роман отпил, причмокнул и, сморщившись, пристально посмотрел на официанта, элегантного, выгнувшегося в ожидании решения клиента.

– Кислятина! – Официант слегка побледнел. – Но пить можно! Только побольше воды принесите, холодной.

Официант с облегчением выдохнул и, заложив одну руку за спину, наполнил высокие винные рюмки. Каролина подняла на него глаза.

– Скажите... вы здесь работали, когда разыгрался спектакль с баржей, то есть с казино?

– О да! Конечно. Я здесь уже давно! – ответил официант.

Он умело придушил горлышко бутылки белой крахмальной салфеткой и поставил ее на угол стола.

– И что же? Хорошо горело?

– О, мэм! Пылало здорово! Полгорода слетелось посмотреть!

– Вы торговали в тот день? То есть у вас были клиенты?

– А как же! Такое зрелище!

– Отчего же сгорела баржа?

– От фейерверка! – без тени сомнения в голосе ответил официант. – Там был чудесный фейерверк! Много, много огней!

– А что, людей на барже в этот момент не было?

– Почему же, были! Успели сбежать! Кое-кто из obsługi даже прыгал в воду. Но здесь берег рядом, так что доплыли, мэм!

– Благодарю вас. Не забудьте, пожалуйста, про воду... со льдом и лимоном. И не надо фейерверков, прошу вас.

– Ваша дама с юмором, сэр! – официант тонко улыбнулся и исчез, чтобы появиться через мгновение с огромной бутылкой холодной воды и тарелкой с нарезанным лимоном.

Роман насытился быстро, лишь ковырнув пару раз блюдо, а Каролина, не спеша, умело разделяла костлявую рыбу, запивая каждый кусочек глотком вина, и вскоре покраснела от выпитого. Она отвалилась на стуле и смущенно подняла глаза на Романа, который наблюдал за ней с улыбкой.

– Я веду себя неприлично?

– Что вы, ваше высочество! Какое счастье наблюдать за трапезой суверенной особы!

– Вы язва! Мерзкая язва! Испортили аппетит!

– А что, у вас еще оставался аппетит? Однако... Я вижу, Англию не прокормить! Теперь понятно, зачем вам были нужны колонии!

– Я сожалею...

– Бросьте, Каролина! Это неумная шутка с моей стороны! Извините! Я несказанно рад, что угодил вам!

Он огляделся вокруг. В ресторане за это время появились люди – две пары среднего возраста и хмурый, небритый мужчина, тянувший местное водянистое пиво прямо из огромной темной бутылки.

– Он похож на пирата! – шепнула Каролина и засмеялась.

– Этот остров – непотопляемый бриг, и здесь все пираты. Вы не заметили?

– И наш официант?

– Этот – атаман! Хитрый, безжалостный поджигатель!

– Ну уж он-то не был заинтересован в пожаре на барже! Даже если бы был атаманом!

– Как сказать? Зачем им тут такой шум, скандал? Здесь дела идут тихо, а потому далеко и долго.

– Зато русские любят коротко и шумно! Не правда ли?

– Правда.

– Послушайте, а почему местные называют турецкий кофе греческим? Разве есть какая-то разница? – спросила вдруг Каролина.

– Вы хотите кофе?

– Хочу. Турецкий.

– Молчите! Это враждебно по отношению к южному Кипру. Кофе, как и свобода, здесь могут быть только греческими! Разве вы не знаете?

Роман увидел официанта, мелькнувшего на другом конце ресторанной палубы, и поднял кверху два пальца.

– Эй! Атаман! Два греческих кофе! Погуще, пожалуйста! И еще воды!

– Я все думаю о монастыре. Кто же их кормит, этих чудовищ? – задумчиво сказала Каролина.

– Четверо монашек.

– Почему же они не вышли к нам?

– Вот именно, почему? Кажется, это основание для того, чтобы туда еще раз наведаться.

– Ну, уж нет! В другой раз без меня!

– Мне показалось, что без вас у меня теперь многого не получится, Каролина.

Она подняла на него глаза и сразу отвела их.

– Вы меня затягиваете на совместную сиесту, сэр?

– Простите. Опять что-то сморозил.

– Я согласна, – вдруг серьезно произнесла Каролина и посмотрела Роману прямо в глаза, – Я хочу на сиесту. Вино, наверное... или кошки. Не желаю, чтобы этот день просто так кончился. Он слишком необычно протекает! Нет, что я говорю! Почему «слишком»? Это как раз то, что мне надо! Сэр! Вы меня намеренно совращаете! Своими кошками, кислым вином, сказками о местных и русских пиратах, турецким кофе на греческий лад! Вы – искушитель! Я, кажется, сдаюсь...

Глава 11

Коллеги

Уже смеркалось, и горячее светило готовилось нырнуть в испаряющееся море, а обжигающий воздух заменил теплый пар, оседающий каплями на стеклах и железе машин. Роман посмотрел на курносый англосаксонский профиль спящей рядом с ним молодой аристократки и подумал, что, пожалуй, именно такой финал сегодняшних приключений искупил все неожиданные риски и чувство брезгливого омерзения, которые теперь вызывали у него воспоминания о монастыре.

Он осторожно, чтобы не потревожить сон Каролины, отвел ее руки со своей груди и выскользнул из-под смятой, влажной простыни. В этот момент ожил телефон, но Роман успел поднять трубку, позволив ему лишь на короткое мгновение зайтись веселым колокольчиком.

– Привет, Роми! – буднично просипел в трубку Козмас. – Чем занят?

– Так...отдыхаю...

– Один?

– А что, собственно?

– Тебя тут видели в обществе молодой дамы.

– Ваш остров очень маленький. Это нехорошо!

– Для кого как. Полиции вполне подходит, – Козмас рассмеялся. – Хочешь к Василису?

– Даже не знаю. Устал немного.

– Как угодно. После девяти вечера я там. Если что, заскакивай. Приехали коллеги из Греции, начальство приказало их развлечь. С моей стороны это задание возражений не встретило. Они, кстати, хотят с тобой познакомиться. У них есть кое-что о наших русских клиентах. Похоже, они и там наследили.

– Хорошо, буду. Немного позже. Сейчас я занят.

Роман положил трубку и сладко потянулся.

– Тебе надо смываться? – услышал он за спиной. Повернул голову: на постели, улыбаясь незнакомой до сих пор ему улыбкой, близкой и нежной, лежала Каролина. Его вдруг охватил восторг. Он засмеялся и ловко запрыгнул к ней в кровать. Обнял ее, зарылся лицом в рассыпавшиеся по подушке волосы.

– Звонил местный коллега. Извини, что разбудил.

– Ну, так тебе надо идти?

– И да, и нет. Тащит к Василису. Помнишь, я рассказывал о юристе-певце?

– Это тот, что бросил морочить головы островитянам в судах и начал морочить им головы в ресторане?

– Он самый.

– Там деловая встреча?

– Скорее, гулянка под предлогом службы. У вас такое бывает?

– Как правило, именно такое и бывает. Чаще всего служба и есть веселая гулянка в суровых одеждах долга. Так что не отставай, а то лишишься места. И удовольствий! Пожалуются твоему начальству, и тебя отзовут назад.

– Пожалуй, ты права, чего доброго еще запишут в трудоволики.

– Вот именно. И будут шпынять, как ученика-практиканта. Лучше уж катись к своим деловым друзьям.

Каролина исчезла из его номера неожиданно быстро – вместе с ее телом испарились и ее запахи и даже, казалось, сама собой расправилась смятая простыня. Эта способность уходить, забрав с собой все, без остатка, не оставляя следов, встревожила Романа, потому что не оставляла шанса завладеть чем-то, что могло бы заставить ее вернуться. Она оставалась полно-

властной хозяйкой собственных желаний, как тогда, на «поплавке», днем: они ведь оказались в одной постели лишь потому, что так пожелала Каролина.

Рыбка ускользнула, не оставив и ряби на воде. Попадется ли еще раз и вспомнит ли о скромном рыбаке? У нее океан и воля, а у него лишь дырявая сеть и робкая надежда увидеть отблеск быстрых плавников. Она – дочь морского царя, а он – прибрежный пария, ее владения – свобода и независимость, его – лишь авантюрное любопытство и рискованные экспедиции.

Сознание того, что он весь день только и делал, что выполнял ее капризы, не оставляло Романа. Это не он уговорил девушку проводить его в монастырь кошек, а она позволила ему сопровождать и беречь ее в этом предприятии. Это не он затащил ее в свою постель, а она сама пригласила себя в нее, и теперь, воспользовавшись им и опустошив пространство вокруг себя, удалилась в собственные покои, адрес которых не изволила сообщить. При этом она постаралась ничем не обидеть мужчину, потому что воспитание подсказывало ей, что унижение слуги есть унижение хозяина.

Она улетучилась вся, без остатка! Что ему было о ней известно? Живет где-то рядом с «Гавайи», ходит время от времени к старухам на ферму... Вот, собственно и все. Ни номера телефона, ни точного адреса. Хочешь увидеть – раскидывай, рыбачок, сети. Может быть, и блеснет ее плавничок...

К «Василису» он приехал уже после десяти, когда за окнами веранды большого, старого дома в колониальном стиле уже висела, исходя влагой, душная темно-синяя ночь. Перед Романом, на верхнем этаже, сразу за узкой лестницей и застекленной дверью распахнулось пространство, полное неясной разноголосицы. Звенела посуда, шаркали по полу проворные темноволосяные официанты. Он остановился на пороге, привыкая к свету, и осмотрел зал в поисках знакомых. У самой стены, за прямоугольным столом, боком к нему сидел уже изрядно выпивший Козмас. Пиджак криво морщился на спинке стула, узел галстука был распушен, белая рубашка выбивалась из-под ремня. Козмас упирался локтями в стол, грея в ладонях пузатую, высокую рюмку с вином густого бордового цвета. Вокруг стола сидели еще четверо мужчин – трое молодых, не старше Романа, и один с седеющей головой и густыми черными усами. Один из молодых был чрезмерно толст, с лысеющей светлой головой. Он вдруг прямо посмотрел вдаль и немедленно встретился глазами с Романом, после чего пригнулся к Козмасу и что-то сказал. Козмас не расслышал, махнул рукой, но толстяк настоятельно повторил, и тогда Козмас обернулся. Увидев Романа, он заулыбался и призывно махнул рукой.

Роман неторопливо пошел по узкой дорожке между столиками.

– Роман! Мы уже все съели и выпили! Из-за тебя придется начинать сначала, – воскликнул Козмас, – Русские вечно опаздывают, везде! И всегда! И во всем! По этому признаку лично тебя опознают даже те, кто никогда не видел.

Роман молча кивнул и занял стул между тучным мужчиной и Козмасом.

– Господа! Коллеги! – пьяно настаивал на внимании Козмас, вертясь на стуле и скрипя всеми его узлами. – Позвольте представить вам русского полицейского – мистера Романа... Фамилию не помню. Они у них не запоминаются, не то, что наши.

– Нестеров, – негромко сказал Роман. – Я свою фамилию запомнил сразу, причем мне тогда было года два, не больше.

Тучный мужчина засмеялся:

– Восхитительно! Русские в два года куда сообразительнее и способнее, чем киприоты к сорока! Ты слышишь, Козмас? Он тебя умыл! Ох, умыл! Учи его фамилию, тупица!

За столом все засмеялись. Пожилой грек не то улыбаясь, не то недобро скалясь, перевернул усами и щедро плеснул Роману густого красного вина в высокий фужер.

– Выпьете? Сейчас принесут неплохую рыбу. Кстати, мое имя Артур Сузу. Запомните?

– Я постараюсь, сэр.

– Это хорошо! Это важно, мистер Нестеров. Учитывая, что я старший по званию здесь. Полковник, из греческой уголовной полиции. Я тут в командировке, как и вы. Нам предстоит вместе работать.

Козмас поднял рюмку:

– За нас, ищейки! За верных псов режима!

Зал вдруг затих. Роман повернул голову и увидел, что в проеме двери кухни стоят двое: полный темноволосый грек с одутловатым добродушным лицом и худой немолодой мужчина с короткими темными волосами, присыпанными стального цвета сединой. Его лицо было смуглым, обветренным, с продольными морщинами вдоль углов тонких губ. В руках у полного мужчины белой эмалью мерцала гитара. Со своего места Романа не видел, что держал худой, но знал это, потому что бывал здесь раньше. У него была старое банджо.

– Василис! Вот молодец! И Анри свой парень! – громко обрадовался Козмас. – Эй, француз, ударь по американским струнам!

На Козмаса обернулись, кто-то недовольно зашипел. Василис и Анри широко заулыбались, и Анри вдруг звонко затрещал своим банджо в неожиданном для этих мест ритме «кантри». Его бойко поддержала гитара. Зал вспыхнул весельем, а Козмас завертелся, стреляя победными взглядами вокруг себя, будто это он был теперь главным виновником музыкального веселья.

– У них здорово получается! – возбужденно сказал тучный мужчина за столом.

Он вдруг протянул руку Роману:

– Макс. Фамилию не говорю – ее греки не запоминают, и вам не удастся. Все-таки я финн.

– Финн? – удивился Роман. – Холодная финская преступность добралась до температурного средиземноморья или наоборот?

– Это я добрался до средиземноморья, – весело сказал Макс, – выловил здесь греческую рыбку, женился на ней, нарожал полугреков-полуфиннов и теперь делаю то, что всегда делал в своей стране: мешаю в силу своих полицейских способностей жить некоторым людям так, как того хотят их свободные и развращенные натуры. Словом, служу в греческой уголовной полиции. Преступность везде, в общем, одинаковая – она куда интернациональней всех социал-демократических интернационалов вместе взятых. Одним словом, тюремный Коминтерн! Хотя, следует признать, у нас она все же доморощенная, а здесь, особенно на острове, даже уголовщина – гостья, а скорее просто грязная эмигрантка!

– Я сразу подумал, что на местного грека вы не похожи.

– Еще бы! Они не умеют накапливать жиры! Худые, как...

– Велосипеды, – закончил за него Роман.

– Как кто?

– Как велосипеды. У нас так говорят.

– Это здорово! Клянусь! Эй, чертовы греки, вы слышите, на кого вы смахиваете своей худобой – на глупые велосипеды! И хватит смеяться надо мной! Слышите, мерзавцы! А то я перестану делать здесь у вас детей! И ваша нация захиреет, рассыплется, как старый ржавый волосатый велосипед!

Он засмеялся, но Козмас недовольно поднял кверху палец:

– Молчите! Василис с Анри за вас, дураков, говорят!

К тому времени грек и француз уже исчерпали мелодии прерий, и Василис подошел к столику в самом начале зала. Он на мгновение прислушался к тихому говору, понимающе улыбнулся и вдруг из его округлившегося рта звонкой серебристой нитью, к самому потолку, скрытому за клубами сизого сигаретного дыма, потянулась неаполитанская «O sole mio». За столиком, где заказали эту песню, довольно заулыбались.

– Там сидят итальянцы. Это определено, – не унимался Козмас. – Василис поет на всех языках своих клиентов. Островной сервис!

Мелодия оборвалась на высокой ноте. Потом кто-то неуклюже звякнул столовым прибором, и вдруг раздался вопль: «Браво!», подхваченный овацией.

– Никогда не слышал подобного исполнения! – взволнованно сказал полковник Сузу.

Роман кивнул, и в тот момент, когда шум в зале стал стихать, а от другого столика уже потянулась дрожь гитарных струн и низкий треск «банджо», он увидел Каролину, чуть смущенно стоящую у входа. Роман поднялся и пошел быстро к ней.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

– Ищу тебя. Я забыла тебе сказать... я опять туда поеду, с тобой.

– Куда?

– К твоим кошкам. Не могу забыть!

– Ты для этого сюда пришла?

– Это всего лишь предлог. Я уйду, если ты хочешь.

– Этого я хочу меньше всего. Меньше всего на свете, – он замолчал и после неловкой паузы спросил:

– Ты слышала?

Она кивнула.

– Это и есть Василис. Я не лгал тебе о нем.

– А я тебе верила. Просто не могла оставаться одна. Прости. Твои деловые партнеры, наверное, будут недовольны.

– Если они будут недовольны, я буду недоволен ими! Почему я должен опасаться, а они нет? Пошли. Стоять здесь глупо.

Каролина решительно нагнула голову, щеки ее зарделись. Подчиняясь Роману, она пошла следом за ним в проход между столиками. Роман вдруг подумал, что ошибся сегодня в своих ощущениях после ее ухода, потому что Каролина не исчезает бесследно, она присутствует рядом, даже когда ее нет, и именно этим утверждает себя в его одиноком мире, на этой чужой земле.

Они прошли мимо певца и музыканта, исполнявших тирольскую песню, даря ее не то немцам, не то австрийцам за широким пьяным столом. Василис узнал Романа и широко улыбнулся, качая в такт песне тяжелой кудрявой головой. Роман в ответ легко дотронулся до его плеча. Василис, не прекращая улыбаться и перебирать струны, энергично закивал.

– Господа! – произнес Роман, подойдя к столику. – Позвольте представить... Каролина... Надеюсь, вы не возражаете...

Первым вскочил со своего стула Козмас.

– Ах, вот оно в чем дело! – воскликнул он и потянулся к руке Каролины. – Мэм, я уже слышал о вас!

Каролина кольнула строгим взглядом Романа.

– Забавно. Вам, как я вижу, всегда есть, о чем поговорить за столом в отсутствие дам, джентльмены.

Роман вспыхнул и растеряно покачал головой.

– Ты не поняла... Я бы не посмел. Козмас, черт побери, что ты мелешь?

– О, нет, мэм! Мы о вас тут ни слова! Просто остров очень маленький, понимаете? Такая уж у нас отвратительная служба.

– Все оттого, что здесь нет старой доброй уголовщины! – встрял финн со знакомой ему темой. – У местных ребят остается уйма времени на сплетни. Но вы не обращайтесь внимания, милая Каролина! Здесь есть, кому за вас заступиться! Есть один русский и один финн.

– Э! Еще одно слово, и я не стану в следующий раз за вас платить в этом чертовом месте! – воскликнул Козмас.

Каролина к тому времени опустилась на стул. Роман смущенно присел рядом с ней. Козмас схватил полупустую бутылку дешевого белого крестьянского вина и наполнил высокий тонкий фужер.

– Я пьян, я просто пьян, мэм! Простите меня. Лучше выпейте за свое здоровье! Господа, за прекрасную даму!

На столик легла густая темно-серая тень. За спиной финна, сжимая гриф гитары немускульными, полными пальцами, стоял Василис, рядом с ним – серьезный, не улыбочивый Анри.

Василис легко провел пальцами по струнам и вновь, как минуту назад, кивнул Роману.

– Я знаю две ваши песни, русский. Одна про большой город, а другая про остров. Какую хочешь?

Роман пожал плечами:

– Любую. Сыграй любую, Василис. Какая тебе нравится!

– Про остров. Киприотам всегда нравится про острова. Она грустная. Хочешь?

Роман кивнул растерянно. Василис откашлялся, посмотрел на Анри и сказал ему глухо:

– *Hauteurs dominantes*.

Услышав это, Каролина с удивлением покосилась на Романа:

– Он сказал «командная высота». Это по-французски. У вас есть такая песня?

– Не знаю. Никогда не слышал.

Грек наполнил легкие воздухом и набрал несколько гитарных тактов. Еще мгновение, и неожиданно для его привычного всем тенора он низким баритоном, чуть ломая русские слова, запел:

– «Дымилась роща под горою,/И вместе с ней горел закат.../Нас оставалось только трое...»

Каролина молча вслушивалась в слова. Затихла шумная до этого компания русских в соседнем ряду. Василис чуть вздрогнул, повернулся в ту сторону и сделал несколько шагов, не прекращая петь. Анри, сопровождая его ритмом «банджо», был серьезен и торжественен. Песня стихла, когда Василис уже стоял прямо перед русскими. Вдруг один из них залпом осушил рюмку и, сметая со стола все, что попадалось под его локти и нависший тяжелый живот, схватил Василиса за шею и, всхлипывая, впился губами в полную, потную щеку грека.

– Дед мой... Там... На высоте... На безымянной, чтоб ее черти! Один остался живой! Без ноги! По бедро, суки, отхватили! Пел все про нее, старый! На «безымянной, говорит, высоте!» Имени его ноги высота! Понимаешь, друг ты мой чернявый? Имени его правой ноги та хренова высота!

Он разрыдался, и три его приятеля вразнобой пьяно заговорили:

– Что ты? Что ты, Ген? Отдыхаем! Давай за дедуню за твоего, за ногу! За правую! А греку спасибо наше земное! Дает братан! Во дает!

Василис растроганно качал головой.

– Почему эти парни рыдают? – спросил Козмас растерянно. – Это что, затонул остров? Это про остров?

– Почти, – немного мрачно ответил Роман, – а, в общем, про остров... без названия. Ну, да ладно! Вон Василис еще кого-то привечает!

Певец, тем временем, обнаружил столик с испанцами и, немного смущаясь, стал подбирать какую-то мелодию. Анри что-то ему нашептывал и нетерпеливо выстукивал такт ногой.

К столу полицейских мелкими шажками подобрался два худых смуглых официанта и стали споро собирать пустые тарелки. Неряшливость затянувшегося ужина вычищалась на глазах. Ее безжалостно, как надоедливых жирных мух, отбивали свежими салфетками, сметая подсохшие крошки хлеба и еще влажные бутылочные пробки. Стол вдруг зацвел новыми блюдами, источавшими острые, крепкие запахи. По белой скатерти поплыли, распятые печным огнем, крупные морские рыбы. Звякнули столовые приборы, похожие на уменьшенные макеты

пыточных инструментов, заплескался чесночный соус и белый оливковый маринад в ладях соусников. Исходили холодным, предсмертным потом стеклянные тела бутылок с белым сухим «Паломино».

Двое молодых полицейских, сидевшие около стены, переглянулись и вожаденно потерли руки. Артур Сузу достал из кармана тяжелую черную трубку, заранее набитую, и втиснул кривой мундштук между крупных желтых зубов. Он чиркнул длинной спичкой о большой прямоугольный коробок, который тоже извлек из кармана, и затянулся. Крупное кольцо сизого дыма поползло к потолку. За спиной Сузу настойчивый грек и нервный француз все же одолевали испанскую мелодию.

– Э! Друзья! – неожиданно очнулся Козмас и блеснул темными глазами. – Я, оказывается, проголодался. А ну-ка, вперед! Ловить рыбу и усыплять ее вином!

Каролина вдруг тоже почувствовала, что ужасно голодна. Она ловко подхватила изогнутым ножом и двузубой вилкой тяжелый кусок рыбы с отколовшимся хребтом и частоклом острых костей.

Сузу не спускал глаз с Романа. Выпустив дым через широкие ноздри, он спросил:

– Почему русские столь сентиментальны? И жестоки одновременно?

Роман отставил в сторону вилку, которой пытался расковырять хвост рыбы, и поднял на него глаза.

– Если вас навела на эту мысль та компания, то я готов за нее заступиться, господин полковник.

– Я понимаю ваш язык. Когда-то изучал в академии. Меня готовили к работе в посольстве в Москве. Я все понял, что говорил тот человек. Но это лишь повод для моего вопроса, майор, не более того.

– Вам уже даже сообщили о моем звании?

– Конечно.

Каролина с удивлением посмотрела на Романа. Покачала головой и выдавила чуть слышно: «Ого!»

– Это не так много! – успокоил ее Роман. – Уверяю тебя, даже весьма скромно.

– Не кокетничайте с дамой и не увиливайте от вопроса старшего по званию, – съязвил Сузу.

– А я не слышу вопроса. Вы ведь утверждаете: полковник, не так ли?

– Хорошо. Построю фразу по-другому: как в вас сочетаются столько противоречивых чувств? Они ведь мешают друг другу.

– Вам не нравится эта рыба? – вдруг спросил Роман.

– Рыба? А при чем здесь рыба? Я ее, собственно, еще и не пробовал.

– А вы попробуйте. В ней все химические элементы – и кислоты, и соли, и минералы. Вкус, как у нас говорят, специфический! Перфектный, как говорят у вас.

– И что из этого? – полковник недоуменно отщипнул рукой жирный кусок от бока рыбы прямо с общего блюда и, вынув изо рта трубку, сунул его под усы. Быстро, вдумчиво пожевал.

– Вкусно. Действительно, вкусно. Но какое это имеет отношение к моему вопросу?

– Самое прямое. Только сочетание ингредиентов и дает вкусовой результат.

– Ингредиенты можно подбирать до бесконечности. На это не хватит жизни!

– А процесс подбора? Разве это не искусство, не муки творчества? Салат из сентиментов и жестокости – изысканное блюдо и уж точно сервированное историей не единожды. Русские не первые его составители. – Роман говорил неторопливо, тщательно подбирая слова. – Стоит ли вообще искать причины явления, они ведь лишь в движении, в процессе, так сказать... Это, собственно, и есть результат. Он не постоянен по своей сути, потому что по природе своей изменяем, а значит, подлежит бесконечному обновлению. Он и нов, как бы это ни звучало

абсурдно, и консервативен одновременно. Таков его природный алгоритм. И такова формула, в том числе, и моей нации – процесс, движение, повтор старой траектории и новый набор высоты.

– Вас увлекает только процесс? Вы его и выдаете за результат? Это плохо, очень плохо! Процесс влечет лишь неудачников. Успешным личностям и нациям важен исключительно конечный результат. И идут к нему, иной раз, жертвуя самим процессом. Этим мы и отличаемся друг от друга.

– Возможно. Даже, скорее всего, что так. Но яркий процесс, порой, куда желанней, чем скромный результат.

– Зависит от цельности натуры, будь это нацией или личностью. Завершенность – это явление цельности и единственный признак хозяина жизни. Разве не приятно ощущение ее монолита? А все остальное – сумбур, – Сузу говорил, глядя в глаза Роману. – К сожалению, хозяева жизни всегда рабы победы, но остальные – их рабы. Верно, что нет ничего хуже, чем быть рабом раба! Но может ли быть что-нибудь неотвратимей? Разве что смерть! Смерть личности, смерть нации, когда придет ее час. Но, повторяю, это неотвратимо!

– Всё это так и не так. Не так – потому что жизнь и есть процесс, а результат у нее всегда один. Получить наслаждение от движения – вот высшее предназначение существования. Поэтому мы и ценим более всего процесс, который в этом смысле не так органичен, как ваш конечный результат, хотя и завершен в самом себе. А будем ли мы рабами или нет, тем более, рабами рабов – решать нам. Если когда-нибудь устанем от движения, то подставим шею под ошейник с номером и адресом. Но что-то мне подсказывает – такого не будет!

– Устанете. Все устают.

– А это я бы назвал общенациональной пенсией, – Роман усмехнулся, продолжая ковырять вилкой хвост рыбы.

– Нет. Пенсией называется свобода, пусть относительная, но все же свобода, в том числе, от движения. И даже, в первую очередь! Хозяину вы больше не нужны, одному лишь себе. А знаете, что это такое на самом деле, эта ваша грядущая усталость, этот ваш «национальный пенсионный возраст»?

– Просветите, полковник, прошу вас!

– Это бессмысленный процесс движения по одинокой тропинке в чужом молодом лесу, в котором зреют уже недостижимые плоды. Вот что это такое! И уж тут конечный результат неотвратим куда скорее, чем у других. Поэтому лучше устаньте пораньше, пока у всех не пропала в вас надобность.

– Вы вербовщик на галеры? Или русофоб?

– Мне жаль вас. Как жалко все это выглядит: ваши хаотические движения, ваши пьяные слезы под старые песни, ваша жестокость, скорее направленная на себя самих, потому что вы давно уже бессильны причинить ощутимый вред постороннему, как бы вам этого ни хотелось.

– Послушайте, полковник, – вдруг громко сказала Каролина, – я могу судить о русских куда объективней, чем Роман. Он ведь русский, а я англичанка! Возможно, вы в чем-то и правы, хотя не совсем уверена в ваших аналогиях, но... в процессе действительно есть своя прелесть, своя новизна, и, главное, надежда.

– Когда-нибудь остановиться?

– Пусть так. Но, судя по всему, остановка, по-вашему, означает подставить шею под ошейник?

– Это не я сказал, но согласен с этим.

– А кто будет держать этот ошейник, кто хозяин? Уж не вы ли?

В словах Каролины прозвучала явная насмешка. Полковник выпрямился на стуле и кашлянул.

– Что ж, возможно, вы... или американцы, или... да-да, скорее, китайцы. Они и будут держать вас за ошейник. Они будут драться между собой за этот ошейник, и, в конце концов, договорятся.

– В таком случае, сначала они прижмут нас, а потом и вас, хотя вы предпочитаете конечный результат и не видите романтики в движении! – рассмеялся Роман. – А конечный результат, по-вашему, будет именно таким.

– В каком движении? Вниз, в бок, в сторону? – неожиданно рассердился полковник. – Боюсь, здесь не место для профессиональных бесед, но... ну уж, ладно!

Он покосился на Каролину и продолжил решительно:

– Мы привезли целый список ваших соотечественников, увлеченных сомнительной «романтикой движения». Массу наблюдательного материала: они рыдают в ресторанах над песнями и пускают друг другу кровь при первом подходящем случае! Это ваше национальное движение у нас уже вот где! – он нервно похлопал себя по затылку.

– Для чего вы это привезли сюда, а не отправились к нам?

– Это не имеет отношения к делу. Я не вправе делиться с вами, но кое-что смогу на днях продемонстрировать. Может быть, вашему московскому начальству это тоже станет интересно, и оно все же захочет прийти хотя бы в этом к разумному результату.

– Вот, значит, какие мысли у вас вызвал грек Василис со своей русской песней? Она, между прочим, о войне, – пробурчал Роман.

– Я вам уже сказал, что русский язык понимаю достаточно хорошо. И я знаю о вашей войне, то есть, по большому счету, о нашей... Но мы уже давно пришли к результату, а вы все в процессе, в движении... Черт побери! Мы сумеем от вас защититься, но вы, вы, господа, как защититесь от себя?

– Думаю, джентльмены, пора сменить тему! – воскликнул Козмас. – Для чего мы здесь собрались?

В другом конце ресторана Василис и Анри пели «Подмосковные вечера» около столика с людьми, видимо, увлеченными одной лишь романтикой движения. Роман подумал, что это и есть песня о большом городе, о которой говорил грек.

– Послушай, Роман! Ты, похоже, побывал у кошек? – проговорил вдруг протрезвевший Козмас, пытающийся разрядить душный грозовой воздух.

Роман кивнул, искоса взглянув на Каролину.

– И что же? Похоже, благополучно унес ноги?

– Унесли.

– Что?

– Мы унесли ноги, – сказав это с ударением на «мы», Роман еще раз, теперь уже прямо, посмотрел на Каролину.

– Что за кошки? – обрадовался смене темы финн.

– Макс, это все местные сказки! Очередная форма процесса, столь милая русским и, как я теперь погляжу, английским гостям, – резко сказал Сузу, даже не взглянув на Романа и Каролину.

– Сказки? – вдруг вспыхнул Роман. Раздражение накопилось и, похоже, уже переливало через край.

Певцы, закончив выступление, ушли на кухню. Зал вновь зашумел, зазвенел рюмками и приборами.

– Вы сказали «сказки»! – голос Романа дрогнул. – А вы не боитесь сказок, полковник? Они ведь иногда становятся реальностью.

– Слышал я об этом монастыре. Четыре выжившие из ума старухи кормят прорву диких вонючих котов и пугают людей. Их надо гнать в три шеи, этих мракобесных дам! – Сузу зло постучал трубкой о край стола и, осыпав себя серым пеплом, сунул ее в карман пиджака.

– Вот как? – подала голос Каролина. – Вы, как я погляжу, знаете ответы на все вопросы.
– На многие.

Макс хмыкнул и выпил залпом рюмку вина.

– Вы чем-то недовольны, капитан? – тихо спросил полковник.

– Именно так, – серьезно, с удивляющей Романа суровостью в окрепшем голосе вдруг ответил Макс.

– Объяснитесь.

– Вы мой шеф, и я боюсь перейти грань... как бы сказать... субординации, и все такое... Но... но вы ошибаетесь иной раз, шеф.

– И в этот раз?

– Боюсь, да.

– Вы что же, тоже там были?

– Нет, не был. Но там были они, – Макс, не поднимая глаз, кивнул в сторону Романа и Каролины, – Они до сих пор не сделали ничего такого, что бы заслуживало наше недоверие, и я склонен выслушать их. В конечном счете, это хотя бы приличнее... чем...

Полковник сжал губы, усы опустились ниже, на скулах заходили серые желваки, сверкнули карие глаза.

– Джентльмены! Я знаю выход из создавшегося положения! – вдруг воскликнула Каролина. – Если полковник не верит нам, у него есть шанс подтвердить свое недоверие.

– Интересно, какой? – спросил Козмас.

– Сколько вы еще здесь будете, полковник?

– Зависит от обстоятельств, но... вероятно, около недели.

– Вот и чудесно, – усмехнулась Каролина. – Мы с Романом готовы составить вам компанию в этом необычном путешествии. Я имею в виду – в монастырь кошек.

Полковник недоверчиво покачал головой.

– Вы испугались, храбрец? – с вызовом спросила Каролина. Роман удивленно посмотрел на нее и подумал, что умение повелевать, презирая, выросло вместе с ней в аристократической колыбели.

– Я? Вы шутите? Да кто вы такая, чтобы говорить подобное полковнику полиции Республики Греция? – ответ полковника прозвучал бы даже комично, если бы не был произнесен с высокомерием.

– Я могла бы представиться, сэр, но потом вам, как человеку, явно чтящему субординацию, пришлось бы мучительно решать, вправе ли вы составить мне компанию.

В словах Каролины было куда больше высокомерия, чем в словах полковника. Все за столом, предчувствуя скандал, насторожились.

Полковник покраснел и растерянно кивнул.

– Простите, м-м-м, даже не знаю, как к вам обращаться...

– Очень просто. Меня зовут Каролина. Так и обращайтесь. Я позволяю, – ее левая бровь высоко взлетела вверх, – Но мне пора. Если вам заблагорассудится проверить себя, прошу. Надеюсь, через Романа меня поставят об этом в известность.

Она поднялась, отодвинув стул. Роман вскочил и обвел всех взглядом.

– Простите, я провожу даму.

Мужчины поднялись и учтиво попрощались.

Каролина шла по проходу, не спеша, ставя ступни ног на одну, невидимую, черту. От этого ее бедра мерно покачивались, а плечи плыли ровно, развернуто.

– Кто эта стерва? – зло бросил полковник вслед ушедшим.

– Насколько мне известно из проверенных источников, она в достаточно близких родственных отношениях с королевой. – Со скрытым удовольствием сказал Козмас. – Во всяком

случае, у них время от времени идет неспешная переписка. Говорят, ее величают «высочеством», сэр.

– Что она здесь делает?

– Бог ее знает.

Роману не было позволено проводить взбунтовавшееся «высочество» до дома. Возможно, думал потом Роман, вовсе не он стал причиной этого, а она сама, поставив себя в двусмысленное положение: в ее присутствии вели себя вызывающе и тем самым оскорбили ее королевское достоинство. Роман просто подвернулся под руку, как собственность, забавляющая ее, хозяйку. Выйдя из ресторана, Каролина холодно попрощалась и, поймав такси, укатила в «Гавайи».

– Я скоро позвоню. Не провожай! – сказала она мягко, но так непреклонно, что Роман не посмел спорить.

Он не захотел возвращаться в ресторан, решив, что день получился на удивление длинным и утомительным, куда более протяженным, чем положенные ему двадцать четыре часа.

Два дня Роман не покидал своего номера, лишь спускаясь утром вниз к Сиду, пил кофе с булками.

Однажды ранним утром его разбудил звук трубы. Невидимый трубач довольно чисто выводил звуки подзабытой песни о красном командире Щорсе, который с кровью на рукаве ведет куда-то в сказочное будущее отряд былинных красных привидений. Сначала Роману показалось, что он еще не проснулся, но труба звучала под окнами так громко, что он был вынужден встать и выглянуть в распахнутое окно спальни. Внизу, на пыльном тротуаре стоял полуголый загорелый индус в белой набедренной повязке и выдувал из горящей на солнце меди мелодию древней большевистской сказки. При более пристальном рассмотрении обнаружилось, что индус вовсе и не индус, а безобразно загоревший европеец, и на бедрах у него не повязка, а плотные белые трусы, неловко выдающие себя за плавки. Трубач был исключительно худ, с выпирающими ключицами и натренированными вытянутыми мышцами. Лицо его было покрыто трехдневной седеющей щетиной, руки узловаты и подвижны как у обезьяны.

Выдув все, на что был способен, он оторвал от губ мундштук и лучезарно улыбнулся изумленному Роману.

– Маней, маней, плиз! – заорал горнист, вытягивая свободную руку, и улыбнулся широкой желтозубой улыбкой. Произношение не оставляло ему никаких шансов – это был не индус, не египтянин, не жертва английской колониальной политики, а жалкий беженец от антисоветских реформ, возможно, даже первая труба какой-то провинциальной советской филармонии.

Роман быстро оделся, sprysнул лицо холодной водой и, выскочив из холла гостиницы на улицу, решительно пошел на звук трубы. Щуплое тело трубача извивалось в поклонах в ответ на монеты, сыпавшиеся из окон отставных английских военных, не пожелавших покидать остров после службы и удачно купивших здесь небольшие квартиры.

Музыкант споро собирал монеты и ловко засовывал их в кармашек на трусах, с внутренней стороны.

– Послушайте! – крикнул издали Роман по-русски. – Эй! Трубач!

Человек затравленно вскинул голову, словно собака, ожидающая пинка, и впился острым взглядом в лицо Романа. Так ничего и не поняв, он на всякий случай отрицательно покачал головой. Роман растерялся на мгновение, подумав, что, должно быть, это все-таки не «наш» человек, но тут же отверг эту мысль, вспомнив о редкой в здешних местах мелодии, и настоятельно продолжил:

– Послушайте, вы русский? Я же вижу, вы русский! Да встаньте же вы, в конце-то концов!

Чтобы поторопить его, Роман нагнулся и поднял с земли две монеты. Мышцы на худом, обнаженном теле горниста мгновенно напряглись, а в глазах вспыхнуло отчаяние. Но Роман протянул ему раскрытую ладонь с двумя монетками.

– Берите же! Это ваше.

Трубач проворно, по-обезьяньи, схватил деньги. Он широко улыбнулся крупными желтыми зубами и с профессиональной грацией отвесил поклон. Видимо, на его плечах когда-то вполне гармонично сидел концертный фрак с манишкой и черной элегантной бабочкой.

– Не уходите. Хотите выпить?

Трубач отрицательно мотнул головой и задумался. Потом сказал с ясным малороссийским выговором, очевидным даже для лаконичной фразы:

– Поесть. И кофе. Если пожелает господин...

Роман с облегчением вздохнул и призывно махнул рукой.

– Пойдемте. Сид нас сейчас накормит. Я тоже не завтракал.

Трубач засеменил вслед за Романом, глухо топая обутыми в сандалии ногами по пыльному асфальту.

– Из филармонии мы! – говорил трубач, набивая рот и глотая горячий черный кофе. – Из матери... так сказать, городов русских!

– Из Киева, что ли? – уточнил Роман. Спроси его сейчас, зачем он принял пусть даже такое незначительное участие в судьбе этого человека, он вряд ли бы сумел ответить что-либо вразумительное.

– Из Киева, из Киева! – закивал трубач. – Оттуда!

Роман смотрел на него, размышляя о том, что когда из тонких нитей свободы ткутся целые полотна и затем покрываются ими счастливые государства, всё становится ясным для каждого, кто живет под таким полотном. Однако же, когда нити свободы вплетаются в грубую мешковину многолетнего рабства, любое жалкое проявление независимости, идущее от примитивного понимания людей, не знавших истинной свободы до сей поры, выглядит постыдным убожеством.

Душа Романа рвалась на части: одна из них питалась жалостью и любовью, другая презрением и страхом.

А душа Сиды, похоже, пребывала в это время в полном смятении. Он тер белым полотенцем и без того радующие глаз чистейшие стеклянные рюмки и с изумлением наблюдал за русскими. Один из них смотрел глазами собаки, ожидающей оплеухи, а второй напоминал доброго самаритянина, растроганного собственной щедростью. Сид подошел к столику и, убирая опорожненные стаканы из-под цитрусового сока, шепнул Роману:

– Гоните его, сэр! Он здесь уже третий день ходит и трубит. Это – нищий. И попрошайка.

Роман выдавил сквозь зубы, не поднимая глаз:

– Это мой голодный соотечественник, Сид!

Сид пожал плечами и удалился к бару тереть полотенцем почти невидимые (до такой степени прозрачные и чистые!) рюмки, фужеры и стаканы.

– Откуда вы взялись, черт побери? – спросил трубача Роман.

– Из земли обетованной. Из Египта тоже. В Тунисе были, в Марокко, в Ливане. Теперь вот здесь. Ой, простите, дорогой товарищ, не представился! – трубач галантно привстал и, не смущаясь очевидной комичностью положения, протянул Роману свою загорелую обезьянью лапку: – Заслуженный артист Киргизской ССР Никита Онищенко. Первая труба! Был...

– Роман. А почему Киргизской?

– А Бог его знает! По Украине лимит был исчерпан, а по Киргизской – нет. Там с трубами дело кисло обстояло. Вот и дали... Так нам-то все равно! А теперь уж и подавно!

– Вы не один здесь, на Кипре?

– Конечно. С супругой. С Вероникой Олеговной. Она у меня на подъем-то не очень теперь. Располнела уж больно! От болезни всё... обмен веществ, говорят, нарушен, одной почки, опять же, нет. И сердце того... Все лежит, да лежит. А я вот на кусок хлеба для обоих....

– Вот так и зарабатываете?

– А что? Думаете, мало? – трубач рассмеялся и впился зубами в очередную булку.

Роман смотрел на него выжидательно, с жалостью.

– Мы ведь с филармонией гастролировали, – с набитым ртом продолжил трубач, – а тут, аккуратно в Израиле, деньги кончились. Нарушили там чего-то, кому-то не доплатили... в общем, у кого хватило средств вернуться на родину, тот и вернулся, а у кого нет...

– У вас, значит, не хватило?

– Почему же? Хотел бы – вернулся. Желания не было. Мы с альтистом устроились в один клуб. Ну, попиликали, потрубили, и нас того... попросили, в общем, больше не пикиать и не трубить. Своих, говорят, хватает. Он скоро родственников там нашел, еврей все же... а мы с женой подались в Египет. Работы нет, так я сначала официантом, а потом плюнул на все и давай по дворам ходить с трубой. Гляжу, а к вечеру-то в карманах звенит побольше, чем в киевской филармонии за неделю. Вот и пошло, поехало. Потрубим, потрубим, и дальше, чтоб власти не сердить. Сюда мы из Ливана приплыли. На украинской «комете» доставили! Во как!

Роман покачал головой. Он знал об этих «кометах», угнанных когда-то из Николаева. «Кометами» этими заведовали теперь те, кем интересовался Роман. Быстрые машины курсировали, как правило, между Кипром и Ливаном, тратя на дорогу в одну сторону до девяти часов. Челночные перегоны оживлялись в дни обострения израильско-ливанских отношений и в преддверии бомбежек Бейрута. Как только такой кораблик на подводных крыльях срывался из лимассольского порта в открытое море, курсом на Ливан, здесь, на Кипре, военные разведчики телеграфировали по секретным линиям о готовящейся Израилем локальной операции возмездия. Владельцы быстроходных «комет» получали превентивную информацию, видимо, из более оперативных источников, чем офицеры местной разведки. Поэтому выход в море их суденышек рассматривался как верная примета бомбежки Бейрута и притока новых беженцев из Ливана.

– Ну и как путешествие на подводных крыльях?

– Мне-то чего, а вот Вероника Олеговна, так та вся наизнанку! – удрученно покачал головой Онищенко. – Зашла человеком, а вышла прямо таки тигром. Чуть не покусала этих... моряков-то! Блевала все девять часов кряду. Всех под орех отдала. Красота!

– А дальше вы куда?

– В Грецию мечтаю, можно и в Турцию. Но здесь еще не все охвачено, гастролы, так сказать, не закончены. Неделю ведь всего болтаюсь по дворам. С месячишко «почешем», а там видно будет.

– А домой?

– Чего я там не видел? Зиму? Я без нее проживу. И Веронике Олеговне на солнышке-то лучше. Вы меня не жалейте, Роман! Свобода! Куда хочу, туда иду.

– А визы? Вам что, и визы дают?

– Где дают, а где берем сами... – Онищенко захихикал.

– Что значит «сами»?

– Люди везде есть. Наши. Вон, скажем, эти, с «кометы»... Поиграй, говорят, потруби на нашей сходке, в горах... а потом, говорят, мы тебе греческую визу сделаем, и мальтийскую даже можно. Говорю же, наши люди, они и в Африке наши... Соотечественники, так сказать.

– Но вы же артист, музыкант, в конце концов! Не воротит от такого «чёса»?

– Был... был музыкантом. Даже заслуженным артистом Киргизской ССР. И Вероника Олеговна администратором у нас работала. А теперь я свободный менестрель. Гражданин мира! Денег дадите? – спросил он неожиданно деловым тоном и посмотрел Роману в глаза.

– Дам! – растерявшись, ответил Роман и тут же пожалел о безвозвратно потерянных деньгах, которых ему, командировочному, не хватало ни на что. Одна лишь надежда была, что через десять дней, а то и меньше, его ждала обратная дорога. – Сколько?

– А сколько не жалко! – вдруг опять став бесшабашным уличным трубачом, пропел на малороссийский манер Онищенко. Роман достал портмоне и сунул ему несколько смятых купюр. Тот вскочил, упрятал бумажки в кармашек белых трусов, вывернулся из-за стола и, схватив со стула медную трубу, отбежал на середину вестибюля.

– Я вам лично сейчас, в благодарность такое сыграю! Век не забудете! Отработаю!

Но его благодарный порыв резко пресек Сид. Он замахал рукам и решительно вышел из-за стойки бара.

– Эй! Здесь нельзя! На улицу иди! Здесь люди.

Ничуть не смутившись, Онищенко, кланяясь, выскочил за порог гостиницы и там, на улице, обрушил на замлевший от пекла город гимн страны, одна из горных республик которой когда-то неосмотрительно признала его своим заслуженным артистом. Из окон время от времени со звоном вылетали мелкие монеты и весело подпрыгивали на асфальте.

Роман смущенно слушал, не поднимая головы, а Сид с укоризной в глазах собирал со стола посуду и крошки.

Музыкант живенько собрал монеты и, не переставая кланяться, засеменил по раскаленной от солнца улочке в соседний квартал высотных строений. Там улов обещал быть щедрее: квартир больше, жильцы хоть и беднее, но добрее, как он знал по своему новому опыту.

Роману не хотелось ехать на службу, где был полковник Сузу со своим презрением к бессмысленности славянского хаотического движения и к самому тягостному процессу той же славянской жизни, столь неожиданно демонстрируемым теперь на улице перед отелем трубачом Никитой Онищенко. Он с грустью и в то же время с неприязнью посмотрел ему вслед и нехотя вышел к своей машине, что стояла на открытом паркинге отеля. Напротив, через дорогу, поднимая тучу едкой пыли, притормозил «Митсубиси» Козмаса. Полицейский, пригнувшись, крикнул в медленно опускающееся стекло:

– Эй, русский! Ты что, задвинул службу окончательно? Честные люди уже давно заняты делом. Нас с тобой, правда, как раз другой тип человечества интересует...

Роман приветливо махнул Козмасу рукой. Машина полицейского сорвалась с места и, сопровождаемая шлейфом мелкого графия и песка, влетела на стоянку. Козмас вышел из нее и, потягиваясь, словно ехал очень долго и теперь разминал затекшие мышцы спины, подошел к Роману, стоявшему около своего «Нисана».

– Какая от меня польза, если я ценю лишь процесс, а он, этот, как его... полковник Сузу, кажется – лишь результат. Разве мы можем сработаться? И вообще, приятель, по-моему, мне пора домой. Начальство заждалось.

– Твое начальство только что телеграфировало. Ты поступаешь в распоряжение этого самого полковника Сузу, – Козмас усмехнулся. – Между прочим, это его идея. В далекой заснеженной Москве она очень понравилась кому-то. Кстати, они тоже требуют результата.

– Козмас, неуч чертов! В Москве тоже разгар лета и там снега столько же, сколько и на Кипре. Во всяком случае, сейчас.

– Что ты говоришь? А что делают в такую жару белые медведи?

– Они загорают и становятся бурыми. Разве ты не знал этого?

– Догадывался. Но не был уверен!

– Подумать только, вот ты, допустим, приедешь к нам, пойдешь по нашим улицам, и тебя станут принимать за посланца цивилизации, как всякого иностранца из благополучной страны. У нас вообще испокон веков уважают иностранцев, причем, всех, даже тех, кого только что сбили банкой «Кока-колы» с дерева. Вас почему-то считают носителями прогрессивной мысли. И тебя, представляешь?

– Ужас! Но это, согласись приятно. Здесь я дома, а дома жуткая конкуренция на общественное признание, – Козмас засмеялся, покачал головой. – Садись ко мне. Поехали в департамент. Думаю, полковник Сузу не заснул этой ночью – он, кажется, чувствует себя тем ино-

странцем, которого сбили банкой с дерева вчера в ресторане. И сделали это русский и молодая англичанка.

– Его сбили бутылкой русского кваса и английским пудингом, – ухмыльнулся Роман.

– Что такое английский пудинг, знаю... А что такое русский квас?

– Это то, что раньше «кока-колы» на тысячу лет. Но Сузу – первая его жертва. «Кока-кола» куда более агрессивна...

Роман решительно нырнул в темное нутро «Митсубиси». Козмас лихо раскрутил машину на площадке и выскочил на шоссе, чуть было не задев невесть откуда появившегося велосипедиста.

– Э! Что ты лезешь под колеса, болван! – запальчиво крикнул он, приоткрыв дверцу.

– Катись ты, мурло! – ответил велосипедист, пожилой англичанин в жарком военном френче со споротыми нашивками. – Не видишь, идиот чертов, что едет отставной капитан военной авиации? Он держал велосипед на весу, приподняв переднее колесо и крепко упираясь короткими кривыми ногами в землю. Колесо продолжало крутиться по инерции.

– Вижу, сэр! – примирительно ответил Козмас, и его губы растянулись в улыбке. – Прошу прощения, сэр!

– Езжай своей дорогой, парень!

Роман покачал головой и весело махнул велосипедисту рукой.

– Не управляй моей машиной! – проворчал Козмас, когда они отъехали.

– Что значит «не управляй»?

– А то и значит. Это я должен был махнуть ему рукой, потому что я за рулем! Не смей лезть в мои дела.

– Меняй характер, Козмас, а то тебя в Москве на улице задерет какой-нибудь медведь. Это больно!

Полковник Артур Сузу сидел за письменным столом, он был в рубашке, белых штанах и сандалиях на босу ногу. Над его головой лениво плыли огромные лопасти вентилятора с золоченными узорами, совершенно неуместными в серой тоске полицейского участка. Роман, разглядев торчащие наружу пыльные, словно покрытые серой коростой, пальцы ног полковника Сузу, ухмыльнулся.

– Что случилось, майор? Я смешон?

– Нет, сэр! Что вы! Жарко...

– Садитесь, – распорядился Сузу.

– Благодарю вас. Если позволите, постою.

– Ради бога, майор.

Полковник отвалился на стуле, задумался о чем-то на мгновение, потом поднял на Романа глаза.

– Ваше начальство недовольно вами. Вы пассивны. На работу приезжаете с опозданием да еще с унылым лицом...

– Откуда ему это знать, как не от вас, полковник?

– Вас видят в обществе опустившихся космополитов, бывших музыкантов, попрошайек.

Разве это то дело, для которого вы здесь?

– Козмас, черт побери! Это твои штучки? – Роман блеснул глазами.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь! Какие штучки?

– Не валяй дурака, чертов коп! То ты видишь меня с англичанкой, то с этим космополитом! Когда ты только успел доложить о музыканте? Черт побери! Значит, ты наблюдал за мной со стороны и тут же позвонил полковнику?

– Постой! Постой, Роман. Послушай, я не докладывал. Так получилось... я был рядом в кафе, почти случайно... пил кофе и все видел в окно... Этого русского мы знаем, он тут уже давно ходит со своей трубой. Мы к нему просто присматривались. Ведь, согласись, это

так необычно. А полковнику я просто сказал по телефону, что сейчас привезу тебя, когда ты закончишь кормить этого голого менестреля. Вот и всё! – даже в полумраке комнаты было видно, как краска залила смуглые щеки Козмаса.

– Я понимаю, майор, в этом, прежде всего, моя вина. Развязался язык в ресторане. Все это чертово вино! Бурда здешняя... – Сузу почему-то с укором взглянул на того же Козмаса, и тот растерянно развел руками. – Вино и вина – на вашем языке это чуть ли не однокоренные слова. Не так ли?

– Видимо когда-то это было так.

– А теперь забылось. Но я напомнил... в ресторане. Приношу свои извинения, майор! Видите, опять тот же корень – «извинение», вина наоборот! Лучше сядьте и давайте кое-что обсудим.

Роман отодвинул рывком стул и сел с другой стороны стола, напротив Сузу.

– Так-то лучше, – заключил полковник, помолчал немного, потом сказал, не спуская с Романа пристального взгляда: – Я несколько дней назад привез сюда из Греции не очень приятную для вас информацию.

– Вот как! И я только сейчас об этом узнаю?

– Послушайте, информация настолько деликатная и до такой степени касается именно вас, что мы были, как бы поточнее выразиться... пребывали в некотором замешательстве, – сказал Сузу.

Роман с удивлением взглянул на полковника.

– Вот как? Все же я хотел бы выслушать объяснения. Надеюсь, я имею на это право.

Полковник поднялся, прошелся по комнате, преследуемый напряженным взглядом Романа, наконец, остановился перед ним и, заложив за спину руки, произнес почти шепотом:

– Мы подозревали вас в двурушничестве... сначала. В предательстве, если хотите.

Роман густо покраснел.

– Что вы сказали, сэр? Что вы такое говорите, черт вас побери?

– Не горячитесь, майор. Выслушайте. В Афины из некоторых наших источников, работающих здесь, поступила информация, что в управление полиции Кипра из Москвы приедет офицер вашей милиции, работающий на одного из лидеров мафии. На какого именно, мы не знали, но так как нам было известно, что местная полиция занята расследованием дела по отмывке денег, поступающих из русских уголовных источников и их дальнейшем размещении под официальные проекты в поставке нефти через Балканы в Грецию, то вас и заподозрили. Ведь именно вы приехали в это время из Москвы и именно вы были единственным связующим звеном с московскими коллегами. Разве не так?

– Так. Конечно, так, но что это доказывает?

– Это ровным счетом ничего не доказывает, но, согласитесь, значительно сужает поиск.

– Допустим, – Роман уже спокойнее посмотрел на Козмаса. – И ты это все знал?

Козмас не успел ответить, потому что полковник Сузу сделал шаг вперед и встал между ним и Романом.

– Мы не ставили в известность о наших подозрениях местную полицию, сэр. Опасались, что у агента могут здесь оказаться сообщники. Единственное, что мы сделали, это попросили начальника полиции установить за вами наблюдение, чтобы... уберечь от покушения.

– Какого еще покушения? – Роман был растерян.

– Нам пришлось придумать легенду, в соответствии с которой на вас якобы готовится покушение. Вот и все. На тот момент все.

– И поэтому Козмас не отлипал от меня все эти дни, что я здесь?

– Это вы уж у него спросите, – полковник ухмыльнулся и покосился на Козмаса.

– Роми, понимаешь, я был во всем откровенен с тобой, кроме... кроме информации о покушении. Ты же тоже полицейский и должен меня понять! – Козмас говорил, запинаясь, горячо и нервно.

– И что теперь?

– Теперь ничего, майор, – заключил Сузу. – Все встало на свои места. Сегодня рано утром нам стало известно, что агент погиб.

– Что значит «погиб»? – опешил Роман.

– А то и значит. Он приехал сюда на три дня раньше вас, с частным визитом. Здесь у него состоялась встреча с двумя ливанцами, связными с той стороны. Торговля кое-каким вооружением и, главное, стрелковым оружием из старых запасов, гигантские поставки еще с советского периода в Египет. Так вот, он исчез. Нашли его тело в заброшенной шахте на востоке острова... должно быть, вы знаете это место, так называемые купальни Афродиты.

Роман нетерпеливо кивнул, поднялся.

– Возможно, он просто оступился и упал в древнюю шахту, – задумчиво произнес Сузу. – Пока нет никаких других данных. Туда ведь многие ходят на экскурсию, на свой страх и риск.

– Кто этот человек, и почему вы думаете, что агент он, а не, скажем, я или кто-нибудь еще?

– Хороший вопрос! – улыбнулся в усы Сузу и сел на стул, выставил вперед ноги с торчащими из сандалий серыми пальцами. – Очень хороший вопрос! Да вы присаживайтесь! Как у вас говорится, в ногах правды нет?

Роман снова сел.

– Я вас слушаю, полковник.

– Его имя... Это не важно. Пока не важно. Но у нас была одна примета. В паху у этого человека была тату – ярко синяя лилия.

– Значит, если бы вы его не обнаружили, то меня бы просто раздели?

– Ну что вы! Хотя, кто знает... Словом, наш информатор успел за эти дни еще кое-что передать нам. Это помогло установить некоторые факты из жизни агента. В том числе, о его встрече с ливанцами. Один из них, между прочим, родственник серьезного местного бизнесмена, тоже ливанца. Заметная здесь личность! Катается на огромном «кадиллаке» с левым рулем. Старая, подлая лиса, брат отставного министра обороны Ливана. Он тут всех и пригрел. У него еще есть свой клуб, вертеп какой-то! Вы его знаете? Хотя бы видели?

Роман посмотрел на Сузу задумчиво, чуть прищурившись: сказать, что знает, значит подержать игру, которую полковник ведет, несмотря ни на что; ответить, что не знает, значит соврать и опять-таки подкинуть поленьев в недоверчивый полицейский огонек. Он неопределенно пожал плечами.

– У нас к вам никаких претензий нет, майор, – заключил Сузу.

– Как мы можем продолжать работать вместе после всего?

– Так же как вы работали раньше, до меня. Те ливанцы, связные, между прочим, туда и сюда путешествуют на русской «комете».

– Не на русской, а на украинской.

– Мы в нюансах не разбираемся. А вы откуда об этом знаете?

– «Кометой» мы давно интересуемся, а тот космополит, который вас так раздражает, именно на ней и прибыл с женой из Ливана.

– Вот как? И что же он рассказывает?

– Ничего, кроме того, что его жену рвало всю дорогу.

Полковник засмеялся и, потирая руки, встал.

– Послушайте, а что вы говорили о монастыре кошек? И эта ваша приятельница... она посмела заподозрить меня в трусости!

– Она мне не приятельница, полковник. Она – леди.

– Ну, хорошо, майор, она – леди! Я и не собирался это оспаривать. Но все же... вы намерены взять меня с собой в монастырь?

– Откровенно говоря, мне больше туда не хочется. Хватило одного раза. Но если вы настаиваете...

– Да, сэр! Настаиваю. У всего есть разумное объяснение. Козмас, – примирительно сказал Сузу, – выйди из своего угла и встряхнись, в конце концов!

– По вашей милости я чувствую себя мерзавцем, полковник.

– Роман, он мерзавец? – впервые Сузу обратился к русскому по имени.

– Он – нет!

– Вот как? Значит, я мерзавец?

– Вы профессионал, а это качество полицейского способно вобрать в себя немало неожиданного для обычного, гражданского общества.

– Принимаю ваши комментарии, несмотря на то, что они весьма оригинальны. Да бог с вами! Козмас, хватит блеснуть своими островными глазами. Ты поедешь с нами в монастырь... завтра?

– Как прикажете, – Козмас усмехнулся.

– Послушайте, майор, если позволите, еще одна просьба – сказал полковник, повернувшись к Роману.

– Слушаю вас.

– Тот старый ливанец... ну, на «Кадиллаке»... Все же, мне кажется, вы знакомы... Не так ли?

– Не то, чтобы знакомы... Нас представляли друг другу неделю назад. Он занимает офис рядом с одним русским банком, а я общаюсь кое с кем оттуда. Московские связи. Это не имеет прямого отношения к делу.

– Господин Рождественский? Я, говорю, ваши московские связи – господин Рождественский?

– От вас ничего не скроешь.

– Скроешь. Жена скрывала целых пять лет. Я чуть было не стал холостяком, – Сузу невесело засмеялся. – А с Рождественским я вчера сидел в пабе на набережной. Нам его рекомендовали ваши московские начальники, как надежного человека. Он мне и рассказал о ливанце, и о вас... о том, что представлял вас друг другу. Ненамеренно, конечно... случайно, так сказать...

– Юра Рождественский – надежный человек? – Роман засмеялся. – Интересно! Что вам о нем известно?

– Бывший разведчик из КГБ. Кажется, Первое главное управление было когда-то... Я не ошибаюсь? Работал в Брюсселе, потом в Гааге, в резидентуре. Что-то там стряслось, его уволили. Теперь он здесь, подвизается в банке, в представительстве. Что-то не так?

– Так, все так. Ничего не меняется. Обычная история. Таких у нас сейчас много. Впрочем, спасибо вам, сэр. Я хотя бы теперь знаю, с кем продолжать общаться, а кого следует обойти стороной, – вздохнул Роман.

– Послушайте, Роман! В нашей службе, я имею в виду и полицейскую в том числе, где бы мы ни шпионили, в какой бы среде ни крутились, предателей и отступников не бывает! Верность профессии так же надежна, как умение кататься на велосипеде. С этим приходится жить. Бывают, разумеется, случайности... например, диктат обстоятельств, целесообразность и так далее, но в прошлое наша профессия не уходит никогда. В прошлое уходят только люди, когда от них хотят избавиться. То есть отлепить их от профессии, скажем. Так что, Рождественский по-своему надежный человек, как, собственно, и вы, и я, и Козмас этот мрачный... Но я все же хотел бы попросить вас кое о чем...

– Вы меня почти убедили в нашей корпоративной кристальности. Или, может быть, косности?

Полковник махнул рукой.

– Бросьте, майор. Вы язва! Отвратительная русская язва! Упиваетесь процессом! Послушайте, этот старый ливанец, Ахмед Растес, у него странная фамилия для ливанца, не так ли? Но это всего лишь прозвище, которые многие принимают за фамилию. На самом деле его зовут Харири. Ахмед однако же никогда не произносит этого имени и представляется только прозвищем. Пусть так и будет. Так вот, мистер Растес связан с теми украинскими парнями – владельцами «комет». Они что-то там крутят вместе. Попробуйте выяснить. И тот с лилией в паху... это всё одна свора, похоже. Этот канал нам все-таки надо прервать. Иначе какого черта мы здесь собрались, господа полицейские?

– Они знают, кто я такой. Здесь это, оказывается, невозможно скрыть.

– Тем лучше! Ваша задача становится, как бы сказать, официальной. Они же, скорее, посчитают это глупостью с вашей стороны, либо продажностью. Да, да! Коррупция! Кругом ведь коррупция! – Сузу рассмеялся. – Перепроверить ничего не смогут. Даже через Рождественского! Вчера утром он улетел в Москву, в отпуск. Это, думаю, надолго. Так что накачивайте их любыми легендами.

– Хорошо! Я попробую.

– Вот, собственно, и все! А в монастырь – завтра! Завтра!

Глава 12

Каролина

В монастырь на следующий день не поехали. Утром в гостинице Неожиданно появилась Каролина. Она вошла в номер так, словно, только-только вышла из него.

– Привет, господин майор! – сказала она и выскользнула из его рук, пряча губы.

– Наконец-то! Где ты пропадала?

– На ферме. Прибавилось больных котов. Хворают почему зря.

– Я думал, ты туда больше не поедешь.

Каролина с удивлением посмотрела на Романа.

– Это почему же?

– Ну, тогда в монастыре... Мне так показалось...

– Глупости! Я перекрестилась и поехала к девочкам.

– К старухам?

– К девочкам. Они девочки! Запомни это!

– Хорошо, хорошо! Послушай, ты тогда так странно исчезла... Нырнула в такси, и все.

Каролина, по-хозяйски оглядываясь, вошла в гостиную и села в кресло.

– У тебя чисто...

– Убирают. Прислуга. Филиппинка, мелкая, как мальчишка, и плоская... словно дощечка.

– А ты внимателен к женским прелестям.

– Это невозможно не заметить. Она меня все время пытается соблазнить, эта мальчишковая дамочка. Глазами, черными вишнями своими. Смотрит и смотрит в упор и улыбается так странно.

– Попробуй! Говорят, это пикантно. И не дорого, насколько я слышала.

– Что ты говоришь! Я в чем-то виноват?

– Прости. Глупости все это!

Роман обнял Каролину за плечи, присел на подлокотник кресла и впился ртом в ее губы. Англичанка не отвела голову. Сердце в груди Романа требовательно застучало. Каролина, почувствовав это, выгнулась и отпрянула в сторону. Между ней и Романом, между их телами вдруг появились ее упругие сухие ладони, маленькие, плоские, непреклонные. Она легко оттолкнула Романа и, когда он соскользнул с подлокотника, с трудом удержавшись на ногах, быстро поправила себе волосы.

– Не сердись. Я зашла попрощаться.

– Что значит «попрощаться»?

– Уезжаю. В Англию.

Роман покраснел и отошел к распахнутому зеву балкона. Свет обтекал его сзади, слепя Каролину. Она не видела теперь его лица, но ощущала, как от его темной, «негативной» фигуры сочится нечто тяжелое, горячее, нервное.

– Послушай! Ты не сердись, пожалуйста! Через неделю я вернусь. Обещаю.

– Что случилось?

– Умер один из моих бесчисленных дядюшек. Осталось его завещание. Я должна быть там.

– Это завещание как-то может изменить твои планы?

– Не знаю. Звонили из нашей адвокатской конторы. Его стряпчий, говорит, что я основной фигурант.

Роман повернулся к ней и светлый солнечный луч нашел ее лицо, немного смущенное, ожидающее чего-то не здесь, не от Романа, не от этого острова. Он присел на краешек дивана

и сцепил перед собой руки со вздувшимися побелевшими жилами. Почему-то именно их она заметила, и сердце ее сжалось.

– Мы же почти не знакомы. Зачем же так переживать? Да и всего-то на неделю.

– Мне показалось, миледи, что мы знакомы давно. Я так себе нафантазировал.

– Это как сон. Кошки, говорящие коты... Василис с его ариями. И этот грек, усатый этот... Все смешалось. И мы здесь... Такое, наверное, бывает.

– Я понимаю, мы ни о чем не договаривались. Ты свободна.

Каролина поднялась. Только теперь Романа заметил, что на ней легкий, почти прозрачный светло-изумрудный сарафан. Вновь сердце толкнуло кровь к вискам, вновь загорелись ладони рук.

Каролина улыбнулась, почувствовав это. Она предостерегающе подняла ладонь.

– Я должна идти. Самолет через три часа, а надо еще собрать вещи. Послушай, я вернусь. Через неделю... что бы там ни было! Клянусь! И потом, кошки, за ними тоже надо смотреть.

Она попыталась засмеяться, но получилось как-то фальшиво, плоско. Каролина резко повернулась и вышла в прихожую, прикрыв за собой дверь.

Роман стоял посередине гостиной, глядя на закрытую дверь, и сжимал кулаки. Фантазии хуже снов, подумал он. Сны забываются без боли, оставляя лишь дыхание ночи, тяжесть или легкость, а фантазии всегда давят на голову, в которой родились.

Глава 13

Полицейские

Итак, экскурсия в монастырь откладывалась на неопределенное время. Во всяком случае, полковник Сузу, узнав в тот же день о неожиданном отъезде Каролины в Англию, вдруг разом потерял всякий интерес к идее посещения обители диких котов.

– Что ж, будем дожидаться леди! – примирительно сказал он, садясь в машину.

Он ехал в аэропорт Ларнаки, куда вот-вот должен был прибыть один из его информаторов.

– Почему же, господин полковник? Разве, я не смогу быть для вас гидом? – ухмыльнулся Роман.

Полковник задержался около распахнутой двери машины и внимательно посмотрел на русского майора.

– Вызов, мистер Роман, мне был брошен дамой, именно ей я и намерен его вернуть. Она ведь, кажется, сказала вам, что улетает всего лишь на неделю? Не так ли?

– Кажется. Если ее не задержат дела...

– У нас с вами теперь достаточно времени, чтобы заняться своими. Вы, надеюсь, помните мою просьбу в отношении старого ливанца и украинских «кометчиков»?

– Конечно, сэр! Но послушайте, несколько дней назад, у «Василиса» вы были настолько резки в своих суждениях, я бы даже сказал, крайне непримиримы к чужому мнению. И в первую очередь, к моему... Что изменилось с тех пор? Вас перестала интересовать победа над моими суевериями? Или тот разговор был вызван теперь уже понятным недоверием ко мне?

– Отчасти... отчасти.

Полковник сел в машину и, не глядя на майора, выехал со стоянки Департамента полиции на узкую пыльную улицу, погребенную в тени черных каменных домов.

Роман пошел к своему «нисану», вдруг разом забыв и полковника, и Каролину, и кошачий монастырь. Что-то очнулось в нем от многодневной, болезненной дремы, и мозг заработал столь же холодно и ясно, как это было до встречи с Каролиной и ресторанного спора с полковником. Роман глубоко вздохнул и усмехнулся своим мыслям, а, точнее, той пустоте внутри себя, которая была готова принять эти мысли. Такое же ощущение у него всегда вызывала хрустящая белизна свежей постели: ясность в ее предназначении и чистота сильного тела, готовящегося соприкоснуться с этой ясностью.

Перед ним стоял Козмас, с удивлением разглядывая выражение лица Романа.

– Эй, парень, ты в себе? Кто сломал твои мозги – полковник, англичанка или кошки?

Роман вздрогнул от неожиданного появления Козмаса:

– Мои мозги в полном порядке, сэр.

Он сел в автомобиль и, шурясь от солнца, посмотрел на Козмаса:

– Я в Омо, к Делси.

– Что тебе надо от этого чудака?

– У него есть свой ход к Ахмеду Растесу, к ливанцу. Тот, вроде бы, покупал для него печи.

– Куда проще это сделать через украинцев.

– Не думаю. Делси мне полезнее в этом деле. Украинцы... С чего это я полезу прямо в пасть к зверю? Они определенно имеют свой интерес в бизнесе Ахмеда. Туда-сюда на своих «кометах»... С Делси все яснее.

– Как знаешь. Впрочем, он неплохой парень, этот Делси. Во всяком случае, если сбежал из Англии, в нем определенно что-то есть.

– Больших шовинистов, чем жители карликовых государств, во всем свете не сыщешь! – засмеялся Роман, захлопывая дверь. Он увидел в зеркало заднего вида, как возмущенно раз-

махивает руками Козмас, для которого было очень болезненным осознание того, что он, большой, сильный, мощный, как ему казалось, человек, является всего лишь гражданином «карликового» государственного образования. От этого и он сам в собственных глазах становился загорелой деревянной куколкой с выпученными глазенками и оскаленным рисованным ртом и с бутафорской сабелькой в сжатом кулачке. Этаким кустарным средиземноморским изделием, рыночной безделушкой. Роман остановил машину, выглянул в окно и крикнул:

– Я пошутил! Ты гражданин великой страны! Страны с великими тайнами! Ты не карлик! Ты просто съежился вместе со всем своим хитрым народом! Я знаю, это маскировка. Это сжатая пружина! Вы – вселенная! Просто сейчас период сжатия.

Козмас в ответ махнул рукой – катись, мол, в свой Омо, к этому своему Делси! Не морочь мне голову, спесивый русский коп!

Глава 14

Делси

Дорога заворачивалась под днище машины серым сухим ковром, сползая с лесистых гор, осыпаясь мелкими камешками. Море проваливалось в серебристое марево к подножью острова, исчезало за крутыми скалами, захлебывалось волной где-то далеко внизу, не смея преодолеть свой постоянный уровень, свою нарисованную человеком шкалу.

А человек тем временем поднимался все выше и выше, пролетая над обмелевшими за лето озерами, сближаясь с безоблачным космосом. Чтобы ловить в этих озерах рыбу, нужно разрешение, скажем, на три хвоста. И ни на хвост больше, даже если повезет и поплавок вздумает нырнуть в четвертый раз. Впрочем, зачем его забрасывать в четвертый раз, если у тебя лицензия только на три хвоста? Логично, хотя и мелочно!

«Мелочно! – думал Роман, закручиваясь по ленте дороги вокруг поросших кустарником скал. – Здесь, собственно, все мелочно! Точнее, мелко! Островная героика, ограниченная с одной стороны береговой линией по горизонтали и с другой, по вертикали – осыпающейся вершиной Олимпуса. Вот через дорогу только что неторопливо перешли трое вооруженных ружьями мужчин с суровыми и важными лицами. Они – элита острова, получившая лицензионное право на отстрел мелких птишек размером с отъевшегося воробья. Больше стрелять не в кого! Всех перебили история и природные катаклизмы! Охотники! Лучше уж в тире погреметь своими винчестерами!»

Роман был раздосадован встречей с охотниками в узких тирольских шляпках с перьями, перепоясанными старыми кожаными подсумками, с ружьями за широкими плечами. Он не любил охоту! И слово-то какое в русском языке! Охота! Значит – хочу... хочу убивать, хочу стрелять, хочу лишать живое сердце последующего мгновения... Охота сеять смерть! Каприз разомлевших в неге цивилизации разбойников! К черту! Если так охота, то ползи на войну! Пусть тот зверь тоже охотится на тебя! Из-за угла, в чистом поле, в каменном квартале, с ружьем, автоматом, пулеметом, с ножом или пистолетом! Пусть проявляет остроумие в подкладывании мин и огненных ловушек на тебя, охотник! Ищи жертву, чтобы жертва не нашла тебя! Что же ты избрал жертвой тех, кто гол от рождения до смерти и вооружен лишь когтями и клыками с единственной целью прокормить себя или защититься в честном бою! Сдери с себя одежду, покажи свои желтые зубы, оскаль голодную пасть, изогни дугой сильное тело, выдави из мякоти своих лап острые когти! Обнажись перед зверем! Будь равным, не греми по воробьям пороховыми зарядами!

Роман вздрогнул, словно в яви, увидев черного одноглазого кота, стерегущего девственный звериный порядок в древнем монастыре. Клыки, когти, дыбом шерсть, мудрый вызов в единственном оке и последнее, милостивое предупреждение в благородной уступке дороги к спасению. Страх тогда обнажил суть Романа, которую он, оказывается, не знал сам, неожиданно оглушило осознание общего Закона для всего живого о неприкосновенности жизненных пространств и священных территорий власти.

Роман тряхнул головой, поддал газу, наращивая скорость. Машина провалилась в глубокую долину, свернув с основного пути, и понеслась к далекому хребту, раскинувшемуся так широко, словно тот не ведал, что рожден на острове, а не на бескрайнем материке. Радостно и тревожно ухнуло сердце.

Омо мелькнул первый раз внизу, в ущелье, когда машина, натужно рыча, уже карабкалась на каменистый хребет. Белые стены, окружающие храм, красная черепица крыш и прямоугольная, похожая на карандаш, башня колокольни разом метнулись ввысь от подножья хребта и мгновенно исчезли за скалой. Роман вытянул голову, ожидая узреть их вновь, но уже в окружении разноцветья одноэтажных и двухэтажных домов, милых, словно бутафорских, и древ-

них, как сама земля, тенистых садов, узких, кривых улочек, серого дымка из трубы харчевни. Наконец, все это вновь стрельнуло разом из глубокой пропасти и больше не таяло и не исчезало. Дорога словно рухнула вниз, в ущелье, и машина доверчиво нырнула в жизненное пространство Омо. Почти сразу под колесами застучал булыжник, мелькнула аллея главной улицы и пустая стоянка за крупным для этих мест зданием, сбитым из тяжелых круглых камней. Роман вышел, разминая ноги. Хлопнул дверцей и, переваливаясь с ноги на ногу, лениво, чтобы не привлечь к себе излишнего внимания местного общества, пережидającego дневной зной в тени своих домов, обошел здание. С другой его стороны, вдоль главной улицы, на верандах и коротких галереях, под сенью виноградников и ярких современных тентов прижились старые кофейни. Напротив них целомудренно прикрывались ажурными занавесками витрины лавок с серебряной утварью и кружевами скатертей, платочков, ночных рубашек и блуз. В густой тени, кажущейся черной от безумного контраста солнечного света и темноты провалов в крошечные лавочки, сидели молчаливые старухи, их узловатые руки были сложены на круглых животах, на темных передниках, а маленькие черные глазки приезжего следили за фигурой, запоминая каждое его движение. Старух нельзя было обмануть или удивить. Они, не сходявшие с порогов своих лавок десятки лет, как их матери и бабки, знали о большом, далеком мире все, что требовалось знать, потому что и их маленький мирок и тот огромный, что начинается за хребтом, жил по одному всепоглощающему Закону, представленному на их главной площади монастырским храмом и стройной колокольной. Все измерялось по единственной шкале, которой чуждо было всякое лукавство. Человек гол от рождения, а все остальное ему дает суетная жизнь на очень короткое время.

Роман шагнул на террасу, что была ближе всего к монастырским воротам, венчавшим улицу и круглую площадь, и сел за деревянный стол, покрытый желтой крахмальной скатертью. Рядом вырос средних лет киприот с черной густой гривой мелкого беса, с маленькими, аккуратненькими, словно нарисованными, усиками под длинным тонким носом.

– Кофе... греческий. И воду! Жарко! – сказал Роман.

– Сию минуту, сэр! Лимонад не желаете? Свой, жена готовит! Вам понравится! А потом – кофе! Кофе – это я, я варю!

Роман кивнул и отвернулся. Он не любил словоохотливости хозяев кофейни. Чего доброго, усядутся рядом и будут докучать расспросами и сказками.

Лимонад оказался холодным, желтым и сладким. Кофе был хуже – с крошевом непере-молотых в порошок зерен.

– Я вас видел раньше! – сказал кофейщик, забирая недопитый кофе. – Вы приятель стек-лодува? Не так ли?

– Да. Он здесь?

– Где же ему быть? В своей лавке. Утром ездил к печам, привез много нового стекла.

Вы – русский?

Роман кивнул, не поднимая глаз.

– Русские поколотили англичан.

– Что? – переспросил Роман, повернув голову к кофейщику.

– Вы разве не знаете? Внизу был бой, на море. Адмирал Нельсон. Ваши ему здорово всыпали, а потом в Омо, в монастыре, англичане залечивали раны. Пятеро умерли, они похоронены на кладбище, за монастырем, а двенадцать выжило.

Роман покачал головой.

– Вы меня испугали. Я думал, это было сейчас. Русские поколотили англичан! Черт побери!

– Совсем недавно, сэр! Мой дед еще помнил, он был тогда мальчишкой. А его отец поднимал англичан снизу, от моря, в Омо. Три дня ехали. Мы все помним!

Роман улыбнулся и попросил еще стакан лимонада.

Они здесь все помнят – как вчера, как сегодня до обеда. Что история для нас, то для них действительность. Вот тебе и островная мелочность! Это мы мелки, а они живут в гармонии со своей генетической памятью! И в то же время палят по воробьям и лицензируют рыбы хвосты! Чтобы не пропали навыки прадедов и чтобы правнукам еще осталось...

Стеклодув неделю назад рассказал ему, как приехал в этот карликовый Омо и купил небольшой дом, которому по местным понятиям было не так уж и много лет – всего каких-то триста пятьдесят!

Стеклодув Делси сидел тогда в своем доме, суровом сооружении из серой каменной кладки, в окружении полок, заставленных синим и белым стеклом собственного изготовления – вазами, чашами и бутылочками всех размеров и форм, и, пуская сизый трубочный дым в рыжую бороду, вспоминал:

– Поставил я свой джип прямо к порогу, прижал к стене, чтобы не мешал, камень под колесо сунул... Сам знаешь, наклон здесь, улочки узкие, извилистые... Если скользнет вниз, подумать страшно. А сосед утром, старик, строгий такой, говорит: убери машину. Поставь на паркинг, за каменным домом. Как же, говорю! Я теперь здесь свою лавку имею, живу на втором этаже. Почему я должен убирать? У всех стоят машины! Старик посмотрел на меня – мол, как знаешь! Целый день простояла. Стемнело, лег спать. Утром гляжу, все четыре колеса спущены. Я – к старику: что ты творишь? Сейчас полицию вызову! Зови, говорит! Зову. Приходит такой толстый, с потным рылом. И штраф мне выписывает, как будто я в королевский дворец заехал, а не на эту горбатую улочку. Черт побери! Я говорю, жаловаться на вас буду в полицейское управление. Ищите, кто мне воздух из шин выпустил! Наверное, старик!

А он серьезно так: старик бы не смог. Нагибаться ему тяжело. Это я выпустил. Как, кричу, ты?! Ты же полицейский! Ты порядок должен соблюдать! А ты что делаешь! А что, спрашивает, я такого делаю? Ничего плохого не делаю! Сказано, убери машину, значит убери! Тут один закон – Омо. Старик знает...

Убрал я машину. В тот же день. Колеса накачал и на стоянку, за каменное здание. Мэрия в нем. Прошла неделя. Сажу в кофейне, вечер, весна. Солнышко уходит уже, но теплое, тихое такое. Не как летом – когда жарит аж до самой темноты. Кофе пью, зеванию потягиваю. Думаю себе, как бы дом этот обратно продать и смыться отсюда. Туристов еще нет, все местные. А столики-то все заняты: и рядом, в другой кофейне, и в харчевне, что за углом. Старухи у лавок своих сидят, греются на солнышке, вяжут, прядут чего-то. Или просто глазеют да сплетничают! Жуют себе воздух, старые ведьмы! На меня никто и не смотрит уже, как на чужого, или просто я им не интересен. Вроде как все обо мне знают! И даже не здороваются. И тот старик здесь же, с такими же... вино пьет. Вдруг двое идут по улице, спускаются сверху. Молодые, черные, худые, как палки. На них все косятся и что-то шепчут. Они к моему столу подходят, садятся, даже не спросив разрешения. Ну, совсем ничего не говорят! А хозяин кофейни им сразу по стакану лимонада ставит. Пьют себе, молчат. Все на них поглядывают, но тоже ни слова! В это время по площади идет мужчина, крепко выпивший, качается. Грязный, как свинья. Вывалялся где-то. Возрастом лет сорока. Бубнит что-то себе под нос. И смотрит по сторонам как-то снизу, исподлобья. Потом останавливается напротив моего стола, но на меня никакого внимания, а только этим двоим. «Ну, что, говорит, пришли? Так делайте свое дело, парни!» И тоже садится к нам. А они только неспешно пьют желтый лимонад, и все вокруг вдруг совсем умолкли, ни шепота, ни словечка. Тихо так кругом! У меня внутри все оборвалось. А кофейщик ему ничего не подает, пьянице этому. Стоит около стойки и руки на животе сложил, а его жена, в черном платке, тоже носатая, выглядывает из-за мужнего плеча. Головой качает и вздыхает.

Вдруг парни допивают лимонад, один из них вынимает револьвер, черный, огромный, приставляет к виску пьяницы и стреляет. У того голова даже раскололась, мозги брызнули во все стороны, кровища кругом, у меня на рукаве даже острый осколок черепа с чем-то серым, вязким, и в волосах у меня тоже что-то застряло – осколки черепа пьяницы и черные сгустки

его крови. Я вскочил, стул упал, но гляжу, никто не двигается, только смотрят строго. Второй парень, который не стрелял, берет у своего друга револьвер из рук и на каменную веранду бросает. А пьяница, у которого теперь только полголовы осталось, со стула сполз наполовину, ноги подогнул, а левым локтем еще как-то случайно зацепился за угол стола, и поэтому не падает на пол. Эти парни деньги на стол бросили за лимонад и обратно пошли, туда, откуда пришли. И всё не спеша. Я стою, руки к груди прижал, не знаю, что делать. Все молчат, головами качают, на пьяницу этого несчастного смотрят, но как-то без сочувствия... Нехорошо смотрят!

Вижу, тот мордатый полисмен шагает. Быстро, деловито! И сразу к телу. Глядит на него, голову наклонив. Даже язык от усердия вывалил. «Что, спрашивает, здесь случилось с пьяницей Николасом? Кто, говорит, видел?»

Кофейщик выступает вперед и отвечает: «Я видел, господин полицейский! Он, этот пьяница Николас, достал револьвер и выстрелил себе в голову. У всех на глазах, сэр!»

«Это все видели?» – грозно так спрашивает полисмен и мордой своей толстой водит. Вокруг все закивали, закивали. Видели, мол. Револьвер достал – и в голову. Сам, говорят, выстрелил. И револьвер его. Узнаем, мол! Тут полисмен на меня глаза поднимает и говорит: «Вы все здесь заодно. Покрываете, должно быть, кого-то. А вот этот чужак! Мы у него сейчас спросим. Ну-ка, сэр, что вы видели?»

Я на него смотрю, сесть боюсь и уйти уже не могу. Всё, понимаешь, проклиная. И что приехал сюда, и что дом купил, и что кофе вздумал пить в этой чертовой кофейне. Видишь ли, с людьми хотел сойтись, идиот! Вот и сошелся!

«Я, сэр, почти ничего не видел!» – отвечаю. «Как же, говорит, вы здесь же сидели за столом, и ничего не видели? Я вас сейчас арестую... Отказываетесь помочь расследованию?» Тут я закивал, мол, не отказываюсь, только не видел почти ничего... «А, говорит, мордатый, значит все-таки что-то видели? Что видели?»

Я оглянулся, все молчат и на меня смотрят. В глазах строгость, внимание. Смотрю на полисмена, а у него точно такие же глаза, то есть выражение такое же. Словом, все ждут. «Ну вот, говорю, сидел он, сидел... этот... потом вынул револьвер и в висок себе выстрелил. А больше я ничего не видел, сэр, клянусь!» Я даже два пальца кверху поднял и сам испугался своего клятвoprеступления! Зачем поднимал, зачем клялся? Сейчас он меня и схватит! Но полицейский посмотрел вокруг себя, довольный, и кивнул мне. «Вот теперь, говорит, верю! Коль чужак сказал, значит, так и было! Покончил с собой! Давно пора было!»

Тело быстро убрали, все вытерли, а меня кофейщик и его жена тряпкой терли – счищали мозги несчастного пьяницы и капли его крови. Я хотел поскорее убежать, но тут ко мне тот старик, сосед мой, подходит и говорит: «Машину не ставь далеко от дома. Там чужие ставят. Туристы. Перед домом всем места хватит». И улыбается. Вот так меня приняли! А потом я попытался узнать, кто и за что пьяницу застрелил, так кофейщик мне посоветовал не лезть в это. Мол, кровная месть, или что-то такое. Нарушил он что-то, против местного закона пошел. Говорит, если тебя это не трогает, зачем знать!

Роман вспомнил этот рассказ, бросил на стол монеты, подумал немного, прибавил еще и, кивнув кофейщику, вышел из кофейни. Он пересек площадь перед монастырем, свернул на узкую улочку, а оттуда еще на одну, поднимающуюся в гору. Далеко наверху, на крутом подъеме стоял пыльный, ржавый джип его приятеля Делси, прижатый бортом к каменной высокой ограде с черепичным верхом.

В темном прохладном магазинчике, в средневековой каменной норе, слабо светился электрический свет от единственной стоваттной лампы. Под потолок тянулась деревянная лестница, по которой можно было подняться на веранду внутри помещения. Под лестницей, на низкой табуретке сидел рыжебородый Делси и что-то натирал тряпкой, должно быть, недавно выдутую кривую вазу. Его печи были в соседней деревушке, говорят, лет им не меньше, чем дому. Кофейщик оказался прав: Делси только-только привез новую партию стекла в магазин.

Все-то они тут знают друг о друге, ничего не скроешь! И как видно, не скроешься!

Низкорослый, поджарый бородач Делси, увидев Романа, блеснул ровными белыми зубами. Веселые морщинки побежали от глаз к вискам, густые выгоревшие волосы с удивительным красноватым отливом как будто зашевелились по краям пробора, проложенного от центра высокого лба к макушке.

– Эй, русский парень! Хорошо, что ты приехал. У меня есть кое-что новенькое! Только привез!

– Я всё о тебе знаю. Местные сообщили мне все последние новости в кофейне.

Делси рассмеялся и живо вскочил с табуретки.

– Чувствую, тебя ко мне привело что-то далекое от моего стекла. Не так ли?

– Как сказать, как сказать. – Роман обнял мастера и похлопал его по плечу, – Чистота взгляда! Прозрачность формы!

– Ты – коп! Но коп необычный! Я бы не стал с тобой знаться, если бы было иначе.

– Думаешь, я чем-то отличаюсь от того толстомордого?

– От кого?

– Ну, помнишь, ты мне рассказывал о случае на монастырской площади?

– А! Помню, помню. Его Симоном зовут. Неплохой, между прочим, парень. Местный.

– Так и живет здесь?

– Куда он денется? Власть! Причем в единственном лице. Но ты от него все же отличаешься.

– Чем же?

– Чистотой взгляда и прозрачностью форм. – Делси рассмеялся и озорно ткнул своим небольшим жестким кулачком Романа в грудь. – Впрочем, у него, у Симона, взгляд тоже, по-своему, чистый... и формы до определенной степени прозрачные. Во всяком случае, для местных широт. Этого, как видно, достаточно! Кофе выпьешь? Настоящий, турецкий.

– Что такое? – поднял Роман бровь. – В кипрском доме произносится это бранное слово? Турецкий?

– Прекрати! Кофе может быть только турецким, даже если турки когда-то поимели всю южную и восточную Европу! Кофе тут ни при чем! Давай-ка запрем лавку, и я тебе покажу, что я тут еще понаделал?

– Когда ты только все успеваешь?

– Когда ты спишь или пьешь. Каждый получает от жизни свои радости, и в свое время.

Делси, говоря о том, что работает, когда Роман «спит или пьет», намекал на обстоятельства их недавнего знакомства. Роман однажды вечером здорово перебрал в ресторане у Василиса, и тот попросил своего старого приятеля, Делси, позаботиться о нем. Роман очнулся утром в лимассольском доме мастера. Над ним стоял Делси с синим изящным стаканом, наполовину заполненным айраном.

– Этот стакана сделал я, а айран – моя жена, славная моя Кристи. Пей! Солнце уже гонит всех из дома. Каждое утро начинается новая жизнь. Ну! Вылупляйся! Пора!

Казалось, они знакомы уже годы. Роман сейчас вспомнил то утро и усмехнулся, глядя на мастера.

Они вышли на булыжную мостовую, скатывающуюся вниз под невероятно крутым углом. Казалось, невозможно не только подниматься и спускаться в узком извилистом коридоре между каменными оградами и оконцами домов, но и даже просто удержаться на ногах.

Делси свел две грубо сколоченные некрашенные створки дверей, перечеркнул их длинной чугунной штангой с крюком на конце и звенящей тяжелой пластиной, увенчав всё это старым навесным замком.

– В твоём доме, Делси, даже крюк и замок – исторический артефакт. Сошло бы для любого музея.

– Весь остров сошел бы для музея. Он и есть музей, только до запасников не достучаться. Чего здесь только не попрячено!

Они стали подниматься по улочке и сразу за стеной магазина свернули в калитку двухэтажного дома с облупившейся глухой стеной, нависающей над мостовой.

– Это и есть мой новый дом. Вот это я и «понаделал»! Прикупил к магазинчику в конце прошлой недели, – с гордостью сказал Делси, – и теперь сплю здесь на втором этаже. Там всего одна комнатка и кухонька.

Роман стоял в крошечном дворе между калиткой и скрипучей деревянной лестницей, ведущей на узкую верхнюю веранду. Под лестницей спряталась дверь, низкая, вросшая вместе с древним домом в каменистую почву. Делси перехватил взгляд Романа.

– Это для всякой утвари. Для угля тоже, для дров. Зимой придется топить. Бывает холодно.

– Послушай, у тебя на побережье роскошный особняк. Зачем тебе все это? Лавка, старый дом...

– Здесь живет моя душа! – ответил стеклодув серьезно.

Делси, наверное, лежал по вечерам у распахнутого окна и мечтательно смотрел в черное небо, усыпанное звездами; он теперь засыпал под аккомпанемент своих стеклянных грез.

Роман вдруг перехватил внимательный, испытующий взгляд Делси. Это было будто дегустацией искренности, разлитой неожиданно в две тонкие стеклянные чаши. Но вот они выпиты до дна и глаза засветились.

– Спасибо! – вдруг сказал Делси. – Поднимемся?

– Не за что! – ответил Роман. – Поднимемся.

Делси колдовал около плитки над джезвой, а Роман полулежал на низком диване, покрытом истертыми ткаными ковриками. Действительно, в окно было видно небо и угол крыши над верандой.

– Здесь хорошо.

– Еще бы! Ты можешь переночевать, если хочешь. Я постелю себе на веранде, а тебе здесь...

– Нет, спасибо. До побережья недалеко.

– У нас все недалеко.

Кофе возмутился бежевой пеной и увял, выхваченный умелой рукой с огня. Ворча, черный напиток изливался в крошечные чашечки и теперь уже тихо, бессильно пузырился в них.

– Вот это кофе! – Делси втянул ноздрями запах. – Турецкий кофе! Черт бы побрал все «зеленые» линии – для него нет границ!

Роман протянул руку, и чашечка, обжигая, утонула в его ладони. Он боялся взяться за изогнутую ручку, которая никак не должна была уместиться в его пальцах. Делси засмеялся.

– Возьмись за ручку. Не лсти себе – те, кто делал этот сервиз, были умнее твоих страхов! Ты не можешь постичь геометрии их воображения.

Роман перехватил чашечку и кивнул:

– Действительно. Удобно. Это тоже древность?

– Вот уж нет. Это копия древности. Древность давно погибла. Пей. Божественно!

Роман отхлебнул и довольно причмокнул губами:

– Крепкий! Ты не жалеешь зерен.

– И соли. Разве ты не заметил, там соль?

– Возможно. Но кофе все же больше...

Они рассмеялись и ненадолго умолкли. Делси, присевший на табуретку, приподнялся и, не спрашивая у Романа, плеснул ему из «джезвы» еще одну, куда более густую, порцию.

– Рассказывай, что тебя привело сегодня ко мне? Ведь ты не знал, что у меня такой кофе?

– Не знал. Но из-за него чуть было не забыл, зачем я здесь. Послушай, ты знаешь ливанца Ахмеда? У него еще здоровый «Кадиллак». С левым рулем.

– Растес? Его называют Растес. Хотя это не фамилия. Кличка... или псевдоним. Ему ее дали шведы.

– Шведы?

– Именно. Говорят, кое-кто таскал в Стокгольм кокаин и что-то хранил здесь, на острове, а Ахмед им помог. У него свои склады под Ларнакой. Для всякого барахла. Знаешь, секонд-хенд, в основном предназначенный для восточной Европы? Так вот, там мешки, мешки... Что угодно спрячешь.

– Кто они, эти люди?

– Не знаю. Это давно было. Слышал только, что один из этих шведов – ливанского происхождения. Из эмигрантов. Ахмед тогда и с вашими дружил. Русские при вашей старой власти любили всякую сволочь пригреть.

– А сейчас, думаешь, не любят?

– Сейчас у меня среди них есть один хороший друг. Любитель турецкого кофе! – Делси засмеялся. – Зачем тебе Растес? Твои о нем определенно знают больше меня.

– Мне он нужен. Если он был связан с нашей разведкой, то спрашивать о нем – только нажить себе неприятности. Но теперь с ним снюхались русские гангстеры. Похоже, отмывают деньги.

– Вряд ли. У него у самого есть эта проблема. Знаешь, ведь именно он вложил в меня свои бабки. Оттуда я его и знаю. Впрочем, если ты за этим ко мне приехал, то знаешь почти всё и ты. Выходит, в нашей дружбе есть третий?

– Это он купил тебе печи?

– Он. Полиция, я вижу, не всегда спит.

– Иногда просыпается. И что же теперь?

– А ничего! Я дую свое стекло, а печи раскаляются не хуже, чем они это делали в позднее средневековье. Сейчас нет ничего подобного. Представляешь, сколько им лет и сколько они стоили?

– Здесь этим никого не удивишь. Зачем он это сделал?

– Говорит, ему нравятся мои вазы. Прибыли никакой, зато красиво! Он странный, этот Ахмед. Всю жизнь занимался какой-то грязью, а душу воротило от этого. Такое бывает! Если бы не застарелые грехи богатых мерзавцев с поэтическими душами, мы бы, нищие художники, подошли от голода. Но я стараюсь в этом не копаться.

– Ну, тебя-то нищим художником не назовешь. Дома, лавки, магазинчики...

– Это – другое. Оттуда я взять не смею. На дома и прочее житейское барахло претендует моя семья. А вот мой стеклянный промысел – это личное! За собственный страх и риск. Ахмед это понимает.

– Как мне к нему подъехать?

– Это уже твое дело. Ливанец мне помог, я не буду его подставлять. Понимаешь? Иначе мне опять придется шлифовать оконное стекло в Лондоне. Стукачи не могут создавать шедевры, они могут только шлифовать поверхности.

Роман кивнул и вспомнил, что Делси когда-то служил инженером в большой строительной фирме в Лондоне. Они застекляли небоскребы. Тогда он и решил, что стекло может быть и другим – неровным, несимметричным, запоминающимся. И вернулся на Кипр, к жене, которая терпеливо ждала его шесть лет.

– Что мне делать с ливанцем? Я думал, ты поможешь. Я не могу тебе рассказывать, но мы стараемся тут кое-что прояснить...

– Плюнь на него! Его брат был министром обороны Ливана. Они сговорились с кем-то здесь. Ты знаешь, что он единственный, кто держит полулегально игорный зал у себя в

ночном клубе? Если бы власти хотели, давно бы забили ему иголки под ногти. Здесь ведь много ливанцев – у них целые поселки. Видел Белый Город на скоростном шоссе в сторону Ларнаки?

Роман кивнул.

– Там Ахмед князь.

– Он крутится с русскими или с украинцами?

– А, это те, кто балуется быстроходными пассажирскими катерами на подводных крыльях? Как это у вас называется – «кометы»?

– Да.

– Похоже, у них что-то серьезное с Ахмедом. Думаю, он и в них вложил свои деньги. Во всяком случае, они в дружбе. Послушай, там есть один здоровый одноглазый славянин. Этот всем заправляет.

– Одноглазый?

– Одноглазый. А что?

– Да нет... недавно мне уже приходилось уносить ноги от одного одноглазого, но тот не был славянином...

– Тот был котом? Черным котом?

Роман от удивления даже приоткрыл рот. Делси беззвучно рассмеялся и махнул рукой.

– Я это знаю. Потому что сам там был. И тоже бежал от этого одноглазого чудовища. Он даже поцарапал меня. Две недели не заживало.

Делси высоко завернул рукав рубашки, и Роман разглядел на его покато загорелом плече белесый шрам.

– Он что, кинулся на тебя?

– Еще как! Их там было тьма!

– Почему ты мне этого не рассказывал?

– Не решился. Когда я увидел одноглазого славянина, то сразу о коте и вспомнил. Они похожи – два бандита! Зачем все это рассказывать полисмену?

– Ты меня удивляешь, но Бог с ним, со славянином, а что кот?

– Вот с ним как раз Бога нет! С ним – Сатана!

– И это в монастыре, в православной святыни?

– Пути Господни неисповедимы. Кто знает, зачем он там? Неужели ты еще раз туда собрался?

– Возможно.

– Занимайся лучше славянином. Хочешь, я тебе его опишу?

– Я его видел, кажется, в Лимассоле. Такого невозможно не приметить – огромный одноглазый бык. Пират, флибустьер! И говорят, между прочим, добрейший парень!

– Вот за это не поручусь. Впрочем, вам, копам, лучше знать, кто добрый, а кто добрейший! Кофе еще будешь?

– Нет. Спасибо. Хорошего понемножку.

Делси вздохнул и поднялся.

– Ладно! Черт с тобой. Ты мне нравишься. Вот, возьми, передай Ахмеду. Может, у вас что и завяжется. Он это любит. Скажешь, от меня.

Делси поднял большую синюю дорожную сумку, в которой было что-то тщательно упаковано в газетные листы.

– Что это?

– Стекло. Недельку дул. Для него, для Ахмеда. Мой долг за печи. Часть долга то есть... Возьмешь? Одна вазочка твоя. Любая.

Роман кивнул и, поднявшись с низкого дивана, взвесил сумку.

– Ого! И моя всего лишь одна?

– Иначе мне с ним не расплатиться. Ну, ладно, возьми еще одну, только поменьше! У тебя появилась женщина?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ну, будет, кому подарить. Наверное, появилась, а?

– Сам не знаю. Одна англичанка, аристократка.

– Ого! Берегись! Сразу два недостатка. Не говоря уж о третьем.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, во-первых, англичанка, во-вторых, аристократка, и, в-третьих, женщина. Ты отчаянный парень, как я погляжу!

– Не страшно. У меня для всего этого есть противоядие: собственные недостатки. Во-первых, я русский. – Роман поднял кверху палец, потом стал выбрасывать один за другим: – Во-вторых, я коп. А в-третьих, я, черт возьми, пока еще мужчина!

– Ваши шансы равны. Это ты с ней залез в тот монастырь?

– Тебе и это известно?

– Да нет, просто я слышал об одной молодой англичанке, которая убирает дерьмо за котами на ферме у сухого озера. Там еще живут две старухи. Ведь верно?

– Черт! Здесь нет тайн!

– Какие это тайны? О них всем известно. Одна из старух прислуживала самой королеве, рассказывают. А вторая – по происхождению русская княгиня. Жила во дворце. Так поговаривают. Зачем они сюда притащились, никому не известно. Но, по-моему, кошки тут ни при чем! Там ты свою аристократочку и прихватил, не так ли?

Роман промолчал.

– Я бы сделал то же самое. Она хорошенькая?

Роман недовольно пожал плечами.

– Ладно, коп! Катись к своим одноглазым – людям и котам. Такова, видимо, твоя судьба. И не забудь сумку с подарками. Так уж и быть – две вазочки твои.

Глава 15

Растес

Роман нес тяжелую сумку вниз по кривой улочке, уткнулся в монастырскую стену. На мраморной доске было выбито, что когда-то здесь зализывали раны английские моряки после того, как им досталось от русских. Адмирал Ушаков победил одноглазого адмирала Нельсона в том коротком бою. Сражение это произошло вскоре после Трафальгарского и поэтому осталось в памяти лишь немногих, о нем не любили вспоминать ни русские, ни англичане. Кофейщик был прав, хоть его кофе никуда не годится! Все надо называть своими именами. Кофе – турецкий, тайны – кипрские, аристократки – английские, а вот коты, особенно одноглазые и черные – пока неизвестно чьи. Спасли ли они когда-то остров от засилья гадов?

Остров живет, омывается морем, собирает три урожая в год, копит деньги... Кто сказал, что его надо было спасать? И какое к этому отношение имеют одноглазые коты? А одноглазые флибустьеры, так похожие на котов, разве не губят этот остров? Или тоже спасают? Иначе, с чего бы их здесь терпели? Как и котов. Правда, котов заперли в монастырской резервации! А флибустьеров выпустили на вольный выпас. Коты, флибустьеры, ливанцы...

Двое рабочих с большим сундуком для инструментов подошли к стене с мраморной доской, и один из них ковырнул ее стамеской снизу. Что-то сказал своему товарищу. Тот кивнул и пожал плечами. Они вдруг оба разом взялись за работу – стали решительно выковыривать доску из стены.

Роман остановился удивленно, поставил к ногам сумку, звякнув ее содержимым.

– Что вы делаете? – спросил он.

Один из рабочих оглянулся на него и ответил на ломаном английском:

– Снимаем доску, разве не видите, сэр?

– Но зачем?

– Устарела.

Второй рабочий что-то сначала пробурчал по-гречески, а потом произнес на хорошем английском:

– У каждого времени своя память. Вот ту старую стирают... Когда тут были англичане и владели островом, мы их не любили, и записали это на стене монастыря... Теперь мы влезли с ними в один союз, и ненависть следует поменять на любовь. Вот и стираем старую память...

– Но это же было! Было! – возмутился Роман.

– А теперь, считай, не было! – сказал первый рабочий и еще настойчивей взялся за работу.

Роман гнал машину и чувствовал, что жара плавит ему мозги. Страхнув путанные мысли, он еще прибавил газу и вырвался, наконец, на горное шоссе, которое теперь бойко бежало вниз, к морю.

Ахмед по прозвищу Растес оказался приятным в общении седовласым мужчиной лет под шестьдесят, с живыми карими глазами и загорелым лицом не вполне арабского типа. Он был приземист, крепок и широкоплеч.

– Значит, это он выдул из моих печей? – крутил Ахмед в руках разноцветные стеклянные вазочки, разрывая газетные листы, в которые они были завернуты.

Роман молча наблюдал за ним, думая, что сейчас тот предложит кофе с коньяком, а потом сошлется на занятость и холодно выставит за дверь. Ахмед, действительно, предложил кофе с коньяком, но расставаться с Романом не торопился. Закурив толстенную кубинскую сигару и развалившись в скрипучем старинном кресле, он мечтательно изрек:

– Полжизни для вас, мистер Нестеров, так и не состоялось. Вы не курите сигары! А это полжизни, поверьте! Моей, во всяком случае! Вы знаете, что прекрасные кубинки катают их

на бедрах, смешивая табак со своим сладким потом? Нет? А ведь это так! А как трудно их доставить в Европу или в Азию? Вам это известно? Нет? Если сигары неправильно упакованы, не помещены в особые условия, не сохранена температура и, что самое главное, не учтено атмосферное давление, то они начнут шелушиться как кожа прокаженного! В лавках продают именно такой товар. Но знатоки... Знатоки заказывают специальные партии!

Сизый дым стелился в комнате плотными слоями.

– Я пробовал курить, в свое время, но это не доставило мне удовольствия, дорогой Ахмед!

– Что значит «курить»? Сигары не курят... Их вкушают. Скажем, вино можно пить, а можно и вкушать! Плохое вино пьется, а хорошее вкушается! Ну, да ладно! Уже поздно. Вы опоздали, сэр!

Вдруг он стал серьезным и спросил, не отрывая немигающего взгляда от лица Романа:

– А правда, что вы русский полицейский?

– Правда.

– И вы использовали несчастного Делси, чтобы подъехать ко мне?

– Правда.

– Люблю откровенных людей! Почему вы не наврали?

– Зачем усугублять и без того грубую работу?

Ахмед захохотал, затряс головой. Пепел от сигары полетел на стол и на его брюки, темно-синие, в чуть заметную серую полоску.

– Черт! Вот это и есть единственный недостаток сигар.

Он приподнялся на секунду-другую, стряхивая с себя пепел.

– У японцев есть забавная притча. Вот, говорят, противник думает, что раз я японец, то хитрец. И я не скрываю хитрости на своем лице. Противник думает, раз я не скрываю хитрости, то я глупец, и не принимает меня всерьез. А я действительно хитрый японец и со мной надо уши держать остро! Лучшее место, чтобы спрятать ценность, это оставить ее на виду. Не так ли?

– Японцы не хитрый, а умный и даже утонченный народ.

– А вы?

– Что я?

– Вы тоже как японцы? Я, мол, подъехал к тебе, к ливанцу, на скромном пони, а ливанец думает, что это заколдованный скакун, а это все равно скромное пони, которое может лягнуть не хуже скакуна. Разве не так?

– Интересная мысль. Если я с ней соглашусь, вы продолжите свои психологические изыскания? Подскажите, где нам остановиться.

– Недурно. Вы хорошо болтаете по-английски. Слишком хорошо для русского копа.

– У вас уже была практика общения с русскими?

– Была. И вам это известно. Иначе зачем здесь греческий полковник Артур Сузу? Вы удивлены моей информированностью?

– Нисколько. Наш общий приятель Юра Рождественский, из русского банка, говорил мне, что вы человек весьма информированный.

– О вас он говорил почти то же самое. Может быть, это все, что он может подметить в людях?

Ахмед широко улыбнулся, обнажив ряд крупных ровных зубов с желтоватым налетом.

– Не скажите. Юра человек трудный. Просто так ничего не скажет, – усмехнулся Роман.

– Бывший коп. Нет, не коп. Не просто коп! Шпион.

– Это факты его личной биографии. Меня они не касаются. А вот ваша информированность, Ахмед, наводит на всякие тревожные мысли. Зачем вам интересоваться мистером Сузу, разве что если за этим интересом не стоит нечто большее, чем обычное любопытство? Вы не

спрашиваете, сколько, скажем, торговцев сахаром прибыло на остров и по какой цене они торгуют. Это ведь выходит за сферу ваших интересов. Поэтому тут вы не стремитесь знать больше, чем вам положено.

– Пока я не интересуюсь сахаром, как и местным картофелем, и помидорами или цитрусами, или, допустим, щебнем, и даже русской ворованной древесиной, которую тащат сюда сотнями тысячами тонн для дальнейшей перепродажи. Я очень многим не интересуюсь. Вы правы. Если только какая-то проблема не затронет моих личных интересов или интересов моих друзей. Но меня не может не интересовать полковник Сузу. Ведь он прибыл и по мою душу. Что же тут вас так удивляет?

– Вы правы. Хотите, продолжим разговор?

– Тонкий прием. Вербуете?

– Если вы задумаетесь, то прием не такой уж и тонкий. Я ведь подъехал к вам, как вы изволили выразиться, всего лишь на скромном пони. Так мы будем продолжать разговор?

– Почему бы и нет. Хотите выпить? Только не здесь.

– Пожалуй.

– Тогда вы мой гость. Вас это не беспокоит? Ведь, по-вашему, я буду вас угощать на деньги, полученные от незаконной торговли оружием.

Он опять засмеялся, хитро щуря глаза.

– Будем считать, что это ваше первое покаянное признание, Ахмед. – Роман улыбнулся. – Кажется, разговор завязывается.

– Я немедленно умолкаю и гашу сигару. Я даже раздавлю ее в пепельнице. Видите, какая жертва! А эти штуки, между прочим, совсем не дешевые! И мы едем ко мне в клуб. Не волнуйтесь, вас не похитят. За вас некому платить.

– Вы меня пугаете.

– Я? Это ни к чему не приведет. Одно лишь то, что я ливанец, уже страшно. Не так ли?

– Вы полны предрассудков. Но кто в этом виноват? Может быть, и ливанцы тоже?

– Может быть. Может быть, и ливанцы. Так пойдем?

Роман поднялся и развел руками.

– Похищайте. Если выживу, получу орден. Если нет, вам не поздоровится. Закроют ваш бизнес, начнут гонять по всему свету. И все из-за какого-то примитивного русского милиционера!

– ...великолепно говорящего по-английски, – закончил за Романа Ахмед. – Вы шпион, сэр!

– Поехали, Ахмед. Если я вам скажу, что нет, вы все равно не поверите.

Глава 16

Растес (продолжение)

Спустя пятнадцать минут они сидели в прокуренном зале, где совершенно беззастенчиво стояло несколько пустых столов, затянутых зеленым сукном и разлинованных под какую-то неведомую Роману игру. Это было почти вызывающе уже потому, что азартные игры на острове были строго-настрого запрещены. Но тут, очевидно, действовали какие-то иные правила.

У выхода, за портьерой, слонялись двое черноволосых крепких парней с недобрыми глазами. Глядя на них, Роман подумал, что Ахмед, должно быть, сильный человек, иначе как бы он сумел постоянно сдерживать их ярость. На столе дымился неизменный густой кофе, который ливанец именовал «ливанским» и стояла какая-то крепкая водка.

– Сами гоним. Чистая, как слеза ребенка. Для себя делаем. Хотя это и противоречит исламу. Но контраст – единственное, что дает ощущение чистоты общего фона. Не так ли? – Ахмед засмеялся и неожиданно серьезно заглянул в глаза Роману, потом смягчился. – Хотите посмотреть на девочек? Танец живота и все такое...

– Боюсь остаться у вас навсегда, Ахмед. Русского вам не прокормить и не напоить.

– Этот опыт мой народ уже имеет. Хотя опыт обоюдный. Как видите, ничего путного не вышло.

– Вот как? И это слова благодарности одного народа к другому?

– Это истина. Реальность.

Роман кивнул, отпил водки и удовлетворенно закивал.

– Вы нас предали, дорогой бывший русский друг! – вдруг твердо изрек Ахмед и опять поднял на Романа черные глаза.

– Предали?! Мы вас?

– Всех. Подумайте сами. Ваш марксизм когда-то разделил мир на две почти равные части: запад и восток. Образовался фронт – повсеместно. Все, что было западнее его окопов – то было станом врага. И враг думал также – только в обратном направлении. Мир, разделенный еще в Ялте, копил силы. Красные говорили нам: истина в классовой резне. Те, другие, уверяли, что истина в их демократии, которая тоже требовала своей резни. Обе стороны сходились лишь в одном: предстоит генеральное сражение не на жизнь, а на смерть.

– Подумать только! Мне и невдомек было... генеральное сражение. Ходил вместе со сверстниками в школу, в институтах учились, а у вас тут, оказывается, первый эшелон зрел! – Роман криво усмехнулся.

– Вам смешно? – неожиданно обиделся Ахмед. – А вот нам не очень! Многие из нас учились в ваших же специальных школах – классовой борьбе с «калашниковыми» наперевес! Те, кто оказался с западной стороны – среди них тоже арабы, и пакистанцы, немалая часть афганцев, пуштуны, узбеки, таджики, да мало ли кто, – обучались в других ведомствах и у других инструкторов, на другом языке, на том, на котором мы с вами сейчас разговариваем... специалисты уже не по «калашниковым», а по М-12. Знаете, есть такая винтовка?

– Слышал.

– А я видал, и даже в руках не раз держал. И не только М-12, и не только винтовки. Я видел мины, ракеты, тяжелое вооружение... Потом запад и восток между собой вдруг договорились, а от нас отмахнулись – хватит, мол, катитесь. Куда хотите! Всем спасибо! Война окончена! Нас использовали и те и другие для игры на двоих, за одним карточным столом. Мы были простыми фишками... и только! Мы – носители древних культур... когда вашего и духа еще на этой планете не было! Окончена, видишь ли, война!

– Бери шинель, пошли домой?

– Что?

– Песня есть такая, – Роман вскинул на ливанца глаза. – «С войной окончили мы счета, бери шинель – пошли домой!»

– Хорошая, наверное, песня. Но только мы свои счета еще не окончили! Окопы осыпались, и арабы, наконец, встретились... с обеих сторон. Вместо двух ваших дешевых идеологий мы вспомнили свою, общую, вечную. Ислам называется.

– Можно подумать, вы его забыли.

– Нет не забыли, но... как бы сказать... для другого помнили. Для другого! Вас это не касалось! А теперь у нас ислам вместо ваших рыцарских лат! Не пробьешь!

– Аллаха мобилизовали?

– Хорошее слово! Мобилизовали. Это он нас мобилизовал! А вы предали – и те, и другие. За это вам придется головой платить! Вот так!

– Убедительно. И даже страшно! – кивнул Роман. – Только нового в этом ничего нет! Все это уже было и раньше. Когда нас еще не было, да и вас. Разве не так?

– Так. В истории вообще ничего нового не бывает. Меняются лишь имена и даты. Все ходит по кругу. Только вы продолжаете предавать, как предавали всегда!

– Как это?

– Раньше американцы знали, что на том конце света притаился ваш длинный кнут, и голову поднимали осторожно, с оглядкой. А теперь, когда ваш кнут обломался с треском, они затаивали на весь свет, и своими хищными зубами его рвут! Где же вы-то? Марксисты, патриоты, защитники нищих! Садовниками в парках своих заклятых врагов служите, землю унавоживаете? Разве вы на что-нибудь другое способны? А как грудь-то раздували! Мы-то, дураки, чуть было не поверили! Да нет, поверили! Еще как поверили! Разве это не предательство с вашей стороны? А что теперь?

Роман разом допил свою водку и громко выдохнул.

– Ну и что теперь? – спросил он.

– Теперь? Теперь вы задавайте свои вопросы, но помните, что я вам ничего не должен. И если чем помогу, то это лишь моя добрая воля. Добрая воля! – Ахмед чуть повысил голос и блеснул на Романа потемневшими глазами.

Роман поднялся.

– Пожалуй, пойду! Не думал, что разговор этим кончится. Я этого не хотел.

– Я тоже, – Ахмед будто смутился, положил обе ладони на зеленое сукно, растопырив пальцы. – Не держите зла.

Роман кивнул.

– Послушайте, мистер полицейский друг! – вдруг произнес Ахмед, глядя на Романа снизу вверх, – передайте полковнику Сузу, что русские черти, в том числе и небезызвестный вам одноглазый, зла не делают. Как только Израиль начинает обстреливать Бейрут, они перевозят на остров мирных граждан. И все! Никакого оружия, никаких наркотиков и прочей дряни здесь нет! Мы же не идиоты, сэр! Зачем гадить там, где нам дают кров. И русские парни думают так же. Я уверен! Не ищите здесь, не ищите!

Роман посмотрел на Ахмеда, недоверчиво и спросил:

– Почему вас так странно называют – Растесом? Это ведь не фамилия?

– Не фамилия! – рассмеялся Ахмед. – Шведы выдумали. Были тут два веселых парня. Их подозревали в поставках наркотиков в Европу. А это были просто деловые парни. Мы с ним проворачивали очень неплохие финансовые аферы. Я бы даже сказал, изящные. Учредили компанию – «Растес», вот и стали говорить Ахмед из «Растеса». А тупые копы запаниковали. Скандал! Наркотики, Ахмед по кличке Растес! Моя фамилия Харири.

Он вдруг стал серьезным:

– Я занимаюсь делом. Большим и важным делом. Это верно. Но вам теперь туда ходу нет. И никогда не будет. Идите с миром, ребята! Мы здесь без вас договоримся.

Глава 17

Копы

Роман приехал в полицейское управление, когда там светились только два окошка: дежурного офицера и полковника Сузу. В кабинете Артура Сузу оказался и Козмас. Должно быть, они собирались уходить, когда дверь распахнулась и в темном проеме застыла фигура Романа.

– Вот так явление! – воскликнул Сузу.

– Извините, что поздно. Забежал на огонек, – улыбнувшись, сказал Роман.

– Что скажете, майор?

– Промолчу, сэр.

Он занял один из скрипучих венских стульев и молча огляделся.

– Вы виделись со своим омагусовским другом? – спросил полковник Сузу после недолгого, нетерпеливого молчания.

– Да, сэр.

– И что же нового?

– Он выдул уйму великолепного стекла. Прямо глаза разбегаются!

– И все?

– Нет. Еще заварил божественный турецкий кофе. Именно, турецкий, сэр, и никакой другой!

– Вы с толком провели время, я вижу.

Роман кивнул. Козмас недоверчиво покачал головой.

– Что, мой друг, – улыбнулся Роман, – не веришь?

– Верю. Только ведь это не все?

Роман вздохнул:

– От вас ничего не скроешь, проклятые копы!

– И не стоит, коллега! – подал голос полковник.

– Я виделся с Ахмедом. Поболтали. Он просил, полковник, кланяться вам. Оказывается, ваше присутствие здесь ни для кого не секрет.

– Вот как?

– Именно. Советовал не беспокоиться. Мол, русские... то есть украинцы, это для него одно и то же, как, собственно, и для вас... так вот, его друзья, оказывается, делают благородное дело. Они вывозят из Бейрута несчастных беженцев, когда Израиль обстреливает город.

– Забавно. Интернационал какой-то, честное слово! – криво ухмыльнулся Сузу.

– А на что вы рассчитывали? Что Ахмед расчувствуется и все мне выложит?

– Вы сами-то знаете, чем они заняты?

– Нет. Но могу догадываться.

– Догадайтесь, пожалуйста! Я вас очень, очень прошу, сэр!

Роман слегка покраснел.

– Хорошо, господин полковник. Хорошо! Хотите услышать мое мнение?

– Жду с нетерпением, господин майор.

– Похоже, сэр, что все это не наше дело.

– А чье?

– Политических спецслужб, сэр. Видите ли, у меня состоялся с Ахмедом очень любопытный разговор. Собственно, даже не разговор, то есть не совсем диалог... Скорее я выслушал его монолог. Из него следовало, что Ахмед не склонен к уголовной возне. Более того, он прямо посоветовал нам не тратить на него время.

– Что это значит, черт побери?

– Это значит, сэр, – сказал твердо Роман и посмотрел сначала на Козмаса, потом на Сузу, – что они заняты политикой, и делают что-то, далеко выходящее за рамки обычного криминала. Украинцы, по всей видимости, представляют интересы определенной политической группы из бывшей советской империи. Правда, тут без уголовщины, конечно, не обошлось.

Роман поднялся, обошел стул и, опершись ладонями о его спинку, посмотрел в пол.

– В логике ливанца есть смысл... спорный, но определенно есть. Он серьезный тип, этот Ахмед по кличке Растес! Думаю, Ахмед – кадровый офицер разведки. Скорее, ливанской, хотя... кто знает!

– И что это значит?

– Собственно, не имеет значения, на кого он работает, или с кем договорилась его разведка... но кое-какие его высказывания подсказывают мне, что он является далеко не второстепенным звеном в поддержке каких-то разведывательных или даже, может быть, диверсионных программ. Во всяком случае, он способен подвести под это довольно аргументированную идеологию. На кого, то есть против кого направлены эти программы, не знаю. И если в этом замешаны украинцы с уголовными рожами и со своей, как у нас говорят, братвой...

– Что значит «братвой»? – перебил полковник и удивленно поднял брови.

– Так в русской уголовной среде именуют друг друга. Как монахи... братья, братва... единый орден. Святость законов их сообщества и тому подобное. Ну, так вот, ...все это наводит меня на мысль, что речь идет о политике, по крайней мере, реваншистского толка. И это, по-видимому, встречает поддержку где-то на территории Украины и России. Взаимный контроль сторон за влиянием на ближневосточных территориях и за денежными потоками по продаже упрямым режимам на востоке, стратегического сырья из той же России или Украины... Куда потом идут эти деньги, по-моему, никому уже из нас не разобраться!

– Вот как! И что же все-таки это значит?

– А то, что тот человек, который погиб в шахтах за купальнями Афродиты и роль которого, как вы полагали, выполнял я... – Роман с усмешкой оглядел лица полицейских офицеров, – работал не на криминал, во всяком случае, не столько на него, сколько на определенную политическую группу. На профессионалов. Это политика, господа! Уголовщина – лишь прикрытие. Я полагаю, что острие направлено против Израиля и США. Может быть, у них есть что-то на группу нашего ливанца?

– У Ахмеда, похоже, есть свои информаторы из нашей среды, или близкой к нам, – задумчиво произнес Козмас.

– Это очевидно! – повернулся к нему полковник. – Откуда бы им иначе было знать о моем приезде?

Роман вдруг рассмеялся. Офицеры посмотрели на него, потом переглянулись.

– Простите, коллеги! – смутился Роман. – Так...мысли... Представляете, один из этих украинцев – кривой. То есть одноглазый. Помните того кота? Я же вам рассказывал. Ну, из монастыря! Выходит, мы те гады, которых они теперь так же выжимают из этого мира?

– Чушь какая-то! – вспыхнул полковник и хлопнул ладонью по столу.

– Не скажите! – вступился за Романа Козмас. – Не скажите! Святая Елена везла котов из Израиля. Вспомните легенду! Хотя я и не склонен считать ее просто легендой... Думаю, это исторический факт.

– И что же?

– А то! Если наш русский коллега прав, то в историю с Ахмедом и одноглазым украинцем действительно замешаны интересы Израиля. Ливанцы, при поддержке этих типов с их быстроходными «кометами» и еще Бог знает с чем, настроены совершенно определенно – против Израиля, против американцев. Роман тут, кажется, прав.

– У вас есть какие-то соображения? Все это банально! – Сузу махнул рукой.

– Нет, не так уж и банально! – сказал Роман. – Моссад наверняка располагает информацией куда большей, чем мы. Ведь ты это хотел сказать?

Козмас кивнул и улыбнулся краешками губ.

– Вы должны связаться с ними, полковник. Вам поверят. Мне – нет. Здесь чистая политика!

– Забавно! Черт побери, забавно! Дикие коты из Израиля, из Палестины, из Ливана. Черт знает откуда взялась эта дрянь! Теперь одноглазые бандиты, ливанские шпионы, и опять тот же остров, те же участники. Все то же самое, но с поправкой на наше подлейшее время!

– Не то же самое! Похоже, но не то! – серьезно произнес Роман. – Нет среди нас святых. Некому разобратся.

– Вот как? В чем разобратся?

– В гадах, сэр. От них ведь и оставили котов беречь новую цивилизацию.

– А может быть, от нас? – спросил полковник, продолжая смотреть на Романа, – Или от меня? Только от меня или от тех, кто за мной? А этот ливанец и ваш одноглазый соотечественник, своего рода, святое воинство? Они готовы истребить англосаксов? Крестоносцев? А как же святая Елена? Византийская императрица. Она кто? На чьей она была стороне?

– Не знаю. Она святая. Она ни на чьей стороне. Это мы должны выбирать, на чьей быть стороне: на ее или на противоположной! – ответил Роман.

– Попробуй угадать, кто, где и с кем! – вздохнул Козмас. – Все это так глупо. Мы, взрослые люди, полицейские офицеры, несем какую-то околесицу...

– Это не околесица, Козмас! – прервал его Роман. – Это поиск алгоритма, чтобы не войти в диссонанс с действительностью. Ничего не меняется, только умножается на коэффициент времени. Всего-навсего! Понимаешь?

– Допустим. Но тогда причем здесь Израиль? В те времена, то есть во времена святой Елены он сыграл, так сказать, очищающую роль. С его земли сюда везли святыни. А теперь все наоборот. Ливанцы, арабы, эти ваши бандиты... или кто они там, против того же Израиля, против англосаксонской цивилизации. Путаница какая-то! Абсурд! – горячился Козмас.

– Нет. Просто, мы не понимаем! Все варится в этой каше... – вздохнул Роман. Много сора. Но есть, есть какая-то постоянная величина! Мы ее утерjali, не видим. А она есть!

Все замолчали. Первым нарушил молчание полковник.

– Все это философия, хотя и не бесполезная. Нам надо решать, что делать!

– Моссад, американцы! – опять сказал Роман. – Я не могу об этом докладывать в Москву. По многим причинам.

– Причины мне понятны. Будем и дальше считать, что от вас все надежно скрыто, и вы продолжаете копаться в уголовном мусоре. Пусть пока там так думают, майор. А за выводы спасибо. Откровенно говоря, не ожидал. Это тонкая работа, сэр. Она достойна хорошего разведчика.

Роман вздохнул и с досадой махнул рукой.

– Хорошо, хорошо! Не буду! – Сузу громко рассмеялся и хлопнул Романа по плечу. – Когда, черт побери, вернется ваша аристократка? Нам пора в кошачий монастырь.

Роман неопределенно пожал плечами:

– Подождем... Обещала вернуться. Всего доброго! Я чертовски устал. Хочу спать.

Когда за ним закрылась дверь, Сузу с улыбкой посмотрел на Козмаса:

– А вы подвержены неожиданным острым чувствам, как некоторые русские?

– Да, господин полковник. В основном, чувству голода!

Сузу кивнул:

– Я тоже. Особенно сейчас. Ведите меня куда-нибудь. А то я сожру вас. Обоим не поздоровится – вам сначала, а мне потом: несварение и тому подобное... Скорее! Я еле сдерживаюсь!

Глава 18

Колотушкин

Роман вышел из машины и только теперь почувствовал, как по телу расплзлась усталость: слишком длинным оказался этот день. Парадное в гостиницу светилось тусклыми дежурными огнями. Роман поднялся на две ступеньки и вдруг почувствовал слева, за спиной нечто тяжелое, тревожное, темное. Он резко обернулся и сощурил глаза, пытаясь разглядеть то, что ощущал спиной мгновение назад.

Это тяжелое, тревожное и темное неожиданно стало огромным мужским телом, с неестественно широкими плечами, гигантского роста, с кудлатой головой, сидевшей на бычьей шее.

Роман отступил на шаг и непроизвольно сжал кулаки.

– Вы того... я это... – по-русски, неожиданно высоким голосом сказала тело. – Не пугайтесь! Я просто познакомиться... Поговорить, в общем!

– Вы кто, черт вас возьми? – рассердился Роман сам на себя за то, что его захватили врасплох.

– Иван я. Колотушкин.

– Какой еще Колотушкин?

Человек вышел из темноты, и дежурный свет парадного гостиницы слабо тронул его лицо. Оно было загорелым, грубым, одутловатым, перечеркнуто черной полоской с черной же подушечкой на левом глазу, большой золотой зуб матово поблескивал между толстыми полукруглыми губами. Этот Иван Колотушкин словно материализовался из авантюрного романа о пиратах и конкистадорах. Роман невольно усмехнулся.

– А! Теперь понимаю, – протянул он. – Ахмедов приятель? «Кометы», ливанцы и все такое...

Колотушкин почему-то виновато кивнул и вздохнул. Потом вдруг развел руками и что-то негромко сказал. Слов было не расслышать. Роман подумал, что этот черный здоровяк действительно напоминает кота из монастыря – и тот был одноглазый, с одним желтым зубом, с непомерно большим телом, вкрадчивый и сильный, и тоже говорил что-то неясное на своем страшном языке.

– Вы, случайно, котом не были никогда? – улыбнувшись своим мыслям, спросил Роман.

Колотушкин растерянно пожал плечами:

– Почему котом? Каким котом? Я с Украины.

– Ну, раз с Украины, – передразнил его Роман, – тогда пойдете ко мне.

– К вам? Поздно уже. Я так, познакомиться.

– Попугать захотел, Иван Колотушкин?

– Нет, что вы! Ахмед сказал, иди, поговори, тебя мент... это... полицейский то есть... ищет. А чего меня искать-то! Вот он я! Давно уж стою тут!

– Ну, познакомились, допустим. Дальше-то что?

В этот момент стеклянная дверь гостиницы распахнулась, и в лучах неяркого света застыл Сид.

– Эй! Мистер Нестеров! У вас все в порядке? – спросил он громко, с явной угрозой в голосе.

– Да, Сид! Все в порядке.

– Что это за тип?

– Это не тип, Сид, это – мистер Колотушкин!

– Меня зовут мистер Колот, – сказал вдруг по-английски Колотушкин. Он произнес это, несколько не заботясь о произношении, – Я так представляюсь. Англичане не могут сказать мою фамилию полностью. Так исковеркают! Сам не узнаю.

- Сказать фамилию! – передразнил Сид. – Так не говорят!
- И черт с ним, что не говорят! Я с Украины.
- Откуда?
- Неучи! – проворчал Колотушкин по-русски, – Ни хрена не знают, кроме своего туманного Альбиона!
- Кроме чего? – удивился Роман.
- Туманного Альбиона! Англии, значит...
- А ты забавный тип, мистер Колотушкин. То есть, мистер Колот.
- Да ладно вам! Иван я.
- Откуда ты язык знаешь, Иван?
- От верблюда! Сейчас без этой фени никуда. Сами знаете.
- И давно?
- Чего давно?
- Язык-то давно изучил?
- Какое изучил? Так... базарю понемногу. То да се. Практика!
- Сид ничего не понимал, но, уловив насмешливые интонации в голосе Романа и будто виноватые нотки в ответах мистера Колота, повернулся и исчез в холле гостиницы.
- Чего это он? – спросил Колотушкин. – Друг, что ли?
- Друг.
- Небось, в полицию пошел звонить, старый идиот!
- Вряд ли. Ему спать пора, а мы тут с тобой языками чешем. Так зайдешь ко мне?
- Чего это я зайду? Говорю же, поздно. Я того... пригласить пришел... на прогулку.
- Сейчас, что ли?
- Нет, конечно. Кто же в такое время в море выходит? По добру-то? Завтра. Я утром заеду, и мы на «Комету». Хочу показать.
- Ахмед велел?
- Ахмед мне велеть не может. Просил. И я тоже не против. Ну как? Пойдем завтра, с утра?
- Роман задумался на мгновение.
- Да вы не бойтесь! Обратно доставим! Мы что, без понятия?
- Кто ж вас боится, одноглазых?
- Не надо обижать, мистер Роман. Меня глаза в честном бою, можно сказать, лишили. Один на один.
- В зоне?
- Почему в зоне. На воле. Мальчишкой еще был. Подрались там с одним во дворе. Я ему ухо откусил, гаду.
- Значит, ходит где-то человек без уха?
- Нет. Не ходит. Лежит уже. Давно. Только это не моих рук дело.
- Интересная, как я погляжу, у тебя жизнь. Яркая.
- Не жалуемся. Тепло. А это – главное. Ну, так заезжать мне завтра?
- Роман кивнул и хотел уже было подняться на следующую ступеньку, но обнаружил у своего живота большую раскрытую ладонь. Он с удивлением поднял глаза на Колотушкина. Тот несмело, по-детски открыто улыбался. Черная лента с подушечкой на глазу, желтый зуб, одутловатое обветренное лицо и детская улыбка – все это было похоже на финал спектакля в театре юного зрителя, когда злодеи вдруг оказывались добрыми парнями, потому что их играли добрые парни. Занавес опускался и страшные, жестокие пираты, раскланиваясь и улыбаясь, выходили к публике, поражая контрастом сценического образа и человечности актера.

Роман взялся за эту ладонь и слегка ее сжал. Ладонь тотчас выскользнула, и грузное тело растворилось в темноте. Только скрипнул гравий под тяжелым шагом, хлопнула дверца автомашины. Мелькнули яркие красные огни, и тяжело урчащий джип исчез в темноте.

Глава 19

Каролина

Утром следующего раздался ранний телефонный звонок. Роман открыл глаза, не понимая, где он и кто он. Сон испуганно отлетел и спрятался где-то в дальнем уголке мутного еще сознания.

– Да, слушаю, – крикнул Роман в трубку. – Я вас слушаю.

– Я тебя разбудила? – спросила трубка по-русски, но с заметным акцентом. – Да что ж я спрашиваю! Конечно, разбудила! Перейдем на английский, господин майор?

– Каролина! – Роман быстро сел в постели и потряхнул головой. – Ты где?

– Далеко, сэр! В Лондоне. У нас, между прочим, еще более раннее утро, чем у вас там.

– Что случилось?

– Ничего. Еле дождалась рассвета. Чуть не умерла ночью от нетерпения.

– Ты заболела?

– Возможно. Во всяком случае, здоровый человек так себя не ведет. А ты здоров?

Роман вздохнул, потер ладонью лицо.

– Смотря что ты имеешь в виду.

– Я соскучилась.

– Спасибо. Прости, никогда не умел болтать по телефону. Все равно спасибо. Послушай...

– Слушаю.

– Каролина, понимаешь...

– Ты хочешь сказать, что любишь меня? И трусишь?

– Да, да. Я не привык. Один раз в своей жизни это сказал и, кажется, здорово ошибся.

Я тогда не только в этом ошибся...

– Не смущайся! Я говорила это не менее десятка раз. И каждый раз ошибалась.

– Возможно, и сейчас?

– Заметь, я тебе этого не сказала.

Она тихонько засмеялась.

– Ты взяла меня сонного! Наверное, ты сама сон.

– Наверное. Во всяком случае, глаза слипаются.

– Ты вынудила меня признаться, а сама спрятала голову... Я этого так не оставлю!

– Дурачок! Совсем дурачок. Ну, чего бы я стала тебе звонить с острова на остров? В такую-то рань!

– А как же другие признания? Не меньше десятка?

– Слова одни и те же, а мысль в них вкладывается каждый раз искренняя, как впервые.

Не веришь?

– Не знаю. Каждому свое.

– Именно. Тебе солнце, мне – туман. За окнами прямо молоко!

– У нас говорят – «Туманный Альбион». Только вчера ночью слышал.

– Тебе кто-то это шепчет по ночам, мерзавец?

– Да, одноглазый тип, похожий на того жуткого кота, на Диаса.

– Стоило мне уехать, как ты уже натворил глупостей?

– Боже! Разве ты для этого звонила?

– По большому счету, для этого. Наш разговор – сплошная глупость. Так не бывает. Ведь не бывает? Скажи, не бывает?

– Значит, я еще сплю. И ты тоже.

– Что у тебя происходит?

- Ничего. Совсем ничего! Кстати, о тебе не прекращает говорить Артур Сузу.
- Этот не вымерший еще «черный полковник»? И что же он такое говорит? Надеюсь, ты уже вызвал его на дуэль?
- Не успел. Он требует тебя на остров! Говорит, что должен реабилитироваться и без тебя к котам не пойдет!
- Я прилечу. Через неделю, а, может быть, через две. Здесь все затягивается. Словно в куклы играю.
- Издержки аристократического быта?
- Похоже на то. Вам, плебеям, это чуждо. Вы счастливы лишь знать об этом, а попробовали бы сами!
- Нам, плебеям, многое чуждо. Но иногда соблазняем аристократок... и даже принцесс!
- Не порть себе нервы. Будь успешным, и все.
- Успешным? А что такое «быть успешным»?
- Удача, помноженная на силу. Разве ты не знаешь этого?
- Ты моя удача. Осталось только найти силы.
- И тогда ты станешь успешным?
- Наверное. Это неважно. Удача, помноженная на силу! Неплохо сказано. Это ты придумала?
- Боюсь, я. Я вообще афористична. Ты не находишь?
- Не знаю. Но сказано хорошо. Можно, я выбью это на своем плебейском фамильном гербе?
- Выбивай. А потом повесь его на щит.
- Зачем? Щит тяжелый, его надо с собой таскать. Не хочу.
- Тогда запомни, и все.
- Я хочу тебя видеть!
- Скоро прилечу. Разберусь тут со своим фамильным гербом и прилечу! Правда, здесь есть чудесный, милый старик... Единственный близкий мне тут человек.
- Разбирайся поскорее с гербами, со стариками, пожалуйста. А то вдруг меня отзовут?
- Что, налаживаются дела? Почти искоренил международную преступность на острове?
- Похоже, она нас искореняет. Если это поймут в нашей штаб-квартире, то меня отзовут. Прилетай скорее!
- И то, и другое когда-нибудь случится.
- Что ты имеешь в виду?
- Все. И то, что я прилечу, и то, что тебя отзовут. Что тогда будет? Как дальше?
- Не знаю. Не хочу об этом думать!
- Удача, помноженная на силу?
- Удача, помноженная на силу! Наш девиз. Пусть будет так. Я люблю тебя.
- Люблю. Люблю...

Ее голос вдруг смялся, растворился в унылых, равнодушных сигналах. Роман еще некоторое время подержал в руках трубку. Потом бережно положил ее на рычаги и отвалился на подушку. Он смотрел в потолок и блаженно улыбался. Неплохо и, главное, неожиданно начался день. Посмотрим, как он продолжится. В любом случае, хуже. Потому что не будет ее. Она на другом острове, в сером тумане.

Глава 20

Колотушкин

Совсем близко облизывала берег хрустальная волна; рыжая пыль, долетевшая за ночь из далекой Сахары, спустилась с небес и покрыла автомобили и светло-серый камень строений на набережной.

Роман выпил кофе в баре и только успел позвонить Козмасу, чтобы сказать о предстоящем сегодня морском путешествии, как в гостиницу вошел одноглазый Иван Колотушкин. Он завертел головой и, увидев Романа за столиком у окна с чашечкой кофе в руке, широко улыбнулся. Его ночное уродство растворилось в утреннем свете, даже черная повязка на глазу показалась бутафорией, а не грозным свидетельством жестокого жизненного опыта.

– Роман... не знаю отчества... я уже здесь.

– Без отчества. Просто Роман. Доброе утро, мистер Колот.

– Да что вы, в самом деле. Иван я. В крайнем случае, Колотушкин.

– Это в каком крайнем?

Колотушкин смутился, развел руками:

– Да я так, к слову.

Из-за барной стойки на него мрачно смотрел Сид. Роман подумал, что если бы даже он сам не позвонил Козмасу, это непременно бы сделал старый повар. Попробуй тогда все объяснить киприоту и греку, не вызвав подозрений. Роман поднялся и, допив последний глоток бурого пойла, который Сид именовал «кофе», подошел к Колотушкину.

– Ну, Иван Колотушкин, поехали?

– Пошли! В море ходят, а не плавают.

– Усвоил. Пошли.

Огромный черный «Лэнд-Крузер» стоял у самого порога гостиницы. Старая седая англичанка, давно жившая в гостинице, пыталась обойти его, чтобы войти в холл, но у нее это не получалось. Места даже для ее щуплого тела почти не осталось.

– Черт побери! Какой болван... – начала она.

– Это я, мэм! – ответил одноглазый, спускаясь вместе с Романом по лестнице. – Не бухти! Сейчас уберем.

Последние слова он произнес по-русски, но суровый тон англичанка уловила и, поджав тонкие губы, нехотя отодвинулась в сторону. Роман поторопился сесть на пассажирское место, а одноглазый, не спеша протерев платком огромное боковое зеркало, кряхтя и сопя, сел за руль.

– Все им некогда! Чухонцы хреновы. Хоть и эти, как их, англосаксы. Один хрен! – ворчал он, отъезжая от гостиницы. – Целый день у окошка сидит, старая стерва, в небо плюет!

Роман с интересом взглянул на Колотушкина и подумал, что одноглазый, пожалуй, не один и не два дня наблюдал за гостиницей Романа, если уже знает привычку англичанки сутки напролет, почти без сна, сидеть у окна и глазеть на пустую, пыльную улочку. Получается, что Ахмед и компания заинтересовались русским сыщиком куда раньше, чем он ими.

...Акулье тело белой «Кометы» дрогнуло и сорвалось в море. Подводные крылья зло резали волну, бегущую навстречу. Изумрудная вода упрямо пенилось, вскипала и долго возмущенно бурлила за хвостом «Кометы».

– А вот, говорят, на воде следов не остается. Невозможно рассечь пространство, не оставив следа – сказал Роман. Он стоял в капитанской рубке. За штурвалом восседал одноглазый, еще больше теперь напоминавший флибустьера. Он снял с себя рубашку, обнаружив под ней полинялую тельняшку. Капитан, седой угрюмый мужчина, и его помощник, парень лет девятнадцати, сидели на небольших крутящихся табуретках.

Флибустьер повернулся зрячей половиной лица к Роману:

- Намек понял! Выходит, мы тебе след оставляем, а ты по нему идешь... как собака.
- Пусть собака. А ты не любишь собак, Колотушкин?
- Не люблю. Говорят, в прошлой жизни кто-то был собакой, а кто-то котом. Я – котом. Роман засмеялся, хлопнул одноглазого по плечу.
- Что смешного? – Колотушкин будто даже обиделся.
- Я же тебя вчера спрашивал, не был ли ты котом? А ты что мне ответил?
- Это фигурально! Просто не люблю псов. Коты, они сами по себе, а псы всегда у ноги. Иначе это – волки! Вот ты слышал когда-нибудь о том, чтобы люди возвели собаку в святые? Роман пожал плечами, пытаясь припомнить что-нибудь подобное.
- То-то! А котов священными животными очень во многих местах считали и считают. Возьми хотя бы Египет!
- Роман задумался. Потом вздохнул и спросил:
- Зачем вы здесь?
- Бизнес. Морской транспорт и все такое.
- Только перевозка людей?
- Пока – да. Но собираемся расширить дело.
- Много вас?
- Хватает.
- Зачем вам Ахмед?
- Пассажирская линия. Лимассол – Бейрут и назад. А что, нельзя?
- Почему же нельзя, можно. Только дело-то не в этом. Видишь ли, Ваня, сколько веревочка ни вейся, а конец ей будет. И, кажется, он уже у меня в руках.
- Да ну? – одноглазый недоверчиво хмыкнул. – Даже интересно!
- Интересно? А мне вот не очень! Лучше бы я чем-нибудь другим занялся.
- Вот и занимайтесь! Можно, я вас лучше на «ты»? А то непривычно как-то... Мы люди простые.
- Можно. Если непривычно, то можно.
- На брудершафт, значит.
- Только целоваться мы не будем.
- Почему? – одноглазый рассмеялся.
- Боюсь, привыкнешь.
- Теперь в капитанской рубке засмеялись все. Роман посмотрел на девятнадцатилетнего помощника.
- А ты-то как здесь?
- Капитан вдруг опять стал серьезным.
- Я не для того сына родил, чтобы он в вашей армии вшей кормил! А тут не достанут! – сказал он угрюмо.
- А другим можно?
- У других свои отцы имеются. А если нет, то сами думать должны.
- Значит, по-вашему, если все «подумают», то и служить некому станет?
- Мне это все равно! Кто хочет, пусть служит где хочет и за что хочет. А Генке и здесь есть, что делать. Мужик он уже и так что надо!
- Капитан искоса взглянул на сына. Тот слегка покраснел и отвернулся.
- Ваше дело... только... только здесь он вряд ли что усвоит.
- Ничего! Если человек, его волна вынесет. Верно я говорю, Иван Кириллович?
- Одноглазый важно кивнул:
- Верно, капитан. Человек, он и есть человек. Роман! Гляди налево.
- Колотушкин показал пальцем в сторону далекого теперь уже кипрского берега.
- Вон мыс, видишь? Да ты прямо смотри.

– Вижу. Город там. Крепость какая-то, по-моему.

– Крепость... – передразнил одноглазый. – Фамагуста это. Отелло там свою Дездемону придушил. Слыхал? Шекспир!

– Мавр венецианский. Слыхал.

– Да какой мавр! Выдумал все Вильямка. Белый он был. Губернатором служил. Мзду собирал. Ему пираты сундуками взятки возили. А он им тут все радости мира... А баба его с одним таким же одноглазым, наверное, как я, снюхалась! – флибустьер засмеялся, довольный своей шуткой. – Вот ее муженек и придавил! Молилась ли ты на ночь, Дездемона? И за глотку хватать!

– Что-то все очень просто получается! Опять, выходит, мир вокруг вас вертится, а не вы его обтачиваете со всех сторон.

– Так и есть! Мы живем по законам природы. Значит, в центре! А вы обтачиваете! Хорошее слово! Под себя обтачиваете! Вильямка сказку сочинил, и вы рады-радешеньки! Мавр венецианский! Пожрать, поспать и бабу «у койку» завалить! Все вокруг этого! Верно, помощник капитана?

Парень ухмыльнулся, но капитан тяжело посмотрел на него, и тот вновь отвернулся к морю, словно что-то важное разглядывал на однообразной, размытой водой и солнцем линии горизонта.

– Ты это, Иван Кириллович, ты парню-то голову не морочь. Пожрать, поспать, бабу... – угрюмо сказал капитан. – Рано ему еще бабу!

– Бабу никогда не рано, но бывает поздно! – заржал Иван и хитро взглянул единственным глазом на капитана.

– Это кому как! Кому и рано еще... – не унимался капитан.

Роман вздохнул и подошел к капитану.

– Научится, говорите? Возмужает?

– Возмужает! А нет, так хоть живой будет. У нас в Ростове, в его классе, уже пять похоронок из Чечни пришло. Не успели хлопчики возмужать, а их уже в землю зарыли. Сына не дам!

– Бывал я там, в командировках. Понимаю.

– А вот коли понимаешь, так и молчи лучше! О маврах поговорите... о венецианских... – буркнул капитан.

Помолчали, глядя на приближающийся берег, с которого свисала грязно-желтая кладка древней, угловатой крепости. Под ней тоскливой машиной придавил землю порт, врезааясь в море стрелами пирсов и ровными линиями причалов.

– Туда не пойдем? – сказал одноглазый, – там турки. Нельзя. Арестуют, черти! Отелло-то ихний! С Дездемоной!

Он поднялся с вертящейся табуретки и кивнул капитану:

– К штурвалу, капитан! Правь в открытое море! А мы с ментом вниз спустимся, коньячком побалуемся.

Капитан перехватил штурвал и сел на табуретку одноглазого. Сын подошел к нему и привычно встал справа, у приборов. «Комета» резко наклонилась, заложила лихой вираж. Фамагуста с портом остались позади, за кормой. Скорость стала стремительно нарастать.

Одноглазый и Роман спустились в пустой салон. Задняя дверка открылась, оттуда вышел полный темноволосый грек и выкатил тележку, уставленную щедрой выпивкой и нещедрой закуской, словно она здесь была лишь как дань чужому этикету. Грек улыбнулся, сверкнув рядом белых зубов, и подкатил тележку к одному из столиков, накрытому белой крахмальной скатертью. Тускло поблескивали серебряные приборы.

– VIP, – с гордостью сказал Колотушкин и значительно причмокнул языком: – Как в лучших домах! Садись, брат-мент, коньяк будем пить.

– Спасибо, брат-урка! – зло выдавил Роман. – Только я с тобой коньяк пить не стану.

– Брезгуешь?

– Я коньяк только по вечерам пью, да и то не со всеми.

– Ты не обижайся, Роман, что я тебя ментом кличу. Мы в это слово не всегда плохое вкладываем. Менты, ведь они тоже разные бывают.

– Зато блатные все одинаковые.

Одноглазый мягко толкнул Романа, но этого хватило, чтобы тот тяжело плюхнулся в глубокое крутящееся кресло, вкрученное в пол.

– Не скажи! – хмыкнул Колотушкин и ловко сел напротив, на диван, протиснувшись между столом и диваном. – И урки разные бывают.

Иллюминаторы судна заливала шумная волна. Сквозь них ничего, кроме молочной пены, видно не было. Негромко работал где-то под потолком кондиционер, слегка укачивало, когда крылья вспарывали волну, и судно ныряло в провал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.